ВОЙНА и МИР

ДМИТРИЙ ЯЗОВ

ПОСЛЕДНИЙ МАРШАЛ ИМПЕРИИ

НАШУ ПОБЕДУ НЕ ОТДАДИМ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дмитрий Тимофеевич Язов один из немногих живущих рядом с нами фронтовиков, вернувшихся победителями с Великой Отечественной войны, живой символ великого и могучего Советского Союза, последний маршал Красной империи, стремившейся не разделять и властвовать, а объединять и примирять народы планеты в надежде на светлое будущее. Каждое его слово бесценно и как свидетельство ушедшей эпохи, и как голос одного из немногих во власти, кто сохранил честь, достоинство и мудрость. Оболганный за попытку спасти Страну Советов, маршал Язов был обвинен в государственной измене и брошен в тюрьму, но не сломался и не покорился тем, кто гнул и ломал в запредельно подлые 90-е годы страну и народ. Новая книга Д. Т. Язова, которую вы держите в руках – доказательство того, что Дмитрий Тимофеевич даже в свои 90 лет продолжает сражаться за Отечество, за правду о Великой Отечественной войне, за умы подрастающего поколения русских людей. Нет для Д. Т. Язова в 2015 году даты важнее, чем 70-летие Победы советского народа над гитлеровской Германией. И – да будет услышано СЛОВО последнего Маршала Советского Союза!

- Дмитрий Язов
  -
  -
  - На службе родине и народу
  - Атака на гения[1]
  - «Генштаб, Язов слушает…»
  - Как это было: о пользе чтения
  - Дмитрий Язов. «В потоке военном, в мундире бессменном…»
  - Театр невоенных действий
  - «Чем Сталин хуже Наполеона?!»[3]
  - «Руста специально послали на Красную площадь…»[4]
  - «Под Москвой Жуков мог расходовать в сутки только 11 боеприпасов на километр фронта»
  - «Заговор военных был: Тухачевский сам в этом признался в письме Сталину»
  - «Была тогда настоящая дружба народов…»
  - «В ставке Гитлера был наш человек покруче Штирлица…»
  - «Это была самая настоящая провокация: самолет Руста явно готовили»

- «Скорее всего, агентом влияния был Яковлев»
- «Переговорщиков, которые пожаловали в Форос, Горбачев обложил матом»
- «Надо было или стрелять, или отступить. Я приказал вывести войска…»
- «На следующий день после моего ареста маршал Шапошников – новый министр обороны пришел нашу квартиру смотреть»
- «Я не перед Горбачевым покаялся – прощения попросил у Раисы Максимовны»
- «Контрактная армия, на мой взгляд, ни к чему»
- «Сталин – гений. Однозначно!»
- «Ельцин был малограмотным: больше в волейбол играл, чем учился…»
- «С фальсификаторами истории надо бороться…»[5]
- Мы – русские, мы все выдюжим…[6]
- «Нельзя отрывать Сталина от нашей общей победы»[7]
- «Не нам краснеть за попранные флаги»[8]
- Последний маршал Империи[9]
- «Мы наше 9 мая никому не отдадим!»
- Анекдот от маршала Язова: «Ехал как-то Штирлиц по Кутузовскому…»
- «Разрушали Союз сознательно – извне и изнутри»[11]
- «Наша армия готова защищать Родину»[12]
- Помнят Язово, Даурия, Куба…[13]
- «ГКЧП клеймят, будто мы виноваты, что Россия стала страной миллиардеров и нищих»[14]
- «Говорить, что войны не будет – это чепуха»[15]
- Сталин о роли русского народа в победе[16]
- Последний маршал СССР Язов оценил реформы Горбачева, Сердюкова И Шойгу[17]
- Он держал в руках ядерный чемоданчик

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18

Дмитрий Язов
Нашу победу не отдадим! Последний маршал империи

© Д. Т. Язов, 2015
© Н. А. Кускова, составление 2015
© Книжный мир, 2015

* * *

Глубокая благодарность за помощь в издании этой книги – Омскому землячеству в Москве и его президенту С. М. Бабурину,

генеральному директору издательства «Книжный мир» Д. В. Лобанову,

М. А. Марчуку, В. А. Афанасьеву, Е. Г. Аверковой, П. С. Хрулёву

На службе родине и народу

Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов не просто один из последних символов Великой Страны, он реальное воплощение СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ И НАРОДУ.

Как воин, он мальчишкой пошел из сибирского села в ноябре 1941 на фронт и в боях с гитлеровскими захватчиками – на линии огня и штыковых атак – выполнил свой солдатский долг. Аттестат об окончании школы получил только в 1953, уже будучи майором.

Как офицер, командир советского мотострелкового полка, Д. Т. Язов выполнил свой интернациональный долг, защищая в 1962 году на Кубе молодую кубинскую революцию и СССР.

Как военачальник, он участвовал в создании тех самых могучих Вооруженных Сил СССР, которых боялись и уважали все недруги нашего Отечества. В 1991, войдя 19 августа в состав Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), он совершил неоцененный современниками гражданский подвиг, попытавшись спасти преданный Советский Союз: на 20 августа было запланировано юридическое убийство СССР (создали бы тот же СНГ, да ещё и с М. Горбачевым во главе). Если бы ГКЧП победил, единая страна существовала бы до сих пор. Но, даже проиграв, ГКЧП своим выступлением продлил существование СССР на полгода.

Оболганный, как и другие руководители Советского Союза, Д. Т. Язов, министр обороны СССР, маршал Советского Союза, был арестован и обвинён не только в измене Родине, ради которой никогда не боялся пожертвовать даже жизнью, но и в том, что уходя в 17 лет добровольцем на фронт, он приписал себе год из корыстных побуждений – чтобы в будущем на год раньше уйти на пенсию. Это не выдумка – таковы были подлости ельцинской эпохи.

Генерал армии А. С. Куликов торжественно вручил юбиляру Д. Т. Язову кавалерийскую шашку

Новая книга Д. Т. Язова, которую вы держите в своих руках – доказательство того факта, что Дмитрий Тимофеевич даже в свои 90 лет продолжает сражаться за Отечество, за правду о Великой Отечественной войне советского народа и её полководцах, за умы подрастающего поколения русских людей. И не только за русских, не только за новое поколение всех братских народов былого СССР, но и за общность народов, некогда соединившихся братством по оружию. И нет для Д. Т. Язова в 2015 году дат важнее, чем 70-летие Победы советского народа над гитлеровской Германией, чем 70-летие встречи на Эльбе с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

И – да будет услышано СЛОВО последнего Маршала Советского Союза! Это речь, идущая от сердца, от лица всего поколения Победителей. Пусть прочитают эту книгу сегодняшние российские солдаты и офицеры, потомки украинских антифашистов и потомки бандеровцев, воюющие в Донбассе, потомки американских, английских, французских солдат, освобождавших Европу в 1945. Пусть услышат сказанное и сегодняшние жители Европы, многие из которых забыли правду о войне.

Мы в России никогда не утратим внимания к набату Бухенвальда и слову Солдата.

Сергей Бабурин, президент Омского землячества, народный депутат РФ, заместитель председателя Государственной Думы ФС РФ 2 и 4 созывов

Атака на гения[1]

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, Вы обратили внимание: в канун дня нашей Великой Победы предпринимается очередная напористая атака на Сталина? На одном телевизионном канале, ссылаясь на Хрущёва, говорят, что он много времени проводил в праздности и попойках. На другом – известный историк Юрий Пивоваров называет сторонников вождя «агрессивно послушным большинством». Ему вторит небезызвестная Алла Гербер. Со дня смерти Иосифа Виссарионовича прошло 62 года, а им всё неймётся…*

Д. Т. Язов: – А чему Вы удивляетесь? Сталин – не просто выдающаяся личность. Сталин – это символ нашего былого могущества, небывалых свершений, рекордов, гигантских строек.

Кстати, о праздности, в которой он, якобы, пребывал значительную часть времени. В конце декабря 1929 года он пишет Молотову, извиняясь за задержку с ответом: «Но войди в моё положение: перегружен до безобразия, спать некогда (буквально!)».

Работа в те годы была действительно на пределе. Вспомните его слова: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

И закипела работа. Гигантские заводы росли, подобно грибам после дождя. Как у хорошего хозяина у Сталина всё было под контролем. Он вникал во все детали хозяйственной жизни страны. Здесь для него не было мелочей. Позже, уже во время войны, этот дотошный сталинский подход к делу с удивлением и восхищением отмечал Аверелл Гарриман, бывший тогда послом США в Москве: «Я хотел бы подчеркнуть моё глубокое восхищение способностью Сталина руководить страной в чрезвычайной ситуации – в один из тех исторических моментов, когда от одного человека зависит так много… Он обладал невероятной способностью отмечать мельчайшие подробности и действовать с их учётом… Он в совершенстве знал, какое вооружение наиболее важно для него. Он знал, какого калибра ружья ему нужны, какой вес танков могут вынести его дороги и мосты, он знал в точности из какого металла ему нужны самолёты. Это черты чрезвычайно способного и энергичного военачальника».

Но ведь Иосиф Виссарионович был не только признанным военачальником, но ещё и искусным дипломатом и без всякого преувеличения – гениальным управленцем.

Последнее сквозь зубы, на свой манер, признают даже сталинские недоброжелатели, называя его «эффективным менеджером».

Кстати сказать, Гарриман не изменил своего мнения о нашем вожде и после его смерти. Хрущёвские «откровения» его не переубедили, чего он никогда не скрывал.

Но я хочу вернуть наш разговор в 30-е годы, когда стране предстояло «пробежать» десять лет, которые отводил ей Сталин. Она их успешно «пробежала», о чем свидетельствуют многие зарубежные источники. В 1932 году американский журнал «Нейшен» писал: «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения… Россия быстро переходит от века дерева, к веку железа, стали, бетона и моторов». Английский журнал «Раунд Тэйбл»: «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление… Советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растёт и крепнет… Пятилетний план заложил основы будущего развития и чрезвычайно усилил мощь СССР». Французская буржуазная газета «Тан»: «Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами… В состязании с нами большевики оказались победителями».

За годы первой пятилетки было построено 1500 крупных промышленных предприятий. Среди них металлургические заводы: в Свердловске (знаменитый «Уралмаш»), Магнитогорске, Челябинске, Новокузнецке, Липецке, Норильске. Введены в строй тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Хабаровске, Нижнем Тагиле. Сюда можно отнести автомобильные заводы ГАЗ и ЗИС, Днепрогэс – в ту пору крупнейшую в мире гидроэлектростанцию.

Сейчас это кажется невероятным, но в годы первой пятилетки каждые 29 часов в строй вводилось новое предприятие. Вторая пятилетка «укладывалась» в 10 часов. Позже темпы индустриализации ещё увеличились. В третьей пятилетке, которую не удалось завершить из-за начавшейся войны, уже каждые 7 часов страна получала новое предприятие.

Так что, господа злопыхатели, не было у Иосифа Виссарионовича времени не то, что для праздного времяпрепровождения, но иногда, как он сам признавался, и для сна.

Вот этой работой на износ Сталин заложил и основу нашей Победы в Великой Отечественной войне, 70-летие которой мы отмечаем в эти дни.

Корр.: – *Среди множества огульных обвинений, выдвинутых против Сталина, едва ли не на первом месте стоит пресловутый культ личности. А что, собственно говоря, плохого в том, что он существует? Это знак высочайшего доверия и уважения народа к своему руководителю. Ни один лидер нашей страны после смерти Иосифа Виссарионовича не удостаивался подобной чести. Хотя некоторые были не прочь.*

Д. Т. Язов: – Знаменитый французский писатель Анри Барбюс, впервые побывавший в Советском Союзе в 1927 году, писал: «В новой России подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берёт свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображён на красных плакатах – рядом с Карлом Марксом и Лениным – это человек, который создал то, что есть и создаёт то, что будет». А вот своеобразное объяснение культа личности, прозвучавшее в одной из церковных проповедей: «… Сейчас много споров ведётся вокруг личности Иосифа Виссарионовича Сталина. Но надо сказать правду, а правда такова, что всё больше и больше в нашем народе идет его почитание… По сути дела он объединил народ вокруг себя. Враги это клеймят культом личности. Нет, это не культ личности, это святое чувство Семьи… Под руководством Сталина народ объединился и почувствовал себя Семьёй».

Сталин и церковь – это особый разговор. К нему можно будет вернуться и поговорить обстоятельнее. А сейчас мне бы хотелось привести небольшой отрывок из выступления Святейшего Патриарха Алексия по случаю празднования 70-летия Иосифа Виссарионовича: «Всякий, кто лично знаком с нашим Вождём, поражается обаянием его личности, он покоряет собеседника своим внимательным отношением ко всякому делу; ласковостью; своей необыкновенной осведомлённостью во всяком деле; силой и мудростью слова; быстрым и благоприятным решением каждого представляемого ему дела и вопроса… Святая Церковь наша имеет в нём верного защитника».

Верного защитника видела в Сталине не только церковь, но и весь народ.

Любовь к Сталину, уважение к нему шли из глубины людских сердец Вот почему, невозможно вытравить имя вождя из народной памяти.

Я с особым интересом вглядываюсь сегодня в кадры старой кинохроники, относящиеся к годам царившего в стране так называемого культа личности. На демонстрациях идут молодые, весёлые, раскрепощённые люди. Чувствуется, что у этих людей есть будущее. Собственно говоря, они сами и строят его. Как бы не ёрничали хулители Сталина, жить в Советской стране

становилось, действительно, лучше и веселей. Это подметил зорким писательским глазом и Анри Барбюс, по итогам своей поездки написавший книгу, с коротким названием «Сталин». У нас она была издана в 1935 году. Я уже приводил цитату из этой замечательной книги. Предложу ещё одну, где автор описывает атмосферу московских демонстраций.

Кстати, его впечатления в точности совпадают с кадрами кинохроники той поры. Если, конечно, им удаётся «проскользнуть» на теперешний телеэкран.

Вот свидетельство очевидца: «Этот многочасовой одухотворённый прибой, этот восторг, излучаемый толпами, заполнившими ряды трибун вдоль зубчатой стены Кремля, кипит водоворотом возгласов и восклицаний. У этого водоворота есть центр. Возгласы вливаются в одно имя: «Сталин! Да здравствует товарищ Сталин!» Один из стоящих на мавзолее Ленина подносит руку к козырьку… Человек этот одет в длинную военную шинель, что, впрочем, не выделяет его среди других, стоящих рядом. Он и есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру».

Идущие по площади шеренги представляются французскому гостю как «цепь гордых, счастливых смеющихся и светящихся лиц». У этих людей были все основания для гордости. Досрочно завершена первая пятилетка. Ликвидирована безработица, введён семичасовой рабочий день. Страна вышла на второе место в мире по машиностроению, выплавке чугуна и добычи нефти. Следом за первой последовала вторая пятилетка с её ошеломляющими цифрами. Построено ещё 4500 крупных промышленных предприятий. Именно тогда был вызван к жизни лозунг «Кадры решают всё!» Военные заводы начали выпускать танки, самолёты, другое вооружение. На селе работало 456 тысяч тракторов, 128 тысяч комбайнов, 146 тысяч автомобилей.

И всё это вопреки Сталину? Да ни одному человеку, живущему до Сталина или после него, такой масштаб был бы не под силу. Тот же Хрущёв, взявшись за дело после низвергнутого вождя, довёл страну до того, что начались перебои с хлебом. Он развалил всё, к чему прикасались его руки. Устроил управленческую чехарду, создав совнархозы, разделив обкомы партии на промышленные и сельские, нанёс сокрушительный удар по армии, устроил небывалые гонения на церковь. На хрущёвской ниве щедро всходили только ядовитые анекдоты про «дорогого Никиту Сергеевича».

Известный русский философ Александр Зиновьев, размышляя о Сталине и его времени, не исключал, «что молодёжь ещё будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ… уже

тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами». Вот это и пугает недругов России. Они нагромождают вокруг его имени горы фантастических небылиц. Сталин это предвидел. «Я знаю, – говорил он, – что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её». Похоже, ветер приступил к своей очистительной миссии.

Вы помните, на телевидении затевались два проекта весьма неоднозначно воспринятых общественностью. В первом пытались определить имя России, второй должен был дать ответ, чьё же имя ассоциируется с победой. Показательно, что этот последний конкурс проходил в преддверии нашей Великой Победы, да и итоги его планировалось подвести к 9 мая. Проводилось интернет-голосование. Заметьте, люди старшего поколения, которых скопом зачисляют в сталинисты, компьютерами не пользуются, за небольшим исключением. Стало быть, судьба проекта и двух славных имён зависели в основном от активности молодёжи. И она сказала своё слово.

На «Имя России» в бесспорные претенденты выходил Иосиф Виссарионович. И в этом была высшая справедливость. Он любил Россию, любил русский народ. Вспомните его тост на приёме в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение…»

Дочь Сталина Светлана Аллилуева отмечала: «Отец любил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько сильно полюбил бы всё русское».

Корр.: – *А я бы привела здесь свидетельство Алана Буллока, знаменитого английского историка. В его словах звучат осуждающие нотки, но как они греют мою русскую душу. «Из Сталина получился великорусский шовинист, который боролся за свержение самодержавия, но не за распад Российской империи… Именно сталинская тяга к имперскому прошлому России оказалась одной из главных движущих сил Великой Отечественной войны: в конце войны он с готовностью присоединил территории, утраченные Российской империей…, расширив границы государства так, как это не снилось ни одному русскому царю».*

Впечатляет? А сегодня мы вместо гордого слова «русский» имеем неуклюжий синоним: россиянин.

Д. Т. Язов: – Возвращаемся к нашему конкурсу. Сталину до финала дойти не позволили. Сошлись на кандидатуре Александра Невского. Слов нет, кандидатура достойная, но кто бы вспомнил

о ней, спустя несколько веков, если бы не всё тот же Иосиф Виссарионович. Это он в грозные дни ноября 1941 года, когда немцы стояли у стен Москвы, произнёс с трибуны мавзолея: «Пусть вдохновляет Вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». Это был легендарный военный парад 7 ноября 1941 года. Под сталинское напутствие прямо с Красной площади войска уходили на фронт. Кто может вычеркнуть из этой суровой истории имя великого вождя и прославленного полководца?

С определением второго имени – Победа произошла совсем уж курьёзная история. Организаторы, видимо, решили подстраховаться и, не мудрствуя лукаво, вообще исключили Верховного Главнокомандующего из списка претендентов. А, может, это и к лучшему. Иначе нашему Иосифу Виссарионовичу пришлось бы соседствовать с батькой Махно, князем Тьмутараканским и другими не менее экзотичными персонажами.

Английский историк Джефри Робертс в своей серьёзной и достаточно объективной книге о Сталине сделал такой вывод: «Сталин во время войны руководил страной очень эффективно и успешно… Без его руководства война с гитлеровской Германией, вероятно, была бы проиграна. Черчилль, Гитлер, Муссолини, Рузвельт – всех их с лёгкостью можно было бы заменить, но только не Сталина».

В Красной Армии было много талантливых полководцев, но не они определяли, где наносить главные удары, а Сталин, Генштаб, Ставка Верховного Главнокомандования. Сталин держал в руках все рычаги снабжения армии, решая, какому фронту сколько дать танков, самолётов, боеприпасов. Во время Сталинградской битвы понадобилось создать новый фронт, обеспечить его людьми и ресурсами. Могли это сделать Жуков или Василевский? Нет. Для предстоящей операции были сформированы четыре новых танковых корпуса. Мог кто-нибудь кроме Сталина справиться с этой задачей? Нет. Каждый из командующих фронтами действовал в своей зоне ответственности.

А как в Сталинграде решили проблему снабжения? Волга находилась под постоянными обстрелами и бомбёжками. Все возможные пути были отрезаны. Сталин распорядился снять рельсы со шпалами с недостроенной Байкало-Амурской магистрали и доставить к новому месту. За полтора месяца построили дорогу от Саратова до Астрахани и пошла по ней техника и продовольствие войскам, прибывало пополнение,

вывозились раненые.

Сталин во время войны был и Верховным Главнокомандующим и председателем Государственного Комитета обороны, и председателем Совета народных комиссаров, и наркомом обороны, и секретарем ЦК ВКП(б). Очень точно оценил этот воз обязанностей автор книги о Сталине Исаак Дойчер: «Многие представители стран-союзников, побывавшие в Кремле во время войны, были поражены тем, по какому количеству вопросов – мелких и значительных, военных, политических и дипломатических – Сталину приходилось принимать решения. Он, по сути, был сам себе главнокомандующим, министром обороны, начальником снабжения, министром иностранных дел и даже руководителем протокола… Таким он был день за днём, на протяжении всех четырёх лет военных действий – образцом терпения, выдержки и бдительности, почти вездесущим, почти всезнающим».

Послушаешь западных историков, писателей, крупных политических деятелей и приходишь к выводу: нередко в их оценках, применительно к Иосифу Виссарионовичу Сталину больше объективности, чем у иных наших сограждан, наделённых регалиями, апломбом и предвзятостью. Советскому лидеру отдавали должное даже враги. Интересно высказывание Гитлера, сделанное им накануне Сталинградской битвы: «По сравнению с Черчиллем, Сталин – колоссальная фигура. Черчилль ничего не достиг за свою жизнь, кроме нескольких книг и умных речей в парламенте. А Сталин, напротив, достиг – если оставить в стороне вопрос о том, каким идеям он служил – он реорганизовал страну с населением 170 миллионов человек и подготовил её к масштабному вооружённому конфликту».

В другом разговоре он добавил: «Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Сейчас наши враги – по-иному назвать их я не могу – ставят на одну доску Сталина и Гитлера. Для чего это делается? Для того, чтобы оплевать нашу историю, нашу священную войну, нашу Великую Победу. Недавно Познер, автор одноимённой передчи на Первом телеканале, поставил в один ряд Сталина и Гитлера, назвав их величайшими преступниками XX века. Напомню этому господину, что именно Сталин 70 лет назад свернул шею Гитлеру. А что касается возмутительного сравнения, которое позволил себе господин Познер, то «ветер истории» развеет и этот грязный ошмёток. Как заметил Александр Проханов, «Сталина выскребают бульдозером из русской истории». Но при этом никто не трогает Хрущёва – мелкого,

злобного, малограмотного интригана. Почему? Да потому, что начни сейчас анализировать «сенсационный» доклад Никиты Сергеевича на XX съезде партии, как рухнет вся эта пирамида лжи, нелепых фантазий, гнуснейших измышлений.

Корр.: – *Говорят, нашёлся правдолюбец, правда, опять на Западе, который по косточкам разобрал хрущёвский доклад. И, представьте себе, ни в одном пункте обвинений не нашёл слова правды.*

Д. Т. Язов: – Меня это не удивляет. В октябре 1964 года состоялся Пленум ЦК КПСС, освободивший Хрущёва от занимаемых им должностей – Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

А перед Пленумом товарищи по партии пригласили Никиту Сергеевича на откровенный разговор и высказали ему в лицо всё, что они о нём думают. Остаётся только сожалеть, что прозревшие коллеги слишком долго собирались. Десять лет. Сталин за это время построил мощную державу. Хрущёв же многое из того, что было создано, пустил на ветер. Но послушаем хрущёвских однопартийцев.

Полянский: Сталина поносите до неприличия, а сами заболели манией величия.

Косыгин: Вам нравятся восхваления. Вы ни с кем не считаетесь. Вам надо уйти.

Суслов: Всё положительное приписываете себе, недостатки – другим. Пышно расцвёл культ личности. Газеты заполнены вашими выступлениями и фотографиями.

Шелепин: Культ личности сложился полностью. Самомнение непомерное. Не брезгуете ничем. Получили шевченковскую премию…

Здесь я прерву поток обвинений, чтобы уточнить, что это за премия. Известно, что в 1938 году Хрущёва избрали Первым секретарём ЦК Компартии Украины. И вот спустя 26 лет, в марте 1964 года спохватившиеся украинцы присуждают дорогому Никите Сергеевичу премию имени Шевченко. «За выдающуюся общественно-политическую деятельность в Украинской ССР».

Корр.: – *Не было ли это наградой за подаренный землякам Крым?*

Д. Т. Язов: – Возможно. Но утверждать не берусь. Меня поражает другое: как такой человек мог оказаться во главе огромной страны? Прав был Шарль де Голль, пророчески произнёсший: «Сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено…» Начало процессу положил Хрущёв.

К сожалению, нашлись и последователи.

Окончательный итог деятельности Хрущёва на посту главы государства подвёл октябрьский Пленум ЦК КПСС.

«Практика показала, говорилось в докладе, – что это самохвальство и зазнайство ни на чём не основаны». Отмечалось, что работе мешала «неосмысленная торопливость, предвзятость и пристрастность в суждениях, озлобленность и способность… пренебрежительно швыряться обвинениями, чрезмерная хвастливость и самоуверенность». А ещё, по мнению бывших соратников, Никита Сергеевич «систематически занимался интриганством, стремился всячески поссорить членов Президиума друг с другом».

Был за ним и такой грех: любил поучать. Едет за границу и учит там, как сеять кукурузу, получать высокие урожаи, а там эти урожаи значительно выше наших. И все это знают. Успехи Советского Союза в сельском хозяйстве при Хрущёве были весьма скромными. Запланированный среднегодовой рост продукции вместо 8 процентов достиг всего 1,7 процента. Разрекламированный лозунг «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения» с треском провалился. Тимирязевскую академию наш главный специалист по сельскому хозяйству пытался ликвидировать, так как её учёные не разделяли отдельных хрущёвских новаций. В докладе всё это было названо «позором и результатом невежества»

Кроме склонности к хвастовству и интриганству, которые в один голос отмечали бывшие соратники Никиты Сергеевича, был он чрезвычайно злопамятен. Многие из тех, кого Сталин ценил и отмечал за многочисленные заслуги перед страной, при Хрущёве были разжалованы. Он лишил послевоенного поста маршала Рокоссовского, который в ответ на просьбу очернить вождя, сказал: «Товарищ Сталин для меня святой человек». Известно, как он поступил с маршалом Жуковым, а сколько было других: или отказавшихся погрешить против своей совести, или когда-то «перешедших» дорогу неуёмному ниспровергателю. Иные были обречены не только на забвение, но и в буквальном смысле поставлены на грань выживания. Так он поступил с бывшим командующим нашей Дальней авиацией, маршалом авиации Голованoвым. Отправив прославленного лётчика в отставку и «посадив» его на мизерную пенсию, он обрёк на нищету семью, в которой было пятеро детей. Пришлось, как свидетельствуют очевидцы, жить маршалу «с огорода». Сажал полгектара картошки, завёл корову. А ребятишкам, которые учились в школе в Москве, помогала бывшая домработница, ставшая другом семьи.

После смерти Сталина расправился он и с бывшим

секретарём Московской городской партийной организации Александром Васильевичем Щербаковым. На его долю пришлись самые тяжёлые годы работы в Москве, когда в столице было объявлено осадное положение. Он умер в 1945-м. Можно сказать, «сгорел» на работе. Был, как отмечают знающие его люди, скромным, отзывчивым человеком. В семье осталось трое детей. Младшему было 2 года. Вскоре умерла и вдова Щербакова. Став в 1949 году Первым секретарем Московского Комитета партии, Хрущёв всячески демонстрировал заботу об осиротевшей семье. Но после смерти Сталина лично распорядился лишить семью дачи. Отменено было постановление о сооружении Щербакову памятника в Москве. А зная, что одна из станций метрополитена называется «Щербаковской», потребовал немедленно переименовать её.

Корр.: – *Из этого ряда и другое его требование: срезать с лежащего в гробу Сталина погоны и пуговицы. В это кощунство трудно поверить. Действительно такой случай был?*

Д. Т. Язов: – Не знаю. Но есть очевидцы. Я слышал эту историю от нескольких человек. Многие маниакальную озлобленность Хрущёва связывают с историей его старшего сына Леонида. Тот, якобы, во время войны сдался в плен. И стал сотрудничать с немцами. Сталин дал команду: выкрасть предателя, что и сделали партизаны. Там же его и расстреляли. Об этом пишет бывший охранник Сталина Рыбин, есть и другие свидетельства. Хрущёв умолял Сталина пощадить сына. Было голосование. Первым высказался за «смерть предателю» Щербаков. Остальные поддержали…

Корр.: – *Вот и получили за это сполна…*

Д. Т. Язов: – Таков судья. Но для наших либералов он по-прежнему непререкаемый авторитет. Его цитируют, на него ссылаются. А как без этого? Иначе затрещит по швам вся наспех сколоченная система обвинений против великого вождя.

Корр.: – *Спасибо, Дмитрий Тимофеевич, за беседу. Не хочется заканчивать разговор на такой унылой ноте. Вот-вот загремят праздничные салюты в честь нашей Великой Победы и грех нам не вспомнить в этот светлый час Иосифа Виссарионовича Сталина.*

«Он был великим военачальником – и не потому, что одержал победу, а потому, что сделал так много для её достижения». Таково непредубеждённое мнение западного историка Джефри Робертса и всех почитателей Иосифа Виссарионовича Сталина, включая и нас с вами.

Сталинистов, вопреки познерам, день ото дня становится всё больше. Правда постепенно пробивает себе дорогу. И ещё. Хорошо бы, с Вашего согласия, продолжить этот разговор. Ведь незабвенный Никита Сергеевич и его сегодняшние последователи внесли изрядную долю лжи и злостных измышлений в освещение событий Великой Отечественной войны. А тут Вам, как говорится, и карты в руки. Подумайте над этим.

«Генштаб, Язов слушает…»

Дмитрию Язову – 90 лет[2]

8 ноября 2014 легендарному маршалу Дмитрию Тимофеевичу Язову исполнилось 90 лет. Что показательно: дома застать юбиляра мне не удалось. Супруга маршала Эмма Евгеньевна посоветовала искать мужа на службе: «Он сейчас на службе, в Генштабе – ну а где же ему еще быть?!».

После отставки Дмитрий Тимофеевич занимал должности в Главном управлении международного военного сотрудничества Минобороны, и в Академии Генштаба. В 2008 году военное ведомство воссоздало Службу генеральных инспекторов Минобороны, где маршал Язов служит ведущим аналитиком.

Звоню маршалу в служебный кабинет.

Дмитрий Тимофеевич, раз вы на рабочем месте, то первый вопрос: сейчас опять в разгаре военная реформа, по вашей оценке – армия на правильном пути?

Дмитрия Язов: Да, на правильном. Сейчас вот проверяем боеготовность частей и соединений. После того, как Сердюков здесь накомандовал, сейчас все выправляется. Заслуга министра Шойгу: правильная военная политика и правильные проверки боеготовности.

А ресурсов, чтобы восстановить военную мощь – хватит?

Дмитрия Язов: А это дело экономики. Считаю: необходимые ресурсы должны быть изысканы, когда речь идет о защите Родины. Великая Отечественная война показала, что если жизненно необходимо, то как бы ни тяжело было, можно и нужно изыскивать ресурсы. Их нашли и – победили.

Президент России В. В. Путин поздравляет с юбилеем Д. Т. Язова

Раз уж речь зашла о Великой Отечественной войне: не утихают страсти на почве переписывания. Вы очевидец и участник многих событий современной истории. С чем согласны, а что, на ваш взгляд, не соответствует реальности?

Дмитрия Язов: С очень многим не согласен, как трактуется наша история. Хотя, конечно, руководству виднее. Одно отмечу: роль Ленина и Сталина в истории не признаны в должной мере. К ним предъявляют какие-то несусветные претензии. Но они ведь люди, а не боги. Если очень захотеть, то можно предъявить претензии и самому Богу.

Это очень философская постановка вопроса, Дмитрий Тимофеевич.

Дмитрия Язов: Вот именно. Нельзя видеть только одну сторону, на историю надо смотреть всесторонне. Почему народ начал революцию и победил в ней? Правильно, его не устраивала тогдашняя жизнь. Народ отвергал старое. И мы сейчас новое выпячиваем, а старое отвергаем. Сталин, как верховный главнокомандующий, был незаменим в Великую Отечественную войну. Такие люди рождаются раз в тысячу лет… Впрочем, давайте поговорим лучше о чем-нибудь другом.

О другом: что думаете о воссоединении с Крымом?

Дмитрия Язов: Крым исторически полит нашей кровью, поэтому он наш. Хотя обращу внимание на такой факт: Крым вошел в состав Российской империи благодаря победам русского

оружия и таланту русских полководцев. Но произошло это во время правления императрицы Екатерины II – она же немецкая принцесса София Августа Фредерика, состоявшая в кровном родстве с королевскими домами Швеции, Пруссии и Англии. То есть дело не только в национальности тех, кто присоединял Крым. Он вошел в состав российской империи в 18 веке, и должен принадлежать нашей стране.

Ваш прогноз в отношении отношений с Украиной?

Дмитрия Язов: Сейчас многих на Украине, включая и тех, кто за Украину, закидывают в мусорные баки. Избивают, унижают. На передний план вышли бандеровцы. А ведь они всегда были отщепенцами. Замечу, что и для украинского народа – тоже. На Украине есть радикалы, они активны, поэтому создается впечатление, что именно они и есть вся Украина. А это не так. С настоящим украинским народом мы обязательно найдем понимание. Россия, Украина и Белоруссия – славяне. Неужели славянами может править Америка? Олигархи на Украине – приходят и уходят. А народ сумеет договориться, когда поймет, что славяне смогут выжить, только держась друг за друга, в одной славянской упряжке.

Журналисты часто называем вас последним советским маршалом. Вас это не коробит?

Дмитрия Язов: Не коробит, мне последнему в СССР присвоили это звание. Так что да, я – последний советский маршал.

Как это было: о пользе чтения

В начале 80-х годов я служил в Среднеазиатском военном округе (САВО), которым тогда командовал генерал-полковник Дмитрий Тимофеевич Язов. От коллег слышал, что он очень требовательный, можно сказать, жесткий командир. Это подтвердили личные впечатления, вынесенные с парадных тренировок в штабной «коробке» округа. Язов на них появлялся нечасто, но каждый такой визит оборачивался разносом – то командующего не устраивала наша строевая выправка, то внешний вид офицеров.

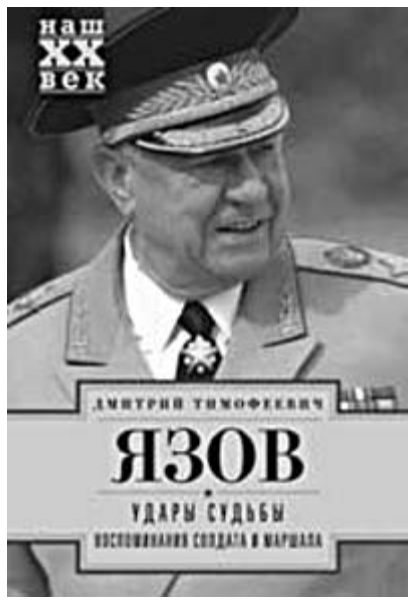
Однако скоро Язов открылся для меня с совершенно неожиданной стороны. В 1984 году вышла в свет очередная книга фронтового разведчика Владимира Карпова – «Полководец». Это была документальная повесть о генерале армии Иване Ефимовиче Петрове. Он многие годы служил в Средней Азии, Великую Отечественную встретил командиром сформированного там механизированного корпуса. Возможно, это и стало поводом для того, чтобы провести по новой книге Карпова читательскую конференцию. За ее организацию взялся политотдел стоящей в САВО воздушной армии. Нас собрали в окружном Доме офицеров, на трибуну один за другим стали выходить выступающие. И тут в зале совершенно неожиданно для всех появился Язов. Минут десять он молча слушал, а потом начал задавать вопросы. Тут же стало ясно, что повесть выступавшие на конференции явно не читали, а свои «речи», скорее всего, составляли по аннотации на книгу.

Конфуз был полный, и за ним ожидался суровый «разбор полетов» от командующего. Однако Язов поступил по-иному. Он сам вышел на сцену, и целый час рассказывал о «Полководце». Причем как рассказывал! Начал с Шекспира, потом чуть ли не страницами цитировал Карпова, перемежая свой рассказ строками Пушкина, Некрасова, Толстого и снова возвращаясь к «Полководцу». А закончил свое выступление опять же Шекспиром.

Признаться, такая эрудиция и память меня, военного журналиста в звании старший лейтенант, сразила, что называется, наповал. Похоже, что сразила она и других присутствующих в зале. Во всяком случае, с минуту после выступления командующего там стояла полная тишина. Не знаю, как у кого, а у меня тогда появилось желание тут же зайти в библиотеку (благо она располагалась прямо в Доме офицеров) и взять для прочтения новую книгу Карпова.

Спустя много лет, будучи корреспондентом «Российской

газеты», я узнал, что Дмитрий Тимофеевич сам пишет книги и стихи. Случилось это ровно десять лет назад, когда к 80-летию маршала его друзья и коллеги по Ассоциации офицеров запаса «Мегапир» выпустили 4-е издание воспоминаний Язова «Удары судьбы» и красочную фотолетопись его жизни и службы со стихами маршала. Автор этих строк был в Культурном центре Вооруженных сил, где организовали презентацию книг, и даже получил их в подарок с автографом маршала. Эти мемуары я храню в домашней библиотеке и время от времени перечитываю. Книга полна воспоминаний о встречах Язова с такими же, как и он, неординарными людьми – Ельциным, Горбачевым, Цзян Цзэминем, Фиделем Кастро. Но с особой любовью и уважением маршал написал о простых людях: односельчанах и однополчанах, военных и гражданских. Их снимки есть в фотоальбоме «Дмитрий Язов». Вот он среди жителей родного села, на другом фото запечатлен с сыном Игорем – свежеиспеченным лейтенантом. А здесь маршал Язов и генерал-полковник Попков застыли в скорби у братской могилы на станции Новая Малуска Ленинградской области. Там покоится прах отчима Язова и отца Попкова.



Обложка книги «Удары судьбы»

Между прочим, Дмитрий Тимофеевич до сих пор остается в строю – консультирует военачальников из Минобороны. А еще он активно работает в «Мегапире» и про возраст старается вспоминать как можно реже.

Что же касается стихов, то вот как в интервью «РГ» он объяснил свое особое отношение к этому виду творчества. «Откуда у меня любовь к поэзии? Я всегда тянулся к знаниям, к образованности. Видно, оттого, что в детстве всего этого недополучил. Зачитывался Пушкиным, Лермонтовым, Маяковским, – сказал Язов. – Отмечали как-то одному человеку день рождения, на котором Вася Лановой читал Пушкина, блестяще читал. Потом говорит, ох, дальше не могу, забыл. А я продолжил читать без разбора, от Руссо до Мандзони. Еще и сегодня могу лермонтовский «Маскарад» рассказывать. Обожаю поэму «Кому на Руси жить хорошо» – там просто музыка народная. «О, тени, тени черные, кого вы ни догоните, кого ни перегоните, но только тени черные нельзя поймать-обнять». Это же душа нашего народа».

Подготовил Юрий Гаврилов

Дмитрий Язов. «В потоке военном, в мундире бессменном…»

В потоке военном, в мундире бессменном
Сутки, вторые в вагоне.
Едем на запад – сержанты, солдаты.
Пролеты, мосты, перегоны…
По ходу считаем и смотрим в окно:
Дзоты, траншеи, колючка рядами.
Смотрим с тревогой и знаем одно:
Будет Победа за нами!

* * *

Никто не знает наперед,
Что в жизни будущей сокрыто,
Что ждать – веселый хоровод
Или разбитое корыто?

* * *

Есть дружба, верная до гроба.
Да – это дружба высшей пробы!
Такую дружбу все мы знаем,
Ведь это – дружба фронтовая!
В боях за честь своей Отчизны
Я не щадил ни сил, ни жизни.
И, прошагав, в строю полвека,
Министром был и… человеком.

* * *

Как лебезили, когда был министром
Готовы были – в воду, в огонь!
А теперь разбежались со свистом
Не звони этим людям. Не тронь.

Театр невоенных действий

Дмитрий Тимофеевич Язов – мой первый командующий округом, с которым я познакомился лично, вернее – которому я был представлен, – в офицерском статусе. До этого я видел генералов только издалека, глядя на них из курсантского строя или из актового зала. А общение проходило по обычной схеме: «Ну, как служба, как учеба, сынок? Дома все хорошо? Письма матери пишешь?» Ответ, как правило, заранее предусматривался бравурно-радостный. Вопросы генералам не предполагались вовсе.

И вот я – новоиспеченный лейтенант выпуска 1985 года, прибыл в «столицу» Краснознаменного Дальневосточного военного округа Хабаровск. Здесь, в штабе округа, я должен был получить назначение в воинскую часть. Увы, я даже не представлял, какие впечатления меня ждут.

Во-первых, я был с ног до головы – в буквальном смысле – осмотрен комендантом штаба. И признан одетым не по уставу. Непреклонный полковник отправил меня в магазин «Военторга» купить новые туфли и фуражку – он категорически забраковал мои чрезвычайно модные, шитые на заказ в ателье обувь и головной убор. Подумать только – высота каблуков была больше, чем положено, аж на целый сантиметр! Единственным утешением было то, что со мной отправились за обновками еще пять лейтенантов. А, во-вторых, мы должны были предстать перед самим командующим округом – генерал-полковником Язовым. А он на дух не переносил малейшие нарушения, даже небрежности в форме. При этом сам был всегда одет безупречно, без единой складочки на кителе.

От общения с командующим я ожидал всего, чего угодно – въедливых расспросов (я из-за травмы опоздал к месту назначения на три месяца), блиц-экзамена на знание уставов, нудных напутствий и грозных предупреждений типа «служить как надо, а не то…». Но вместо этого мы почти час, раскрыв рты, слушали лермонтовский «Маскарад» – командующий читал его наизусть, и – как читал! Признаться, ни до, ни после мне не пришлось больше наблюдать столь необычную, скажем так, постановку и такого артиста.

Оказывается, Дмитрий Тимофеевич встречи с молодыми лейтенантами, только-только приехавшими на свое первое место службы, сделал правилом. И такие «концерты» давал каждый раз. Не сразу, но мы поняли, что боевой генерал-фронтовик показывал нам, каким на самом деле должен быть настоящий офицер.

Подготовил Михаил Фалалеев

«Чем Сталин хуже Наполеона?!» [3]

О своём участии в обороне Ленинграда, о правде и мифах Второй мировой, о том, победила бы сегодня в глобальной войне российская армия, об СНВ и ПРО, ГКЧП и Матиасе Русте в интервью «Фонтанке» рассказывает доброволец Великой Отечественной, экс-министр обороны СССР и маршал Советского Союза Дмитрий Язов.

Несмотря на преклонный возраст Дмитрий Тимофеевич по-солдатски бодр, подтянут и, что называется, «при делах»: «Найти меня просто: первый подъезд здания генштаба, тот, что между мемориальными досками маршалам Устинову и Жукову. Дальше покажут…» В просторный кабинет к Язову сотрудники Министерства обороны России входят строго по уставу: «Разрешите обратиться, товарищ маршал?!» Язов реагирует на доклады, не задумываясь: «Согласен!.. Не приеду!.. Исполняйте!..»

Последний – по дате назначения – советский маршал, кстати, посвятивший, по его словам, 25 лет своей жизни Ленинградскому военному округу, кроме стремительной реакции мысли в общении, отличается также и уникальной памятью. В чём и предлагаем убедиться читателю в дни юбилея Великой победы.

– Вы помните свой первый день на передовой?

– Первый день на фронте мне запомнился вот чем… Сразу по прибытии в дивизию нас, 35 человек, повели на поляну в лесу и зачитали вышедший 27 июля 1942 приказ номер 227 «Ни шагу назад!». После этого зачитали приговор военного трибунала и на наших глазах расстреляли младшего лейтенанта Степанова. Дело было вот в чём… Немцы, видимо, решив улучшить свои позиции, внезапно атаковали взвод, которым командовал Степанов, а он струсил и убежал. А его взвод без него фашистскую атаку отразил. Командир роты приходит во взвод: «Где командир? – Нету. – Кто взводом командовал? – Никто». Степанова чуть позже поймали, он говорит: «Я струсил». Ну его и расстреляли. Нам на его примере показали, как разделываются с трусами и паникёрами. Человек 400 офицеров стояли. Вырыли во мху яму. Степанов прямо в эту коричневую жижу упал. Сверху забросали. И всё. Я бы не сказал, что нам его было жалко… настолько внутренне было выработано желание защищать страну. Нужно было либо сдаваться немцам, либо их побеждать. Решался вопрос: кто кого.

– До этого вы совершили поступок, вероятно, мало понятный нынешней молодёжи: добровольцем ушли на фронт…

– …сразу после того, как 8 ноября 1941 года мне исполнилось 18 лет. Но и до этого мы каждый день бегали в военкомат, но нас не брали. На фронт попал не сразу. Сначала меня направили в Новосибирск, куда тогда переехала часть училища Верховного Совета, которая не ушла на фронт – несколько старших офицеров с учебно-материальной базой. А когда немцев под Москвой разбили, и основная часть училища возвратилась с фронта в лефортовские казармы, туда же переехали и мы, два батальона курсантов по 600 человек.

Курсант Дмитрий Язов. 1941 год

Учились мы в московских условиях под бомбёжками: однажды в наш 300-метровый тир попала бомба и разнесла его в клочья. После этого мы ходили на лыжах стрелять аж под Ногинск. Патронов было мало – каждый на счету, нам выделяли по три штуки на одно упражнение: с винтовкой, с пулемётом… 17 июля 1942 года один батальон нашего училища выехал на Ленинградский фронт, а другой – в котором был я – на Волховский. Высадились в районе Малой Вишеры, дошли пешком до деревни, где располагался штаб 54-ой армии, тут я и получил назначение в 187 дивизию, оборонявшуюся на станции Погостье.

– Какова тогда была ситуация на этом фронте в общем и каково пришлось там лично вам?

– Летом 1942 года как раз готовился прорыв блокады Ленинграда: Волховский фронт, с одной стороны, и Ленинградский фронт, с другой, надеялись в районе Синявино соединиться и таким образом дать возможность проложить

дорогу по берегу Ладожского озера, обеспечить Ленинград и Ленинградский фронт продовольствием и боеприпасами. Вы прекрасно знаете, в каком тяжелейшем положении был тогда город. Но к этому времени, если помните, пал Севастополь, оборонявшийся 250 дней. Брала Севастополь 11-я армия Германии, которой командовал Манштейн, впоследствии фельдмаршал и один из известнейших полководцев Гитлера. И эта армия, оставив свои танковые части на юге наступать в сторону Кавказа и Сталинграда, была переброшена под Ленинград. Получилось, что в одно и то же время мы планировали прорыв блокады Ленинграда, а немцы проводили операцию «Северное сияние», целью которой было их соединение с финскими войсками в обход Ладоги, чтобы полностью замкнуть кольцо блокады: задушить блокадный город голодом. Да и как бы могли воевать наши войска без питания и боеприпасов? Немцы приготовили огромное количество бомб и артиллерийских снарядов для этой операции, но поскольку мы пошли в атаку раньше, им пришлось вводить свои дивизии в бой без артподготовки. Эти дивизии наши войска и искромсали. Хотя в принципе мы не добились того, чего хотели – не прорвали блокаду, но и они не смогли провести своё «Северное сияние». Кстати, те бомбы, которые предназначались для города, пришлись по войскам.

Одной из таких бомб 28 августа я был ранен. Фашистский снаряд, не разорвавшись, ушёл глубоко в болото, и взорвался уже там. Меня ранило только в ногу, но сильно подбросило взрывной волной. Я обо что-то ударился и отбил почки. Лежать я не мог, сидел на четвереньках на телеге, пока она везла меня в армейский госпиталь, который был развёрнут в палатках. Оттуда меня уже на машине отправили в Волхов. Лечился я в Пикалёво – в городе, куда Путин недавно прилетал – в бараках цементного завода оборудовали госпиталь силами Свердловского медицинского института. Начальники кафедр были соответственно хирургами, терапевтами… медсестры из числа студентов. Когда меня туда доставили, состояние было плохое: в моче сплошная кровь – так отбил почки. Полтора месяца я там пролежал, рана на ноге немножко затянулась, и где-то в конце октября меня выписали из госпиталя на фронт с предписанием отдохнуть 7–10 дней. На попутках добрался до Волхова, потом где машиной, где пешком… – в общем, в последних числах октября я уже вернулся в свой 483-й полк. Зашёл в землянку, представился начальнику штаба капитану Колчину. Тот мне говорит: «Ты знаешь, сегодня погиб Костя Соловьёв, с которым ты заканчивал училище. Иди принимай его роту, больше некому».

Так я без отдыха пошёл принимать 9-ю роту, в которой в живых осталось только 13 человек. Оружия было много: даже пулемёты – и «Максим», и ручной Дегтярёва – а стрелять некому. Замполитом у нас был ленинградец Свищов, кстати, родом с Васильевского острова. Я это запомнил потому, что он мне подарил свою кружку и со значением добавил: «Она с Васильевского острова!»

– Череда наших военных успехов – чего греха таить – не была сплошной. Горькую правду о каких – хотя бы нескольких – провальных военных операциях нам всё оке следует помнить?

– Ну, к примеру, если брать ту же Сталинградскую битву, то незадолго перед её началом Сталин собрал Ставку главного командования, где обсуждался вопрос: что же в данный момент делать. Шапошников (с мая 1942 по июнь 1943 г. – заместитель наркома обороны СССР – авт.) предложил по всему фронту перейти к обороне, накапливать резервы и технику.

У нас ведь перед войной все заводы были в основном в европейской части СССР. Их нам пришлось эвакуировать. Только из одного Ленинграда было эвакуировано около 500 предприятий, выпускающих военную продукцию, а всего с начала войны было эвакуировано около 2500 предприятий на Восток и в Сибирь. Но требовалось ведь ещё время, чтобы пустить их в эксплуатацию. Поэтому практически до середины 1942 года у нас не хватало боеприпасов, орудий, танков. Но, несмотря на это, Тимошенко с Хрущёвым на совещании предложили: «Давайте, мы силами Юго-Западного фронта в районе Харькова разгромим шестую армию Паулюса!» И действительно, 12 мая они перешли в наступление, прорвали оборону немцев на фронте, примерно километров 50, и продвинулись вглубь километров на 35–50. Фашисты ударили по флангам и окружили три наших фронта. В результате образовалось никем не прикрытое пространство в 500 километров. Случилось то же самое, что до этого произошло под Москвой, когда Западный и Резервный фронты не справились, и образовалась такая же дыра. Именно тогда Сталин вызвал Жукова с Ленинградского фронта и приказал спасти Москву. Москву спасли, но для этого потребовались и ополченческие дивизии, и всё население для того, чтобы создавать оборонительные полосы и так далее… А здесь на юге войск для ликвидации такого разрыва не было. Из 64-й армии, которой командовал Шумилов, была выделена группа, в составе которой было два или три полка «Катюш» – реактивных миномётов. Чуйкову было поручено командовать этой группой. Он такими силами не мог, конечно, прикрывать такой большой разрыв, и наши потихоньку отступали. Туда бросили все военные училища, которые были в районе

Грозного, на Кавказе, без танков, без артиллерии… Были, конечно, в этих училищах учебные пушки, но сколько?

Конечно, много людей погубили в начале войны. Сталин хотел оттянуть её начало и боялся спровоцировать Гитлера. В мае 1941 года вышло даже заявление: ТАСС уполномочен заявить, что Германия и Советский Союз добросовестно выполняют договор о ненападении и так далее. Конечно, это был политический ход, но одновременно надо было ведь и дать приказ командующим Белорусского и Киевского округов, чтобы их войска были в полной боеготовности. А они, услышав, что войны не будет, отправили артиллерию на стрельбу в лагеря… Да и командующие там были слабые: Павлов до этого командовал танковой бригадой в Испании, Кирпонос, командир дивизии, прошёл на лошадях по льду Финского залива, взял Выборг в Финскую войну – стал героем.

– Вокруг войн всегда существует масса мифов. Благодаря своей министерской должности, вы имели доступ ко всем секретным документам военной поры, можете ли вы сейчас развеять хотя бы часть мифов минувшей войны?

– Сейчас идёт много инсинуаций, что Жуков в своё время не справился с проведением операции «Марс». Но как было на самом деле? В ноябре 1942 года Сталин направил Жукова на Западный фронт для его активизации. В распоряжение Жукова был выделен всего один механизированный корпус генерала Соломатина, а у немцев, в группе армий «Центр», было 4 танковых дивизии. В таких условиях Жукову надо было сделать всё возможное, чтобы эти фашистские танковые дивизии не были переброшены в район Котельников, где фельдмаршал Манштейн создавал группировку для прорыва к Паулюсу в Сталинград – Паулюс уже не мог самостоятельно вырваться из окружения. Эту задачу Жуков и выполнил, а теперь говорят: «Жуков не справился!» Говорят люди неосведомлённые, непонимающие, что значит проявить активность на том участке, где ты не собираешься добиваться успеха, а должен лишь сдержать противника от переброски своих войск. Вот в данном случае из группы армий «Центр» ни одной дивизии на помощь Манштейну переброшено не было.

Другой пример. Гавриил Попов утверждает, что во время Курской битвы немцы потеряли всего 5 танков! Что мы там не выиграли и что вообще никакой Курской битвы не было! Что ж, каждому своё… был такой фашистский лозунг на воротах концлагеря. (Усмехается). Командующий немецкими войсками на южном фасе Курского выступа Манштейн сумел прорвать нашу оборону и продвинуться аж до Прохоровки. Тогда наши двумя

танковыми группировками навалились на Манштейна, и Прохоровское сражение вошло в историю, как самое крупное сражение во Второй мировой войне, в котором участвовало более полутора тысяч танков. Это сражение выиграли мы, да так, что немцам фактически нечем было отступать – вся их техника была уничтожена!

Или. Многие говорят: ну зачем надо было именно к дате 7 ноября в 1943 году освобождать Киев. Мол, ради этого столько людей понапрасну потеряли. Так говорят несведущие люди. Дело в том, что когда мы вышли к Днепру, 3-я танковая армия Рыбалко захватила Букринский плацдарм. Немцы туда бросили танковые дивизии, и этот плацдарм расширить не удалось. Тогда под прикрытием воздушно-десантной бригады 3-ю танковую армию с этого Букринского плацдарма вывели. Она прошла через Западную Двину, форсировала Днепр и… танковый корпус Кравченко вышел к Киеву!

Многие говорят, что на Зееловских высотах около Берлина в 1945 году Жуков положил миллион солдат. Ну, это чепуха! Глупость! Вот, у меня есть книжка «Гриф секретности снят», её по моему приказу, когда я был министром обороны, подготовила группа специалистов, в которую помимо военных входили и учёные. Данные здесь выверенные, сравнивали и наши, и союзников, и немецкие цифры: сколько человек пришло, сколько вышло за территорию Германии… Смотрите: Берлинская стратегическая наступательная операция – безвозвратные потери 78291 человек. Ну, как можно говорить о миллионе на Зееловских высотах?! Люди просто не представляют, что такое миллион человек!

– Какие интересные факты Великой Отечественной ныне подзабыты?

– Когда в 1942 году дороги к Сталинграду оказались полностью отрезаны немцами, Сталин принял решение построить новую железную дорогу от Саратова до Астрахани. Готовые рельсы со шпалами перебрасывали с БАМа, который строился заключёнными ещё до войны в районе Комсомольска-на-Амуре на Дальнем Востоке. За месяц сделали дорогу! Работало 6 железнодорожных бригад. Кстати, когда немцы подошли к Москве, к Сталину пришёл Мехлис (с 6 сентября 194° года – по 15 мая 1944 года заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР – *авт.):* «Надо пополнить дивизии за счёт железнодорожных войск, они ничего не делают». Сталин: «Хорошо, согласуйте вопрос». Все согласились, упёрся один Ковалёв – начальник Службы военных сообщений, который позже

стал министром путей сообщения и вёз Сталина на Потсдамскую конференцию на американском тепловозе. Сталин вызывает Ковалёва: «Товарищ Ковалёв, почему Вы против?» «Товарищ Сталин, мы что, собираемся всё время отступать?» «Нет, будем наступать». «А когда будем наступать, кто будет восстанавливать дороги и мосты?» Сталин: «Вы правы, товарищ Ковалёв! А вы, товарищ Мехлис, – паникёр!»

Вот ещё интересный факт. Когда Сталину доложили о взятии Орла и Белгорода, он вызвал Штеменко, Воронова и, по-моему, Антонова и спрашивает: «Как раньше отмечали победы?» Молчат. Раньше ведь звонили в колокола, но было понятно, что тогда этого бы никто делать не стал. «А что, если мы проведём салют, товарищ Воронов? – вновь задаёт вопрос Сталин. – Сколько у вас в Москве зенитных орудий?». А тогда зенитные орудия входили в состав артиллерии. Воронов отвечает: «Сто». Сталин: «А Вы считали 24 орудия, которые расположены в Кремле?» «Нет, товарищ Сталин». «Тогда дайте залп из 124 орудий!» С тех пор количество орудий, из которых давали залпы в честь победы на фронтах Великой Отечественной, заканчивалось на цифру «24». Освобождению Ленинграда над Невой салютовали 324 орудия, освобождению Минска – 324; освобождению Харькова – 224. Многие ведь об этом не знают. Забывают, что за всю войну мы произвели продукции больше, чем немцы. Хотя у нас на заводах трудилось 18 миллионов рабочих, а на фашистов работала вся Европа – 32 миллиона рабочих.

– Дискуссии о личности Сталина и, кстати, о его роли в войне вновь активизировались. Что можете сказать о вашем первом Верховном главнокомандующем?

– В военных талантах Наполеона, который привёл два десятка наций на Бородинское поле, никто не сомневается. Полководческий гений Гитлера, которому американские составители сборника «Сто великих военных лидеров мира» отвели 14 место, тоже, как видите, на Западе сомнений не вызывает. Зато имени Сталина в этом сборнике нет. А кто кого победил-то? Подыгрывая американцам, мы и говорим: Сталин – это никто, а победил народ. Конечно, победил народ, но им ведь кто-то командовал. Сталин во время войны сконцентрировал в своих руках практически все ключевые посты в государстве: руководитель партии, председатель Совета народных комиссаров, Народный комиссар обороны, председатель Ставки и Верховный главнокомандующий. Таким образом он нёс ответственность и за бои, и за материальное обеспечение народа, и за выпуск промышленной продукции… за всё! Кто бы тогда мог построить

железную дорогу от Саратова до Астрахани, о которой я вам рассказал? Жуков мог? Нет! Конев мог? Да, нет, конечно! Очень трудно переоценить роль Сталина в войне, который всё положил на алтарь нашей победы. Владимир Лукин (уполномоченный по правам человека при президенте РФ – авт.) утверждает, что победил народ. А разве Сталин так не считал? Вспомните, за кого он прежде всего произнёс тост на приёме командующих войсками 24 июня 1945 года… За великий русский народ!

Относительно домыслов, что Сталин якобы обезглавил армию перед войной… Перед войной из тюрем выпустили 10 тысяч военнослужащих. В том числе: Мерецкова, Горбатова, Комарова… Обвинять Сталина в том, что он преследовал военных лишь за их прошлое – абсурдно. Кто были в прошлом командующие фронтами? Рокоссовский – унтер-офицер царской армии, Жуков – унтер-офицер, Конев – тоже, Шапошников – высший офицер царской армии, Василевский – капитан и к тому же сын попа, Горбатов – командир кавалерийского полка в царской армии, Малиновский – служил в царской армии, Толбухин – был капитаном в царской армии, Говоров – поручик, который к тому служил ещё и у Колчака! Выращенными советской властью командирами такого уровня были только Черняховский и Ватутин.

– Могли бы мы сегодня победить в мировой войне? Каково Ваше мнение о сегодняшнем состоянии Вооружённых Сил России?

– …Нет сегодня этих сил практически.

Когда я был министром обороны СССР, одни сухопутные войска насчитывали 2,5 миллиона человек, а всего наша армия насчитывала около 4 миллионов солдат и офицеров. А сейчас? Одним миллионом такому государству, как наше, которое имеет протяжённость государственных границ десятки тысяч километров, обойтись, конечно, очень трудно. Я понимаю, у нас сейчас материальные трудности, но что важнее: честь и независимость или материальные блага? Не армия сейчас много расходует средств, а миллиардеры, которым неизвестно с какой стати раздали народное благосостояние. Почему Абрамович прихватил сибирскую нефть, а затем втридорога продал её же государству? Абрамович, Березовский, Смоленский, Гусинский… Боже мой!

Или. Нынешнее сокращение офицерского корпуса российской армии… Вспомните: по Версальскому договору немцам было разрешено иметь армию в 100 тысяч человек. Они имели в этой армии 100 тысяч офицеров! Держали их на любых должностях и как следует платили. А потом, имея такое количество офицеров,

они за два года развернули первоклассную армию, с которой заняли всю Европу. А мы сами себя лишаем главного костяка армии – её офицерского состава. Не знаю, в чём тут дело, такова, вероятно, политика, но лично я считаю, что в основе армии прежде всего лежит офицерский корпус. Солдата можно подготовить за 2–3 месяца, а офицера за эти сроки не получишь.

Зачем России нужна чисто контрактная армия? Больше всего в армии нарушают дисциплину именно контрактники. В контрактники идут те люди, которые не нашли своего места в гражданской жизни. Деревенские, алкоголики… Поэтому и безобразничают. Есть, конечно, эффективные контрактные армии. Я был в США, видел такую армию – дивизию морской пехоты. Но там командир роты получал 2700 долларов! Кроме этого, ему выделялись средства на содержание семьи, было бесплатное питание, бесплатная квартира для его семьи… В общем, совершенно другие условия. А нашему дадут 10 тысяч, а он их пропивает. Он же один! Семейному же надо давать квартиру и так далее… Так что здесь проблема на проблеме.

– Вы бы стали заключать сегодняшний СИВ?

– Нет, конечно. Тут интересно вспомнить, что это ещё Громыко (в 1957–1985 годах – министр иностранных дел СССР – *авт.)* нехорошо поступил в этом плане. Когда заключали рамки первого договора о стратегических наступательных вооружениях во Владивостоке во времена Брежнева, Громыко согласился с американцами не включать их флот в этот договор. Под сокращение вооружений подпадали наземные войска, воздушные войска… Брежнев к тому времени был уже болен и, честно говоря, не очень во всём этом разбирался. После Громыко министром иностранных дел стал Шеварднадзе. Но в дальнейших событиях виноват не столько он, сколько Горбачёв. Когда они первый раз встретились с Рейганом (с 1980 по 1988 год президент США – *авт.)* в Рейкьявике, Ахромеев сказал Горбачёву, что нельзя подписывать договор, не включив в него системы ПРО – американцы хотели, чтобы шло сокращение вооружений, а они бы имели право продолжать создавать противоракетную оборону. Но Горбачёв потом всё же подписал такой договор. Кроме того, нам пришлось сократить раз в сто больше ракет, чем им. У американцев было всего штук 50 «Атласов», подпадающих под этот договор – они их уничтожили, а основная масса их ракет осталась на флоте, на атомном подводном флоте – ракеты «Поларис», на полутора тысячах самолётов Б-52, которые мы согласились считать за один боеприпас, в то время как этот самолёт поднимал 12 ракет. У нас же было 6 ракетных армий,

которые надо было сокращать по этому договору! Когда я стал министром обороны, я раз сказал Горбачёву: «Михаил Сергеевич, что же Вы делаете-то?» Он: «Не твоё дело! Ты ничего не понимаешь!» Два сказал – та же самая реакция. Потом Горбачёву это надоело, и он назначил Зайкова (в 1986–1990 – член Политбюро ЦК КПСС – авт.) председателем комиссии по разоружению. И вот мы: переговорщики, министерство иностранных дел, КГБ, министерство обороны сходились в спорах в его присутствии, а Зайков нас мирил, чтобы не докучали своими спорами Горбачёву. О чём в частности шёл спор? Американцы на каждый дивизион, который мы уничтожали, присылали свою группу наблюдателей – разведчиков, проще говоря. Мы же могли послать в Америку на заводы, где производятся ракеты, всего две группы. По договору ОБСЕ мы должны были уничтожить 20 тысяч единиц бронетехники! Американцы в Америке не уничтожали ничего, французы около 60 штук, англичане – ничего. Тогда я в срочном порядке из Польши, из Германии, из Венгрии стал вывозить более современные танки на Дальний Восток, а старые в Европу, чтобы под сокращение попали бы они. Что тут началось… Приехала Тэтчер! Только она уехала – приезжает Никсон! «Почему, – говорит, – вы так делаете?» Я отвечаю: «Ваш флот не входит под сокращение и наш не входит. И моё дело какими войсками этот флот укомплектовывать». Передал потом ещё современные танковые дивизии Балтийскому, Северному, Черноморскому и Тихоокеанским флотам.

– Против кого дружат страны Североатлантического альянса без Варшавского договора? И кто, в принципе, может быть сегодня стратегическим партнёром России?

– …С НАТО вот как получилось… Горбачёв уволил секретаря ЦК, отвечавшего за Варшавский договор, и назначил на его место Александра Яковлева, бывшего посла в Канаде, которого спешно ввели в политбюро. Через год Варшавского договора не стало.

Разумеется, НАТО нужно сегодня, чтобы противостоять России. А зачем иначе? Смотрите: Венгрия, Румыния, Болгария, Польша… практически все страны Восточной Европы вошли в НАТО. А Россию, как я понимаю, туда могут принять только при условии, если мы уничтожим все до единой ракеты или значительно поделимся своими территориями. Сейчас уже ведутся такие разговоры: у вас, мол, на Дальнем Востоке всего 2–3 человека на квадратный километр, зачем вам так много нерационально используемой земли.

Стратегическим союзником России в противостоянии

Америки может быть Китай. Но что такое Китай в военном смысле? Там есть всего одна ракетная база, на которой, может быть, с десяток ракет всего. Мне рассказывали, как они у нас купили зенитный комплекс С-300 и делают примитивные ракеты «вручную». Нет у них ещё тех технологий, которые могли бы вырабатывать такое количество ракет, как у нас или американцев. Китайцы – трудолюбивый народ, когда копаются в земле, но создать современную военную технику им ещё слабо. Что уж говорить об остальных ядерных странах… Ситуации с Северной Кореей, Ираном специально нагнетают американцы, чтобы мировое общественное мнение не препятствовало строительству их ПРО. Как только они построят эти новые ПРО, они сразу же забудут и корейцев, и иранцев, всё будет направлено против России. Зачем создавать ПРО в Чехии или Польше? Что, Северная Корея будет через всю Россию обстреливать Америку, когда она это может проще сделать через океан. Никогда Корея не сделает таких ракет. Ракета стоит дороже золота! Её цена равна цене золота, вес которого примерно равен весу ракеты. То же самое касается современных военных самолётов. Это летает золото!

– Если сложить полярные мнения о событиях 19–21 августа 1991 года, то, как ни парадоксально, можно вывести характеристику действиям ГКЧП, которая, думаю, устроит и правых, и левых: заговор нерешительных людей. Как Вы сегодня оцениваете ГКЧП и свою роль в нём?

– Прежде всего: никакого заговора не было. Перед тем, как ехать в Форос к Горбачёву, на одном из объектов КГБ собрались: Крючков, Павлов, Янаев, Шейнин, я, со мной были Варенников и Ачалов… Короче, все те, кто остался в Москве и не уехал отдыхать. Решив ввести чрезвычайное положение, мы опирались на то, что 17 марта 1991 года был проведён всесоюзный референдум, на котором более 70 % населения СССР проголосовали за его сохранение. Горбачёв же, вопреки референдуму, собирал князьков из союзных республик, для того, чтобы вырабатывать договор о создании Союза суверенных государств. А что значит суверенное государство? Суверенное – значит, самостоятельное. Я, Крючков, Пуго были на двух или трёх таких совещаниях. Я говорил Горбачёву: «Армию тогда не сохранить». Он: «Ты ничего не понимаешь!» Крючков тоже со своей стороны говорил Горбачёву: «Перестанет существовать Комитет государственной безопасности, способный контролировать эти республики». В ответ: «Ничего ты не понимаешь!» И в результате Горбачёв перестал нас приглашать. И они всё-таки выработали такой договор, опубликовали его в

газетах в пятницу 17 августа, когда люди собирались на дачи и отдых, а во вторник 20 августа должны были его уже подписывать. Вот мы и поехали к Горбачёву: давайте введём чрезвычайное положение, иначе Союз распадётся. Он обиделся: «Что вы меня учите? Меня народ избрал…» Какой народ его избрал?

ГКЧП обвиняют в нерешительности. Но я не мог поступить как Ельцин в 1993 году, не мог быть Пиночетом и кого-то арестовывать. А арестовывать надо было верхушку во главе с Ельциным. Комитет госбезопасности, министерство внутренних дел говорили мне: «Выдели в Медвежьих озёрах две казармы, будем туда сажать арестованных». Но так никого и не арестовали. Мне звонит член военного совета десантных войск: «Уражцева арестовали, что делать?» Я говорю: «Отпустите, нужен он мне…»

– …спустя пару дней с вами обошлись иначе…

– Да. Когда мы приехали к Горбачёву в Форос 21 августа, он нас не принял – видимо, с ним уже переговорил Ельцин. Сразу вслед за нами на ТУ-134 прилетают Руцкой, Бакатин, Примаков. А когда они стали возвращаться, позвали с собой в самолёт Крючкова: «поговорить», а на самом деле, чтобы нас разъединить. Крючкова по прилёте сразу и арестовали. Через 20 минут сел наш самолёт. Нас тоже тут же арестовали. Они для этого привезли на аэродром рязанскую школу милиции. Я же мог посадить на каждый аэродром по десантной бригаде. Что такое школа милиции и что такое бригада десантников? Но это была бы гражданская война. Стрельба, по крайней мере… И это точно. Я знал обстановку. К этому времени многие москвичи уже не любили советскую власть.

– Для чего же вы тогда ввели танки в Москву?

– Войска были введены в Москву для охраны Кремля, водозабора, госхрана – важнейших объектов города. Когда 19 августа 1991 года у Белого дома стал собираться народ, Грачёву позвонил Лобов, просить охрану у армии. Грачёв: «Поможем!» и перезванивает мне. Я говорю: «Хорошо, направьте туда батальон». И генерал Лебедь появился со своим батальоном у Белого дома, зашёл к Ельцину и доложил: «Мы вас охраняем!» Тут вдруг «Эхо Москвы» передаёт, что Лебедя застрелили. А через несколько минут он появляется у меня в кабинете: «Я был у Ельцина, доложил ему, что мы его охраняем». Никто ведь не знал, как народ будет реагировать. Лужков с Поповым на автобусах завозили водку к Белому дому. И если сначала там было тысячи две человек, то к вечеру стало тысяч семьдесят. Многие просто

перепились. Собчак в это время морочил голову народу в Ленинграде. Кстати, я считаю, что Собчак не достоин того, чтобы студенты Санкт-Петербургского университета получали стипендии его имени. Я не согласен, что существуют стипендии имени Ельцина. Ну, кто они такие? Разрушители Советского Союза. Так вот… Мы не собирались брать Белый дом, даже свет и телефоны там не отключили.

Я могу рассказать о Грачёве, который во время ГКЧП был якобы на стороне Ельцина, одну интересную историю, которая произошла за несколько месяцев до введения ГКЧП. Шестая воздушно-десантная дивизия Грачёва стояла в Туле. Туда в качестве председателя Президиума Верховного Совета РСФСР или уже в качестве президента России должен был приехать Ельцин. Накануне его визита ко мне на приём просится Грачёв: «Товарищ маршал, может быть, нам напоить Ельцина? Он тогда выступать не будет». Я отвечаю: «Проводи учение!» А мы незадолго до этого проводили показательные учения воздушно-десантных войск для министра обороны США Чейни. С самолёта прыгают девушки-десантницы с флагами, преподносят Ельцину цветы, а Грачёв в это время говорит: «Борис Николаевич, надо в честь этого выпить!» И Ельцину подают фужер спирта. Он его выпил, стал весёлый. Потом накрыли стол. Ельцин, чтобы взбодриться, пошёл с Грачёвым купаться в озеро – а это был май месяц. Короче, напился до чёртиков и так в Туле и не выступил. Вместо него выступал Лобов. Но в тот день Ельцин решил, что раз Грачёв его поил – он его друг.

– Обстоятельства вашего назначения на должность министра обороны СССР в 1987 году носили – понятно, не по вашей воле – трагикомичный характер. Согласны, Дмитрий Тимофеевич? Какой-то Матиас Руст…

– …Всё это было сделано специально! Мы Руста прекрасно видели. Несколько раз реактивный самолёт пролетал рядом с ним, и если бы истребитель пролетел на полной скорости, то, не задевая Руста, просто перевернул бы его воздушной волной. С какой стати какому-то Русту было с таким риском лететь на какую-то Красную площадь? Но, дело в том, что когда в 1983 году мы сбили корейский пассажирский самолёт, было принято решение: гражданские суда больше не сбивать. Может быть, Руст поэтому и летел так смело? Мы же понятия не имели, что эта «птаха» летит именно на Красную площадь. Над Москвой его уже, конечно, было поздно трогать – обломки бы посыпались на город. Важно помнить, что в этот самый момент министр обороны Соколов, Горбачёв и Рыжков были в Берлине на консультативном

совещании стран Варшавского договора. После известия о прилёте Руста Горбачёв на обратном пути демонстративно не взял Соколова в свой самолёт. У меня, конечно, нет данных, что Горбачёв мог заранее знать об этом полёте, но предполагать, что он о нём мог заранее знать, я имею право. Этот полёт – дискредитация советской армии в глазах общественного мнения нашей страны и всего мира.

Приказ остановить Руста Горбачев так и не дал…

Я был на заседании политбюро, которое разбирало этот инцидент. В тот день в три часа ночи меня стуком в дверь разбудил зять – я закрыл телефон подушкой, чтобы он не мешал выспаться. Говорит: «Вас вызывает министр!» Приезжаю в генштаб, Соколов удивляется: «Я тебя не вызывал». Начальник генштаба Ахромеев говорит: «Это звонил я, тебе в 10 часов надо быть на политбюро». Открывает политбюро Горбачёв: «Позор на всю Европу! Какой-то самолётишко прилетел, понимаешь, болтался тут…» Дальше докладывал первый замминистра Лушев, остававшийся в Москве вместо Соколова. Горбачёв ему говорить не дал: «Хватит, садись!.. – и обращается к дважды герою Советского Союза Александру Ивановичу Колдунову, главкому ПВО, – давай ты, Колдунов!» И опять: «Да у тебя тоже одни оправдания!..»

– То есть Михаил Сергеевич хотел, чтобы тогда Руста сбили?..

– …Слушайте дальше. Константинова, героя Советского Союза, маршала авиации Горбачёв тоже сажает на место и обращается к министру обороны Соколову: «А тебе, Сергей

Леонидович, тоже надо определиться!» Потом нас всех выпроводили, а члены политбюро ушли в Ореховую комнату. Через 20 минут Савинкин, заведующий административным отделом ЦК КПСС, приходит за мной и ведёт к Горбачёву. Горбачёв говорит: «Мы решили, что ты будешь министром обороны». Я отвечаю: «Я не готов. В Москве всего-навсего три месяца в должности замминистра по кадрам». «Мы тебе лишние сутки для вхождения в должность дадим…» Все смеются. Соколов мне подмигнул: соглашайся. Я Соколова знал и раньше, когда он был командующим Ленинградским военным округом, я у него был начальником отдела планирования и общевойсковой подготовки; крепкий мужик, сейчас ему 99 лет. Горбачёв продолжает: «Ты, Толя, обращаясь к Лукьянову, и ты, Лев, обращаясь к Зайкову, представьте его в шесть часов коллегии. Всё, ты – министр!» Вот так, по-хамски, со всеми на «ты»… Соколов передал мне ядерный чемоданчик: пришли ребята, рассказали, как с ним обращаться – там никаких разговоров не надо вести, фишки передвигаешь, даёшь ими команду на удар или на отмену удара. В подчинении у меня оказались пять маршалов: Ахромеев, Куликов, Соколов, Куркоткин, Петров. Но в результате мы работали дружно: с замами у меня никаких эксцессов не было.

– Правда ли, что в период Карибского кризиса в 1962 году вы со своим мотострелковым полком, командиром которого являлись, в боевой готовности были скрытно переброшены на Кубу для отражения возможного нападения войск США на этот остров?

– Правда. Я был на Кубе во время Карибского кризиса. Мы должны были противостоять вторжению американцев. Но если бы оно случилось, то американцы нас, конечно бы, просто сожгли. Я был на 40-летии Карибского кризиса в Гаване, и там Макнамара (министр обороны США в 1961–1968 – *авт.)* рассказывал в присутствии жены Роберта Кеннеди и его советников, что на военном совещании в самый разгар кризиса Кеннеди спросил министра военной авиации: «Сможете ли вы сразу уничтожить все ракеты на Кубе?» Тот ответил: «Авиация у нас, конечно, хорошая, но из 41-ной ракеты пара штук может и уцелеть…» «…Значит, не будет двух американских городов! Всё! Вводим карантин!» – решил Кеннеди. Кстати, американцы – трусливая нация. Когда во время Карибского кризиса в прессе появились сообщения, что на Кубе есть ракеты с ядерными боеголовками, вся Америка устремилась с севера на юг – на дорогах скопилось 74 миллиона автомобилей! Так нам дословно переводили на Кубе их же информацию.

Полковник Д. Т. Язов и Рауль Кастро в расположении 108-го мотострелкового полка. 1962 год. Куба, г. Ольгин

– Правда ли, что в следственный изолятор «Матросская тишина» к Вам привозили «подсадных уток» из родной вам Омской области, чтобы втереться к вам в доверие?

– Нет, это неправда. Сначала нас там охраняли обычные тюремщики. Стоит майор, смотрит в моё окошечко, как только я повесил полотенце, чтобы красный фонарь мне в глаза не светил, он заходит и его снимает. Я говорю: «Вот сволочь! Майоры в войну командовали полками, а ты здесь возле окошечка стоишь… Как тебе не стыдно?» Он: «Ты ещё поговори у меня!» Потом их сменили ОМОНовцы, порядочные ребята, солдаты, короче говоря… Мы ни у кого ничего не просили, они на свои деньги то арбуз нам купят, то дыню. Но каждый месяц их меняли, чтобы между нами не возникло сговора.

– Правда ли, что, увольняя вас с военной службы в отставку в феврале 1994 года, Ельцин наградил вас именным пистолетом?

– Не Ельцин, а Грачёв мне вручил этот пистолет. Я его отдал в музей вооружённых сил.

«Руста специально послали на Красную площадь…» [4]

17 лет назад, с 19 по 21 августа 1991 года, в СССР произошел государственный переворот – так называемый августовский путч, предопределивший развал Советской империи.

На интервью в пятизвездочную московскую гостиницу «Ритц-Карлтон», что в пяти минутах ходьбы от Кремля, 84-летний Дмитрий Язов прибыл в парадном мундире и при всех регалиях. Когда через два часа я проводил высокого гостя и его служебная черная «волга» отъехала, пораженная блеском маршальских звезд девушка-портье спросила: «А кто это?». – «Бывший министр обороны СССР Язов», – ответил я. «Да? Не знаю о нем, не слышала». – «Ну как же, ГКЧП, путч…». – «ГКЧП? – наморщила лоб милая барышня. – А что это, простите, такое?».

Забавно… Однако – что сетовать на молодежь, если беспамятство поразило и людей постарше. К 10-летию путча ВЦИОМ провел всероссийский опрос, и 49 процентов россиян не смогли назвать ни одного гэкачепистского имени. Правда, среди тех, кого все же вспомнили, с большим отрывом лидировал последний Маршал Советского Союза Язов (при том, что в скандально известной пресс-конференции, показанной по телевидению в антракте «Лебединого озера», он не участвовал и публичных заявлений не делал).

Тогда, в августе 1991-го, прогрессивные газеты вышли с шапками: «Кошмар, на улице Язов!». Демократы не жаловали старого вояку с будто вытесанным из гранита лицом, прямой спиной и рублеными фразами-командами. Такой-сякой, он уничижительно отзывался о журнале «Огонек», запретил публикацию повести Каледина «Стройбат», вместо оставшегося в стороне Горбачева отдувался на трибуне Съезда народных депутатов СССР за события в Тбилиси и Вильнюсе… Ретроград!

Командующий 4-й армией Дмитрий Язов проводит смотр войск 75-й дивизии после учений. 1973 год

В армии между тем Дмитрия Тимофеевича уважали, несмотря ни на что, – и до 91-го, и после. Язов не относился к «паркетным генералам» и служил большей частью вдали от столиц: на Крайнем Севере и в Забайкалье, в Средней Азии и на Дальнем Востоке… Только в феврале 1987-го он был переведен в Главное управление кадров Министерства обороны, где – по воле случая! – весьма скромную должность занимал родной брат инициатора перестройки подполковник Александр Горбачев…

Что интересно, если гражданские лица приходили в восторг, когда Язов цитировал на память всего «Евгения Онегина», то для служивых было важнее, что их командующий назубок знал нормы котлового довольствия, сроки носки солдатского обмундирования и четыре тома общевойскового устава. Для него, начинавшего в пехоте, личный состав абстрактным понятием не был.

Когда в самый разгар Карибского кризиса его полк разместился на Кубе, пришлось вводить так называемый комсомольский патруль, чтобы оградить бойцов от местных ночных бабочек. Услуги их были почти бесплатны – два песо, и один патрульный, в конце концов, не устоял… Через две недели врач привел его с букетом венерических болезней к Язову… «Лечение стоит много долларов, – сказал командир полка, – но я найду эти деньги, если…». Взамен бедолага должен был показать остальным солдатам (офицерам при этом присутствовать комполка не позволил) то место, которым грешил. Вид гениталий размером и цветом с бутылку произвел на парней неизгладимое

впечатление: больше ни одного случая заражения в полку не было…

…Если бы в августе 91-го Язов приказал пустить в ход оружие, не исключено, что мы и сегодня жили бы в СССР. Члены ГКЧП требовали от него самых решительных действий, но ради спасения своей шкуры он не хотел проливать кровь собственного, пусть и одураченного, народа, не цеплялся изо всех сил за власть… Когда утром 21-го на объятых противостоянием столичных улицах погибли трое ребят, министр обороны, ни с кем не советуясь, приказал вывести из Москвы войска.

Едва маршала арестовали, его пострадавшую после аварии жену, передвигавшуюся только на костылях и с одной рукой, выгнали из квартиры на Ленинском проспекте (в этом же доме жил Горбачев). Все полтора года, что Язов находился в «Матросской Тишине», ему не платили пенсию, и супруга выкручивалась, продавая вещи, а его сына, слушателя Академии Генштаба, немедленно изгнали из стен учебного заведения (Язов-младший умер в 44 года, за несколько дней до 70-летия отца, – не выдержало сердце). Жирный крест был поставлен и на карьере зятя, военного дипломата, поскольку после путча ему запретили загранкомандировки…

Сегодня в отличие от других маршалов Советского Союза у Дмитрия Тимофеевича нет ни личного ординарца, ни персонального автомобиля – он сам ходит по магазинам и ездит в метро… Правда, постепенно отношение властей меняется: через семь лет забвения его взяли консультантом Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны. К 80-летию Путин наградил его орденом Почета, Фидель Кастро – орденом Че Гевары, а Ким Чен Ир пригласил на месяц в Пхеньян – подлечиться… Вдобавок книга опального военачальника «Удары судьбы» стала бестселлером и выдержала три переиздания.

В ней автор прямо, не юля, написал о самых больших своих потерях: о дочке, в два с половиной года упавшей в кипяток и сварившейся там заживо, о первой жене, которую в 50 лет медицина спасти не смогла, о 16-летнем внуке, погибшем недавно в жуткой автокатастрофе…

Его пытались представить эдаким монстром, русским Пиночетом, в конце концов, трусом, который, проиграв, выпрашивал у Горбачева прощения… Язов и сам судит себя строго: подвига, дескать, не совершил, армию в бытность министром не уберег… История, я уверен, каждому воздаст по заслугам, но для большинства граждан старый маршал навсегда останется в первую очередь «тем, который не стрелял»…

«Под Москвой Жуков мог расходовать в сутки только 11 боеприпасов на километр фронта»

– Товарищ маршал Советского Союза, разрешите обратиться!

– (Улыбается). Разрешаю!

– Во-первых, хочу поблагодарить вас за то, что согласились на интервью, а во-вторых (а может, даже во-первых!), за то, что именно вы подписали в 1988 году майский приказ о моем увольнении из Вооруженных сил СССР. Служил я в ракетных войсках оперативно-тактического назначения в Ленинградской области под Лугой…

– В 27-й бригаде?

– Так точно, и в дембельские альбомы мы вписывали, помню, нехитрые такие стишки (вы, очевидно, их слышали):

Пусть приснится водки таз
И маршала Язова приказ…

– Все было (смеется), чего уж…

– Хотя вы уже на пенсии, маршальский мундир с глаз долой не убрали, грядки на даче не копаете и по-стариковски на завалинке не сидите… Чем же, если не секрет, занимаетесь?

– После печально известных событий, связанных с ГКЧП (мы еще их коснемся), стал президентом Общества памяти великого полководца Жукова. Для победы в Великой Отечественной Георгий Константинович сделал, пожалуй, больше всех остальных маршалов, и он не просто четырежды Герой Советского Союза – все свои звезды получил на боевых постах.

Так, например, когда на Монгольскую республику напала Япония, туда был направлен именно Жуков (в то время командовавший корпусом). Созданная им первая армейская группа в пух и прах разнесла на реке Халхин-Гол шестую Квантунскую армию и большинство японских солдат пленила. За это Георгий Константинович получил первую звезду Героя и сразу же был назначен командующим Киевским военным округом.

В январе 41-го по решению Сталина состоялась военная «игра»: Жуков действовал за «синих» – то есть немцев, а генерал-

полковник танковых войск Павлов…

– …*расстрелянный в первые месяцы Отечественной…*

– …за «красных» – то есть за Красную Армию. Когда Жуков разгромил (теоретически, на картах!) Павлова, Сталин увидел в нем величайший талант и назначил начальником Генерального штаба – на этом посту Георгий Константинович встретил роковое для нашей Родины 22 июня.

Силы были заведомо неравны: мы сумели мобилизовать всего-навсего около четырех миллионов человек, а в распоряжении немцев были подготовленные, обученные, оснащенные и получившие боевой опыт войска. К лету 41-го Германия покорила практически всю Европу, и хотя условно мы и говорим, что воевали с вермахтом, сражались также с Италией, Румынией, Венгрией, Финляндией, Словакией, Болгарией и Испанией. Были также по ту строну фронта добровольцы из Франции, других стран…

– …*да и наших хватало!*

– Вот-вот, на стороне фашистов воевала, в частности, украинская дивизия…

– …*плюс власовцы…*

– Совершенно верно, и тем не менее мы вышли из этой схватки победителями. За счет чего?

Изначально немцы превосходили нас абсолютно по всем параметрам. У них было 32 миллиона рабочих на заводах и фабриках – вся Европа, кроме Англии, работала на Германию, а нам пришлось эвакуировать с запада на восток 80 процентов промышленности. Вы представляете, что означает передислоцировать 10 авиационных заводов? Или, например, «Запорожсталь»? Только чтобы ее перевезти, потребовалось 108 тысяч вагонов, а ведь вместе с оборудованием вывозили также рабочих с семьями… Пока в Сибири и на Урале цеха поставили, ударили морозы…

В 41-м году мы оказались в тяжелейшем положении, и когда немцы дошли до Москвы, Жуков, командуя тысячекилометровым фронтом, мог расходовать в сутки лишь 11 тысяч боеприпасов. Разделите – получается по 11 штук на километр.

– *Кошмар!*

– Зато в Сталинграде мы уже имели на километр фронта 500 снарядов, а когда добивали группировки «Север» и «Юг» – по 300 орудий: вот как росла мощь!

Отступая, мы лишились практически всех танков – из уцелевших сформировали бригады и кое-как оказывали сопротивление…

С фронтовым другом

– …вдобавок почти вся авиация была уничтожена прямо на аэродромах…

– Только Белорусский округ сразу же потерял 800 самолетов, а всего мы недосчитались 1200. Под Москвой гитлеровцы тоже оставили практически все танки и самолеты, но благодаря тому, что на них работала промышленность всей Европы, к июлю 42-го сумели восстановить численность и этих, и других видов оружия. На Восточный фронт к тому же они перебросили не только немецкие дивизии, но и итальянских, испанских, финских солдат. Что говорить, если только венгров против нас воевал миллион?..

В самое, можно сказать, трагическое для страны время у Сталина произошел тяжелый разговор с Жуковым. Георгий Константинович предложил сдать Киев, потому что иначе фронт командующего Киевским военным округом Кирпоноса попадал в окружение. Верховный вспылил: «Что это вы чепуху мелете?». – «Если я способен молоть только чепуху, – ответил Жуков, – мне нечего делать в должности начальника Генерального штаба. Отправьте меня на любой участок – могу командовать фронтом, армией, корпусом, дивизией…». Сталин смягчился: «Вы не горячитесь, не горячитесь… Успокойтесь…». Так Жуков стал командующим Резервным фронтом под Ельней, и когда туда

прибыла сибирская 24-я армия, он объединенными усилиями разгромил немцев, возвратив оставленный город обратно. В те дни родились первые четыре гвардейские дивизии Красной Армии.

«Заговор военных был: Тухачевский сам в этом признался в письме Сталину»

– Киев между тем все равно сдали, и в окружение попали полмиллиона бойцов…

– Потери были бы меньше, если бы наши части, как и настаивал Жуков, вовремя отвели бы в укрепрайоны, однако… Тем не менее, несмотря на то что значительная часть защитников украинской столицы оказалась в кольце, Киев полтора месяца оборонялся, и группа армий «А» была существенно там задержана. Ну а теперь смотрите: в районе Ельни немцев тоже на два месяца задержали, плюс Ленинград отстояли, а это означало, что блицкриг не удался.

– Существует довольно-таки распространенная точка зрения, что Жуков брал не столько полководческим талантом, сколько безжалостностью. Для достижения цели он, говорят, с людскими потерями не считался и просто заваливал немцев трупами русских бойцов: мол, бабы еще нарожают…

– В последние годы такое мнение высказывали многие – особенно те, кто не знали войны, а первым об этом публично заявил писатель Астафьев: дескать, что это за победа – мы просто трупами их завалили. Чего ради красного словца не скажешь!

Да, в первые месяцы войны мы потеряли около четырех миллионов солдат, но кое-чему и научились. В чем ведь причина того, что поначалу воевали мы плохо? Во-первых, не были подготовлены настоящие командующие. Ну кто такой Павлов? Командовал бригадой в Испании, стал Героем Союза и сразу был направлен командующим Белорусским округом, куда входили три армии. Кто такой Кирпонос? Был командиром дивизии на Ленинградском фронте, овладел Выборгом, получил орден Ленина, назначен командующим Киевским округом. Та же ситуация с командующими армиями – в основном это были малоподготовленные люди.

– Так ведь многих ведущих военачальников перед войной расстреляли!

– Да нет (горячится), не это важно, не в том правда! Рокоссовский сидел – возвратили, Мерецкова, Горбатова тоже реабилитировали…

– Но подождите: уничтожили Тухачевского, Егорова, Блюхера, Якира, Уборевича…

– …потому что они состояли в заговоре.

– По-вашему, заговор военных реально существовал?

– Ну конечно. Михаил Тухачевский сам во всем и признался – в письме прямо на имя Сталина.

– Хм, а вы разве не допускаете, что красный маршал оговорил себя под нечеловеческими, изощренными пытками?

– В первый же день? Что вы – он написал Сталину сразу, как только его забрали…

– Может, так мордовали, что…

– (Перебивает). Дмитрий, прочтите книгу Карпова «Генералиссимус» – автор приводит в ней текст письма…

– Я читал…

– Ну вот видите… Заговор был – это факт, но почему еще Красная Армия так отступала? Исход сражений зависит не только от командующих, но и от командиров дивизий, полков, батальонов, рот, взводов… У нас из запаса призвали свыше 660 тысяч офицеров…

Капитан Д. Т. Язов

– …без практики…

– …да, недостаточно образованных и подготовленных, а немецкие офицеры прошли с боями практически всю Европу. У них уже были организованы танковые группы, они вторглись на территорию СССР, имея шесть танковых армий, а мы только начали создавать танковые механизированные корпуса и завершить эту работу не успели. Тем не менее при хороших командирах некоторые танковые дивизии сражались довольно успешно. Вспомним хотя бы командующего третьим Белорусским фронтом Черняховского – вы о таком слышали?

– *Ну разумеется – прославленный генерал…*

– …а начал войну полковником, командиром 28-й танковой дивизии, которая базировалась в Лиепае. Его бойцы совместно с артиллерийской бригадой так взяли в клещи танковую группу Геппнера, что тот, бедный, куда деваться, не знал. Дивизия Черняховского отступала до Новгорода, но сохранила часть танков и знамя. Через полтора месяца после начала войны его назначили командиром корпуса, а еще через месяц – командующим 60-й армией. Погиб он в 36 лет, командуя фронтом.

«Была тогда настоящая дружба народов…»

– Все-таки удивительное у вас поколение – людей, беззаветно любивших Родину…

– Это во-первых, а во-вторых, была тогда настоящая, непоказная дружба народов… Представители разных национальностей были, как говорится, едины в своем порыве остановить зарвавшегося врага, и, естественно, не могли проиграть, не имели такого права.

– Знаете, я с трудом представляю себе, что нынешние молодые ребята, если, не дай Бог, война, припишут себе, как когда-то вы, год и 17-летними добровольно пойдут на фронт. Скажите, что вами двигало?

– Видели бы вы этот всплеск патриотизма! Понимаете, работа комсомольских организаций была направлена на воспитание любви к земле, где ты родился и рос, и не только я – все десятиклассники побежали в военкоматы: как это, думали, немца добьют, а мы повоевать не успеем? Нас, правда, отправили по домам: «Идите пока!», ну а поскольку паспортов в селах не было, я себе в справке из сельсовета год и добавил. Парень был рослый…

В ноябре Московское пехотное училище имени Верховного Совета практически в полном составе было брошено на передовую. Курсанты составили бригаду и воевали вместе с прибывшей из Казахстана 316-й дивизией под командованием Героя Советского Союза Ивана Васильевича Панфилова, а тем временем заместитель начальника училища и заместитель командира батальона отправились в Сибирь и собрали нас, пацанов…

– Так уже вы в 18 лет офицером стали?

– Еще не было 18-ти. Учились всего 10 месяцев: сначала в Новосибирске, затем прибыли в Москву, а когда зима закончилась, отправились в Солнечногорские лагеря. Спустя много лет я был там командиром полка, а потом будущий украинский министр обороны Александр Иванович Кузьмук в том месте служил. Впрочем, кажется, я отвлекся… 17 июля нас выпустили, в тот же день погрузили в эшелон и отправили на фронт. Наш батальон – на Волховский, а второй батальон сибиряков – на Ленинградский. Готовилась операция «Искра»…

– Прорыв блокады Ленинграда?

– Верно, прорыв… К этому времени, если вы помните по истории, пал Севастополь, и Манштейн с четырьмя дивизиями был переброшен из Крыма под Ленинград. Вместе с войсками Клюге он должен был прорвать оборону Ленинградского и Волховского фронтов, после чего, соединившись с финнами, так блокировать северную столицу, чтобы ни по воздуху, ни по морю, ни по Ладоге – никаким образом туда нельзя было доставить продовольствие и боеприпасы. Город Гитлер решил уничтожить и назвал эту операцию «Северное сияние».

– И вас, вчерашних десятиклассников, бросили в самое пекло…

– …где мы почти мгновенно сварились… Прибыв в расположение 177-й дивизии, подошли мы к штабной землянке. Только представились начальнику штаба, командир дивизии на лошади прискакал… «Что это за люди?» – спросил. «Бывшие курсанты, а теперь офицеры из Московского училища имени Верховного Совета», – доложил начштаба. Комдив коротко бросил: «В лес!».

Дмитрий Тимофеевич Язов. Фронтовая фотография, апрель 1944 года

На поляне уже стояло человек 400 офицеров. Нас пристроили, вышел председатель военного трибунала и зачитал смертный приговор младшему лейтенанту, как сейчас помню фамилию, Степанову за проявленную трусость. Он со своим противотанковым взводом стоял на шоссе и в разгар боя, когда на них поперли фашистские танки, испугался, убежал. Хорошо,

сержанты-командиры орудий не дрогнули и атаку отбили…

– *Сколько Степанову было лет?*

– Где-то под 30. Его расстреляли прямо на наших глазах… После этого комиссар дивизии вновь зачитал присягу, напомнил, что нужно вести активную оборону (как раз вышел 227-й приказ Сталина от 26 июля: «Ни шагу назад!»).

– *Как выглядел сам расстрел?*

– Осужденного откуда-то привели, поставили перед строем, потом скомандовали: «Кругом!». Он повернулся… Заранее там была даже не могила выкопана, а какая-то торфяная выработка. Человек из НКВД выстрелил бедолаге в затылок, и Степанов упал лицом в коричневую лужу…

«В ставке Гитлера был наш человек покруче Штирлица…»

– От увиденного вам стало страшно?

– (Твердо). Нет, ни страха, ни жалости я не испытывал. Мы понимали, что это на самом деле был трус.

– Вы не спросили себя в тот момент: «А что будет со мной, если при виде наступающих немцев тоже вдруг побегу?».

– Исключено: у нас был такой подъем, что и думать об этом никто не хотел.

– А вы понимали, что в первой же атаке могут убить?

– Безусловно! Скажу честно: умирать в таком возрасте не хочется никому, тем не менее мы поднимались и шли в атаку. В первой же я был ранен…

– Куда?

– Снаряд, очевидно, упал прямо под ноги, ушел в глубину (мы воевали в болоте) и там взорвался. Волна меня приподняла и так бросила о пенек, что три позвонка были сломаны (компрессионный перелом), отбило почки. Полтора месяца я отлеживался в госпитале и, как говорится (слов из песни не выкинешь), оправлялся кровью. Тяжелое было ранение…

– Извините, перескочу… Наверняка вы знакомы с творчеством знаменитого перебежчика Суворова-Резуна… В своей книге «Ледокол» бывший высокопоставленный гээрушник пишет, что на самом деле Сталин хотел напасть на Германию первым и сосредоточивал на границе…

– (Перебивает). Это неправда – ну как Сталин мог такое планировать, если он знал реальную ситуацию? Дмитрий, в ставке Гитлера (открою вам этот секрет) был наш человек…

Дмитрий Тимофеевич Язов

– …ого, прямо в ставке? Это кто-то покруче Штирлица?

– Конечно, и мы хорошо знали, что представляет собой вермахт. Немецкая армия насчитывала семь миллионов 200 тысяч человек – обученных, подготовленных, а с венграми, финнами, румынами, болгарами и так далее – миллионов около 10-ти.

– Фронтовики не скрывают, что на фронте всем было страшно, но выпивали 100 граммов (а иногда больше) и шли в атаку, подхлестывая себя матом…

– Поверьте мне, это далеко не так. Русские привыкли немножко бравировать бесстрашием: вот, дескать, какие мы – выматерились, и сам черт не брат! Чепуха это…

На самом деле, поднимались с криком: «За Родину, за Сталина!» и молча, стиснув зубы, устремлялись вперед. Причем мы же не просто так – вдруг, ни с того ни с сего вскакивали. Проводилась артподготовка, потом артсопровождение шло: надо было идти близко за разрывами нашей артиллерии…

– А не попадали под свои же снаряды?

– Всяко бывало, но главное, что противник не мог поднять головы. Воевать мы под Москвой научились и особенно под Сталинградом. В ходе третьего крупного сражения – Курской битвы немцы уже ничего практически не могли. Модель – один из лучших гитлеровских генералов! – командовал группировкой, которая пробивалась к Курску с севера, а на южном фасе курского выступа к городу рвался Манштейн. Они хотели окружить семь наших армий, а противостояли им Центральный фронт

Рокоссовского, Воронежский фронт Ватутина и в тылу – Степной фронт Конева.

В течение четырех суток немцы долбили наши позиции на северном фасе, но оборона была настолько хорошо организована, что продвинулись они всего на 12 километров – все. После этого Рокоссовский нанес по противнику удар двумя танковыми корпусами, восстановил положение и стал готовиться к наступлению. Вместе с Брянским и Западным фронтом, который находился севернее Центрального, он двинулся на Орел, а Конев и Ватутин – на Белгород. Эти два города были взяты 5 августа 1943 года…

– …и в тот же день Москва впервые салютовала своим храбрым воинам…

– Отныне освобождение каждого крупного населенного пункта отмечали салютом.

«Это была самая настоящая провокация: самолет Руста явно готовили»

– Вступив в бой с фашистами молодым офицером, вы сделали во всех отношениях блестящую военную карьеру, а в 1987 году стали министром обороны СССР. Это, замечу, произошло после того, как прямо на Красной площади (в каком-то километре от места, где мы сейчас беседуем) на легкомоторном самолетике приземлился 19-летний гражданин ФРГ Матиас Руст, после чего с позором был снят ваш предшественник Соколов. Как вообще такое ЧП могло произойти?

– Сейчас я уже могу сказать: в то время, когда пилотируемая Рустом четырехмоторная «Сессна-172» села на Красную площадь, Горбачев, председатель Совета министров Рыжков и министр обороны Соколов находились на заседании политического консультативного комитета стран-участников Варшавского Договора в Берлине. В Москве – никого: на хозяйстве остался первый заместитель министра генерал армии Лушев, но после того как в 1983 году над Сахалином сбили южнокорейский «Боинг», было принято решение по гражданским судам не стрелять.

Наши видели, что из Финляндии летит самолет. Сначала его заметила 6-я армия ПВО, потом «передала» Московскому военному округу. Над нарушителем прошли несколько истребителей, но если бы сверхзвуковой МИГ-29 на полной скорости промчался рядом…

– …«Сессну» опрокинуло бы воздушной волной…

– …да просто перевернуло бы – и все, но никто же не думал, что эта жестянка летит, чтобы скомпрометировать армию.

– Даже так?

– Да, я считаю, что Руста специально послали. Может быть, даже по договоренности с Горбачевым.

– Как интересно!

– Во-первых, самолет явно готовили: он имел два бака. Добравшись до Финляндии, пилот залил их полностью и мог не только долететь до Москвы, но и в случае чего возвратиться обратно в Гамбург без дозаправки, то есть это была самая

настоящая провокация.

– Какую же цель она преследовала? Показать небоеспособность советских Вооруженных Сил?

– Этого я не знаю, но, видимо, одна из задач состояла в том, чтобы дискредитировать наше военное руководство.

– Что вы почувствовали, когда узнали, что в самом сердце СССР приземлился дерзкий юнец?

– В то время я был недавно назначенным заместителем министра обороны по кадрам. Сплю себе дома – и вдруг стук в дверь. (Поскольку телефон мы закрыли подушкой, чтоб не мешал, дозвониться мне не могли, так Саша, мой зять, достучался: «Срочно Соколов вызывает»). Приезжаю в ГУК (Главное Управление кадров. – *Д. Г.)* ночью, звоню по ВЧ министру – он ничего не знает, но с ним Ахромеев…

– …начальник Генштаба…

– Да. Он взял трубку: «Это я вызывал. В 10 часов утра тебе надо быть на Политбюро». Я вновь к Соколову: «Что подготовить?» – спросил. «Ну, возьми данные обо всех командующих, в первую очередь 6-й армии. Кто дежурил, кто вылетал».

– Предполагался разбор полетов?

– Конечно, собирались анализировать действия пилотов и пэвэошников. Докладывать начал дважды Герой Советского Союза, главный маршал авиации Колдунов, но Горбачев его оборвал: «Хватит болтать, мы уже это слышали». Затем слово взял Лушев – он и его одернул, и с командующим Московским округом ПВО маршалом Константиновым не церемонился. Потом Соколову сказал: «Сергей Леонидович, и вам надо определиться» – и объявил: «Все свободны!».

Члены Политбюро удалились в так называемую Ореховую комнату, а мы ждем в приемной. Минут через 20–30 выходит заведующий пятым отделом ЦК Савинкин и берет меня за руку: «Пойдем». Маршал Куликов вслед: «Повели министра».

– Опытный человек – сразу все понял…

– Еще бы – он же был главнокомандующим Вооруженными силами Варшавского договора… Ну что – вошел я, представился. Горбачев: «Мы решили назначить тебя министром обороны» – на ты…

– Он, как известно, всем «тыкал» – независимо от возраста, звания…

– «Во-первых, я всего три месяца как в Москве, – отвечаю, – не знаю системы заказов и закупки вооружения, да и многих других вопросов». – «Ничего, мы тебе для вхождения в должность дадим лишние сутки». Все: «Ха-ха-ха!» – генсек типа сострил.

Моей реакции он дожидаться не стал. «Ты, – кивнул Зайкову, – и ты, Толя, – обратился к Лукьянову, – в 16 часов соберите коллегию, представьте министра». И мне: «Сегодня же вступай в должность».

Прямо оттуда поехал я с Соколовым, принял у него «ядерный чемоданчик», ключи от сейфа, некоторые документы. Обошел перед коллегией всех заместителей, и ровно в 16 часов Лукьянов и Зайков объявили решение главнокомандующего о моем назначении.

– Как Соколов воспринял то, что его сняли? Истерики не было?

– Нет, ну что вы. У него была завидная выдержка: он же еще в 37-м на озере Хасан воевал, Отечественную встретил командиром танкового батальона… Человек, одним словом, достойный, вежливый, в высшей степени грамотный и аккуратный, но спорил с Политбюро, особенно когда речь шла о сокращении ракетного вооружения.

Вы же поймите: мы согласились ликвидировать ракеты средней и меньшей дальности, направленные на Европу, а они в обмен – уничтожить свои, которые доставали Москву, Ленинград, Киев. Договорились, что оставим только стратегические ракеты. Кстати, в СССР их выпускал днепропетровский «Южмаш». Генеральные конструкторы Челомей и потом Уткин таких красавиц сделали (американцы прозвали их «Сатана»), что некоторые до сих пор на боевом дежурстве стоят…

Ликвидация ракет средней и меньшей дальности – сложнейшая операция, да и удовольствие дорогое: нужны специальные термовагоны для перевозки. У нас между тем была фронтовая ракета «Ока» с дальностью до 400 километров, которая под эту договоренность не подпадала, и вдруг выясняется, что мы обязались уничтожить и ее. Соколов и Ахромеев прямо сказали Горбачеву и Шеварднадзе, что это не что иное, как одностороннее разоружение. Почему мы лишились «Оки», на разработку которой были потрачены огромные средства? Потом все доказывали, что виноват Шеварднадзе: его убедил госсекретарь США Шульц, а уже наш Эдуард Амвросиевич уговорил Горбачева.

«Скорее всего, агентом влияния был Яковлев»

– Дмитрий Тимофеевич, я не могу не спросить вас о событиях 19–21 августа 1991 года, которые, в общем-то, предопределили распад СССР. Скажите, как вы впервые узнали о том, что создан Государственный комитет по чрезвычайному положению – ГКЧП и планируется переворот?

– Ни о перевороте, ни о создании ГКЧП мы не думали – дело в том, что, уезжая на отдых, Горбачев собрал правительство и строго-настрого предупредил: нужно отслеживать ситуацию и, если что, вводить чрезвычайное положение.

– Так и сказал?

– Теперь это может подтвердить только он, так как Павлов, который был тогда премьер-министром, уже умер (правда, осталась его книжка, где Валентин Сергеевич это описывает).

Тогда, действительно, такая обстановка сложилась, что надо было подписывать Союзный договор. 17 марта весь советский народ, в том числе и ридна Украина, принял участие в референдуме. За сохранение СССР высказались 76,6 процента голосовавших, но вместо того чтобы выполнить волю народа, Горбачев собрал в Ново-Огареве всех первых секретарей, руководство республик, и договорился до того, что СССР себя изжил: мол, давайте Союз суверенных государств создадим. Как будто Украина или Казахстан до этого не были суверенными… Понятно, о чем речь уже шла…

– И чей же это сценарий был – горбачевский, американский?

– Я думаю, западный…

– По-вашему, Михаила Сергеевича можно назвать агентом влияния?

– Скорее всего, агентом влияния был Яковлев, а уж он в свою очередь агитировал Горбачева.

– То есть генсек, ставший впоследствии президентом СССР, не был самостоятелен?

– Конечно же, нет. Еще не будучи Генеральным, он ездил к Маргарет Тэтчер в Англию, встречался в Канаде с советским послом Яковлевым, который каждого члена делегации в отдельности обрабатывал.

– ???

– Да-да… Помните, был такой министр сельского хозяйства Месяцев – он мне лично рассказывал, как тот их по одному вызывал и втирал: «Хватит с нас Советского Союза, смотрите, как в Канаде живут…». Что ж, я не спорю, может, у них действительно лучше, но эта страна никогда ни с кем не воевала, а мы для начала в гражданскую потеряли пять миллионов, везде разруха была, плюс в 30-е годы голод какой перенесли. Вчера вот показывали по телевизору, как украинцы какую-то акцию проводили, посвященную голодомору, но ведь голод по всей стране был. Если три года подряд недород, при чем здесь колхозы – у единоличника тоже не было бы урожая…

– Ну хорошо, вы понимали, к чему ведет Горбачев, а кто первый шепнул: «Давай, Дмитрий Тимофеевич, выступим против развала СССР вместе»?

– Это был председатель КГБ Крючков – уже, кстати, покойный: вчера он умер.

«Переговорщиков, которые пожаловали в Форос, Горбачев обложил матом»

– Главным идеологом ГКЧП, получается, был Крючков?

– Нет, не совсем, но Владимир Александрович знал обстановку, понимал, куда Горбачев клонит, и видел, что делается в самом правительстве…

– Что же он вам сказал?

– Что правительству надо бы этот вопрос обсудить. Подписание было назначено на 19 августа – это был понедельник, а мы собрались под руководством Павлова 17-го…

– …в субботу…

– Кстати, в пятницу решение о создании Союза суверенных государств было уже напечатано, но ни в субботу, ни в воскресенье никто его не читал – лето, жара, все на дачах… Затишьем решили воспользоваться и в понедельник подписать новый договор, но согласились на это лишь пять союзных республик: Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Россия, которая колебалась…

На заседании Совета министров Павлов недвусмысленно заявил, что ситуация критическая и надо лететь к Горбачеву докладывать обстановку, а затем вводить чрезвычайное положение, потому что назревало форменное безобразие.

– Вы тоже отправились к Михаилу Сергеевичу?

– Нет, я не мог. Начальник Генерального штаба был в отпуске, а «ядерный чемоданчик» у него и у меня… Ну а поскольку Горбачев тоже находился в Крыму, только я в случае необходимости ответного применения ядерного оружия мог с ним связаться.

– Какая, однако, ответственность!

– А то! От нас, военных, был главнокомандующий Сухопутными войсками Варенников. В делегацию вошли также начальник девятого управления КГБ Плеханов и его зам Генералов, от военно-промышленного комплекса Бакланов, а также секретарь ЦК Шенин и заведующий общим отделом Болдин… От разных, короче, ведомств поехали представители и

каждый обрисовал свое видение ситуации. Предложили или немедленно ввести чрезвычайное положение, или отказаться от подписания договора.

– Как на это отреагировал Горбачев?

– Как обычно, всех обложил матом.

– Умел?

– Еще и как! Многие мне потом признавались: они и подумать не могли, что он такой бескультурный. На самом деле, Горбачев – партийный деятель не особо высокого полета: хоть и окончил юридический факультет Московского университета, работать сразу пошел в комсомол. Вначале инструктором был, потом комсомольскую организацию Ставрополья возглавил, пробился в партийные органы и в конце концов стал первым секретарем крайкома КПСС. Ну а теперь смотрите… Андропов периодически ездил в Кисловодск больные почки лечить, Суслов оттуда… Они его поддержали, хотя были более достойные кандидаты – например, Романов. С 1923 года, воевал, первый секретарь Ленинградского горкома…

– Переговорщиков, которые к нему пожаловали, Горбачев в результате послал?

– Причем подальше…

– …после чего связь на даче ему таки отрубили?

– Да, но в его распоряжении были машины.

– То есть совершенно изолированным Михаил Сергеевич не был?

– Конечно же, нет…

– Люди осведомленные утверждают, что Горбачев знал о создании ГКЧП и о том, что намечается путч…

– В Форосе ему это объяснили…

– И что, он этот план одобрил: дескать, давайте?

– Как мне передали, решения никакого не принял. «Черт с вами, – сказал, – делайте что хотите!»… Когда вечером товарищи вернулись из Фороса и все рассказали, мы и решили создать ГКЧП.

– Вы вошли в него не задумываясь или сомнения все же были?

– Нет, я не задумывался, а вот те, кто похитрее, быстренько все смекнули. Лукьянов, к примеру, отрезал: «Я председатель

Верховного Совета и никуда входить не могу».

– Кто еще соскочил?

– Министр иностранных дел Бессмертных. «Мне тоже, – сказал, – нельзя, иначе доступ в Лондон, Париж, Вашингтон и другие столицы наверняка будет закрыт». Позвонили председателю Союза аграриев России Василию Александровичу Стародубцеву, председателю Ассоциации госпредприятий СССР Тизякову… Они приехали, и вместе мы создали ГКЧП. Сразу же было принято решение ввести в Москву танки для охраны стратегических и особенно важных объектов, таких, как Кремль, водозабор, Госхран (от мародеров). Кстати, при нас оттуда никто ничего не стащил, а потом, при Ельцине, туда беспрепятственно вошли люди, забрали на 170 миллионов рублей самые лучшие бриллианты и отправили их в Америку.

– Ну надо же, молодцы какие!

– Что же вы думаете – Козленку, который этим непосредственно занимался, дали всего четыре года тюрьмы и уже давно выпустили.

«Надо было или стрелять, или отступить. Я приказал вывести войска…»

– Почему же ГКЧП не довел дело до логического конца?

– Понимаете, у нас не было цели стрелять в людей, а народ наш такой…

– Если в него не стреляют, садится на шею…

– Ну да… Раз Ельцина вроде как обижают, значит, все за него встали горой. Опальный кандидат в члены Политбюро, между прочим, 18 августа гостил в Алма-Ате у Назарбаева. Играли во время дождя в теннис, выпачкались как черти, хорошенько потом приняли и из-за этого на четыре часа отложили вылет в Москву. Ельцин потом сказал: «Это ГКЧП виноват в том, что самолет задержался», а разные демократы: Гавриил Попов, Афанасьев, Собчак, представители общества «Мемориал» – стали возить бутерброды и водку к Белому дому – туда, где собрались москвичи. Те напились, давай угощать солдат, а далеко не все могут отказаться от выпивки на дармовщину.

В общем, надо было или стрелять (а это уже была бы гражданская война), или отступить. Я приказал вывести войска, и после этого нас арестовали. Прилетел Горбачев, собрал сессию Верховного Совета СССР, и государство распалось: все стали царями, каждый заполучил личный самолет и свою армию.

– Почему застрелился министр внутренних дел Пуго?

– Не смирился, видимо, с этой развязкой.

– Хм, а вас мысль о самоубийстве не посещала?

– Нет.

– Вы понимали, что чисты и честны?

– Ну а что, скажите, я сделал? Когда мне приписали расстрельную статью «измена Родине», я удивился: «Как же могу быть изменником, если в 17 лет ушел на фронт? Мне и 18-ти не было, когда первый раз ранило, в 19 получил второе ранение…». – «Странно, в анкетах вы пишете, что с 1923 года…». – «Верно, потому что сам себе год прибавил». – «А где документы, которые это подтверждают?». – «Там, где родился». Они в результате послали запрос в Омскую область – ответа не

получили. Ни следователь Евгений Лисов, ни этот волосатенький, забыл фамилию, генпрокурор…

– …*Степанков*…

– Да, Степанков, не знали, что в ту пору существовал Западно-Сибирский край, центром которого был Новосибирск, и все документы по моему рождению находились там. Когда я это объяснил, они туда обратились, и вскоре получили бумагу, написанную попом: «Язов Тимофей Яковлевич, 1902 года рождения, Язова Мария Федосеевна, 1904 года рождения. Родился сын, назвали Дмитрий, 8 ноября 1924 года». После этого все от меня отстали.

– *Дмитрий Тимофеевич, а что произошло с маршалом Ахромеевым?*

– (Вздыхает). Мы учились с ним в Академии, были друзьями… Еще до событий 91-го года Ахромеев заболел и попросился в «райскую группу», как называли советников при министре обороны. Создали эту институцию еще при Сталине – первым руководителем ее был Василевский. О предстоящих переменах я доложил главнокомандующему: все-таки начальник Генерального штаба уходит, не просто так. Горбачев захотел встретиться с Ахромеевым, и когда он явился, предложил: «Пусть Язов подбирает тебе замену, а ты будешь у меня советником». (Грустно). Так Сергей Федорович в «райскую группу» и не попал…

…Он делал все возможное, чтобы сохранить Советский Союз, и Горбачеву говорил, что считает это первоочередной задачей, но Михаил Сергеевич его не слушал. Когда нас посадили, как только пресса ни изгалялась по отношению к тем, кто входил в ГКЧП: такие-сякие, изменники… Ахромеев, наверное, думал, что его тоже во всех смертных грехах обвинят…

Первое письмо он написал Горбачеву, второе – жене, третье – Соколову и еще одному генералу с просьбой, чтобы по-людски похоронили. (Я подарю вам свои книги – там все описано и эти письма приводятся). Очевидно, не выдержав нервного напряжения, Сергей Федорович привязал тесемочку за ручку…

– *Дверную?*

– Нет, оконную, и набросил на шею петлю… Первая попытка оказалась неудачной: его немножко придушило и тесемочка оборвалась. Он еще одну написал записку: «Плохой из меня самоубийца», связал все по-новому и…

– *Снова за ручку?*

– Да. В таком положении и скончался…

– Сила воли, однако, – повторно решился… Сколько лет ему было?

– Он с 23-го года.

– Что вы почувствовали, когда узнали, что Ахромеев повесился?

– В это время я был в тюрьме.

– Но вам же сказали, наверное…

– Никто ничего не говорил – сообщение услышал по радио. В душе оно отозвалось дикой болью, но я спрятал ее глубоко внутри…

– Как вы считаете, управляющий делами ЦК КПСС Кручина после падения ГКЧП сам выбросился из окна?

– Не знаю, но скорее всего, его выбросили.

«На следующий день после моего ареста маршал Шапошников – новый министр обороны пришел нашу квартиру смотреть»

– В «Матросской Тишине» вы провели год с небольшим…

– Почти полтора… В августе 91-го меня посадили, а в феврале 93-го по амнистии выпустили.

– В каких условиях вы отбывали срок?

– Сами понимаете, что такое тюрьма. Никакой мебели: шконка (это кровать), бетонный пол, в который вмонтирован стол, отдельно умывальник и туалет…

– Очко?

– Нет, чаша за дверкой. Камера 18-метровая – для троих нормально… Ко мне же вашего земляка из Украины подсадили – Алексея Алексеевича Берестового. Может, ему на глаза это интервью попадется? Хочу передать привет.

– Он был подсадной уткой?

– Ну а кем же еще? Зачем бы его ни с того ни с сего из Нижнего Тагила перевезли? Его и еще одного еврея…

– Видимо, чтобы не скучно вам было…

– Похоже, однако, Берестовой ничего не докладывал – человеком он оказался хорошим. Сам военный – служил, по-моему, в КГБ или в милиции… Его через некоторое время назад отправили, а этого еврея еще немножко подержали и выпустили. Что наверху рассчитывали узнать? Во-первых, я не болтун, лишнего не скажу, а во-вторых, никаких сведений они от меня получить не могли.

90-летие Дмитрия Тимофеевича Язова

– Да, ситуация… Маршал Советского Союза, еще совсем недавно министр обороны мощнейшей ядерной державы заперт в 18 метрах с бетонным полом… Какие мысли приходили вам в это время на ум?

– Самые разные… Сейчас уже трудно вспомнить, о чем я тогда думал, но, конечно, о доме, о матери, о жене. Я ж овдовел и через два с половиной года женился второй раз… Вскоре мы с супругой отправились туда, где сейчас дача российского президента.

– В Барвиху?

– Нет, в Козлово Тверской губернии. Министерство обороны отвечало за это охотхозяйство – содержало его, ремонтировало, платило довольствие прапорщикам, которые были загонщиками… Тогда там никто не охотился, хотя уток все равно выпускали исправно. Из яиц, которые несли 250 самок, выводилось тысячи полторы-две утят, некоторое время их кормили – и на волю. Брежнев, кстати, туда приезжал, а Горбачев – ни разу…

Когда мы уже возвращались, случилась беда. Стукнул какой-то лихач, мы перелетели через кювет, да так, что наша бронированная машина аж согнулась. Жене больше всех досталось – в трех местах ногу сломала, ей оторвало руку. 50 дней Эмма провела в реанимации, и, разумеется, в заточении я постоянно о ней думал. Она же на костылях ходила, с одной рукой… На следующий день после моего ареста маршал Шапошников – новый министр обороны – пришел нашу квартиру смотреть. Эмму в таком состоянии прямо на улицу выгоняли, не

давали взамен ничего. В общем, переживаний было немало…

«Я не перед Горбачевым покаялся – прощения попросил у Раисы Максимовны»

– Это правда, что в «Матросской Тишине» вы в сердцах назвали себя старым дураком?

– Чуть раньше – на милицейских дачах в Солнечногорске. Нас вначале туда привезли, там и первый допрос был… Приехал, помню, на эти дачи один деляга, просил об интервью. Ну я и бросил: «Чего к старому дураку пристали?». Вроде бы и на самом деле немолодым был – около 70-ти: в таком возрасте уже внуков нянчить не доверяют…

– Как с вами обращался следователь? Позволял себе какую-то грубость, тыканье, было у него желание вас унизить?

– Нет, он был человеком высокой культуры: относился ко мне уважительно, прислушивался к адвокатам и, как мне представлялось, сочувствовал. Он понимал, что никакой измены Родине не было, что предъявленные обвинения – глупость, просто в силу того, что волчья стая бессловестно рвется к власти, совершается беспредел.

– Я где-то читал, что вы перед включенной видеокамерой публично покаялись, повинились перед Горбачевым?

– Не перед Горбачевым – прощения попросил у Раисы Максимовны.

– За что?

– За то, что мы создали ей определенные неудобства.

– Как вы коротали в тюрьме дни?

– Очень много читал, почти каждый день писал супруге стихи.

– Не сожалеете сегодня о том, что войти в ГКЧП?

– Ну а чего жалеть-то? Обидно, что государство разрушено, ведь от того, что заводы, принадлежавшие всему народу, присвоила горстка предпринимателей и появились десятки миллиардеров, простые люди жить лучше не стали… Или, может, в Украине дела не так плохи?

– Украинцы, пожалуй, поувереннее себя чувствуют…

– Да? И в чем же?

– В Киеве, например, автосалоны не справляются с потоком заказов: прежде чем приобрести машину, приходится по нескольку месяцев ждать…

– И здесь не справляются – Москва забита автомобилями под завязку…

– Значит, деньги у людей есть…

– Так разворовали же государство! Конечно, у некоторых их немерено… Нефть вон и газ всему народу принадлежат, а продают их несколько собственников… В том числе и Украине, а доллары делят между собой. Населению-то ничего не достается.

– Дмитрий Тимофеевич, а после путча вы с Горбачевым общались?

– Один-единственный раз в суде…

– Что он там делал?

– Вызвали повесткой на процесс по делу Варенникова… Генерал не согласился с амнистией, сказал: «Судите!», и его полностью оправдали. И всех остальных оправдали бы, если б дошло до суда…

Горбачев тогда разоткровенничался: «Мне жалко тебя и Ахромеева». – «А мне, – я ответил, – жалко Родину, которую с вашей помощью мы потеряли».

– Сегодня вы могли бы по старой памяти посидеть с Михаилом Сергеевичем за рюмкой чая?

– Никакого желания встречаться с ним у меня нет… Давайте лучше об армии поговорим.

– С удовольствием. Вы пройти все ступеньки воинской службы – не считали, сколько поменяли гарнизонов?

– Считал – около трех десятков. Командовал взводом, ротой, батальоном, был командиром полка, дивизии, корпуса, командующим армии, Центральной группы войск, Среднеазиатского и Дальневосточного округов… За это время сменил 18 квартир.

Годы службы

– Кажется, во время Карибского кризиса вы руководили бригадой, которая…

– Так точно, на Кубе был командиром отдельного мотострелкового полка, но усиленного – он насчитывал две с половиной тысячи человек. В него входили танковый батальон из Чугуева, артиллерийский дивизион, батареи САУ (самоходных артиллерийских установок) и ПТУРС (противотанковых управляемых ракетных снарядов), три мотострелковых батальона, рота связи, автомобильная рота – 100 автомобилей боеприпасы возили.

– Ух ты!

– Мы окопались вблизи американской базы Гуантанамо…

– …и что, велика была вероятность войны с Соединенными Штатами?

– Была, и если бы она началась, мы бы, конечно, все полегли.

– Сегодня угроза подобного вооруженного столкновения, по-вашему, существует?

– Ее исключить нельзя. Некоторые слишком легко относятся к обороне: дескать, раз есть ядерное оружие, войны не будет. Действительно, сейчас оно стало оружием политическим, но войны-то не утихают. В Ираке сражаются, того и гляди очередь до Ирана дойдет, а вспомните Югославию! Все время то там вспыхивает, то здесь… Кто инициатор? Соединенные Штаты Америки!

«Контрактная армия, на мой взгляд, ни к чему»

– То есть американская военная угроза для России по-прежнему актуальна?

– Конечно, иначе зачем им надо было все государства, входившие в Варшавский договор, принимать в НАТО?

– Чтобы не было Варшавского договора…

– Это первое, а второе – чтобы усилить НАТО. Россия, заметьте, хотела тоже войти в Североатлантический блок – нет, ей нельзя, так против кого же они «дружат»? Ответ на ладони. Теперь в Польше и Чехии хотят поставить так называемые радарные установки для перехвата ракет. Чьих же, вы думаете? Северной Кореи и Ирана? Такое объяснение само по себе настолько глупое и циничное, что любой здравомыслящий человек понимает: все это направлено против России.

– Когда я служил в армии – в ракетных войсках, напоминаю, оперативно-тактического назначения – большую часть времени мы занимались караулом, нарядами, покраской бордюров и помощью соседним колхозам в уборке урожая. Только раз съездили на учения в Капустин Яр, где произвели боевые пуски, и то офицеры говорили, что нам еще повезло, потому что многие этой чести не удостоились…

– Дорогая штука…

– Согласен, тем не менее конкретно боевой специальностью, профессией мы занимались до обидного мало. Как вы считаете, сегодня, в условиях экономического и идеологического кризиса, российская армия боеспособна?..

– Сейчас о ее состоянии ничего вам сказать не могу – не служу, и хотя являюсь консультантом в одном из управлений Минобороны, ситуации, как прежде, не знаю. Давайте, однако, сравним. Раньше было четыре группы: Южная, Западная, Северная и Центральная – плюс округа: Прибалтийский, Белорусский, три в Украине – Одесский, Киевский и Прикарпатский, Закавказский…

Дмитрий Тимофеевич Язов на 70-летии со дня образования 120-й гвардейской Рогачевской Краснознаменной отдельной механизированной бригады

– *…Дальневосточный…*

– Его не трогаем, говорим лишь о том, что ушло от России и стремится войти в НАТО или в Европейский Союз. Можно ту армию, которую имел в бытность министром я, сравнить с нынешней?

– *Конечно же, нет!*

– Значит, сильнее мы быть не можем – только слабее.

– *Сколько у вас как у министра обороны было в подчинении человек?*

– По-разному, но всего где-то миллионов пять, причем мы ведь не только военными занимались делами, но и много трудились. 500 строительных отрядов работало у нас в промышленности, четыре железнодорожных корпуса было: два БАМ строили и два в Тюмени к каждой вышке дороги прокладывали, возводили мосты. Был корпус, строивший дороги в Нечерноземье, бригада, прокладывавшая магистраль Центр – Дальний Восток. Рисовую дивизию мы имели в Куйбышеве, два рисовых батальона – в Крыму и шесть – в Краснодарском крае.

– *Хм, а что такое рисовые батальоны?*

– Соединения, выращивавшие рис. Таким образом, говорить о пяти миллионах моих подчиненных можно условно. Немало было и тех, кто под военным командованием работал в сельском

хозяйстве – там, где трудно было набрать рабочую силу.

– Как вы считаете, России и Украине контрактная армия нужна?

– С моей точки зрения, у нас она уже есть… Вообще-то, если начну высказываться, это будет направлено против Путина, и все же, на мой взгляд, контрактная армия ни к чему. Еще в 1905 году в работе «Падение Порт-Артура» Ленин писал: «Канули в вечность те времена, когда войны велись полуоторванной от народа кастой. Теперь войны ведутся народами». На фронты Первой мировой войны в России было призвано 16 миллионов человек, на Вторую мировую – 34 миллиона…

– …*какие цифры!*..

– …и не только у нас так. В ходе кампании «Буря в пустыне», когда, защищая Кувейт, Соединенные Штаты вошли в Ирак, американцы 200 тысяч человек призвали. Чтобы обеспечить погрузку-разгрузку, отправку, тоже нужны кадры, и до сих пор призывники у них есть.

«Сталин – гений. Однозначно!»

– Сейчас в бывших советских республиках, а ныне независимых суверенных государствах, пошла мода на штатских министров обороны: и в Украине, в частности, и в России последние два – из гражданских. Вам, фронтовику, маршалу, это представляется правильным?

– Дмитрий, ну если, допустим, вас назначить командиром атомной подводной лодки, вы ее на второй день утопите…

– …даже раньше…

– …а представьте себе дилетанта, которого с бухты-барахты назначили министром обороны, дали ему два или три миллиона людей, десятки тысяч танков, бронемашин и сказали: «Давай учись управлять».

Весь этот груз ложится на плечи начальника Генерального штаба, командующих округов, а министр – в стороне. Что он способен специалистам подсказать, если не владеет военным делом?

Почему в той же Америке министр обороны гражданский? Да потому, что там существует Комитет начальников штабов плюс три министра: армии, флота и авиации, – о чем наши власти не знают. Этот Чейни (мы, кстати, недавно побывали друг у друга в гостях) ничего в военном деле не смыслит.

– …зато какой богатый!

– С одной стороны, бюджет у него в бытность министром обороны США был колоссальный, а с другой – он делил деньги между видами вооруженных сил…

– …себя, очевидно, при этом не забывая…

– Может, и так, но мне жаловался, что живет очень трудно. Поскольку двое его детей учились, он должен был платить за университет, за квартиру и прочее по 80 тысяч долларов в год, а получал около 170 тысяч. Говорил, маловато…

– Чейни, бедняга, до сих пор еле сводит концы с концами, а маршал Язов? Вам сохранили какие-то льготы?

– Никаких, и привилегий нет тоже.

– А пенсию положили большую?

– Тысяч 20 рублей в последний раз получил.

– Долларов 850?

– Ну, где-то так.

– И больше ничего?

– Абсолютно.

– Обиды на государство, ради которого вы не щадили жизни, у вас нет?

– А что мне на государство-то обижаться? Тех, кто виноват, уже и на свете нет, а вы тут при чем, допустим, или моя сестра, брат? Они сейчас тоже пенсионеры и так же, как другие ветераны, страдают. Ну разве можно на выплачиваемые им гроши пристойно существовать, когда пакет ряженки и кефира стоит 40 рублей, килограмм мяса: баранина, свинина – около 250, сало – 240…

– Любите сало?

– Ну, это больше по вашей части. Знаете, кстати, почему сало стало украинским национальным продуктом? Все очень просто. Крымские татары держали Украину в страхе примерно 500 лет и чистили ее до самого Киева: баранов и коров отнимали, оставляли только свиней – мусульмане их не едят. Вот ваши земляки хрюшек и разводили, за счет чего выживали. Так было и в Чехии, и в Словакии – во многих славянских странах.

– В последние годы о личности Сталина высказывают диаметрально противоположные мнения. Одни утверждают, что он тиран, деспот, незаконно загубил миллионы людей, а другие – что это великая личность. Что думаете о вожде всех народов вы?

– На мой взгляд, такой гений рождается один в тысячу лет: не случайно же Черчилль отмечал, что Сталин был человеком огромной воли – ни при каких обстоятельствах не терялся и находил самые верные решения. Иосиф Виссарионович, согласитесь, принял Россию с сохой, а оставил вооруженную атомной бомбой. Тот же Рузвельт писал: «Русская армия под руководством Сталина наносит фашистам потерь больше, чем все другие 28 объединенных государств, участвующих во Второй мировой войне».

– Ну хорошо, а репрессии – как с этим быть?

– Тут надо по каждому конкретному случаю разбираться. Я не одобряю репрессии, тем более незаслуженные, но когда начинаешь любое дело рассматривать, непременно натыкаешься на доносы – понимаете? Во времена царизма люди были

расслоены на бедных как церковные мыши и зажиточных, на обеспеченную интеллигенцию и богатых помещиков, и после гражданской войны некоторые, чувствуя себя ущемленными, мстя кому-то за что-то…

– …писали доносы…

– Когда один, а когда и два-три. Тех, на кого указывали, начинали проверять, и выяснялось: да, где-то что-то они говорили… У нас ведь любят языком почесать и русские, и украинцы – я считаю, что это один народ. В Сибири, кстати, ваших земляков больше, чем русских.

– Сейчас там уже китайцы, наверное, всех переплюнули…

– Согласен, особенно на Дальнем Востоке. Они и до Новосибирска дошли, хотя в самой Сибири – я имею в виду Красноярск, Омск – больше украинцев. Как вот возникло мое родное село Язово? Прибыли первые пять семей с этой фамилией, осели, а потом туда начали переселять украинцев, пока их с сибиряками не стало поровну. Моим одноклассникам в школе учительница говорила: «Прочитай л-у-к. Что вышло?». – «Цыбуля». Это, конечно, шутка, тем не менее так примерно и было.

– Итак, Сталина вы считаете гением?

– Да, однозначно. Вспомните Сталинградскую битву: если бы Сталинград сдали, немцы могли бы пройти на Кавказ?

– Конечно…

– Когда мы ударили по Сталинграду, 4-ю танковую армию Гота, двигавшуюся на Кавказ вместе с 1-й танковой и 17-й полевой армиями, возвратили и она пришла на подмогу к Паулюсу, который один не справлялся, хотя у него, кроме своих войск, были две румынские, итальянская и венгерская армии.

– Ну, это не вояки…

– Тем не менее они были с оружием и стреляли. Для проведения Сталинградской операции требовались дополнительные ресурсы, а железные дороги были перерезаны, мосты взорваны – в город ничего не поступало, и Сталин принял решение от Саратова до Сталинграда проложить 200-километровую железную дорогу. Рельсы снимали с Байкало-Амурской магистрали, которую до войны строили заключенные – привозили прямо клетями и укладывали. Через месяц дорогу построили – по ней пошли эшелоны с резервами и боеприпасами.

«Ельцин был малограмотным: больше в волейбол играл, чем учился…»

– После Сталина руководителя такого масштаба стране не хватало?

– Ну смотрите: при нем за полторы, ну чуть больше – за две с половиной пятилетки – создали индустрию, которая практически победила Европу. До сих пор ее разворовать не могут.

– Что вы думаете о Ельцине?

– Ну что – человек он был малограмотный, больше в волейбол играл, чем учился. В молодости залез в склад боеприпасов, утащил две гранаты, дрожащими руками пытался вставить запал, и тот взорвался. В результате оторвало два пальца – большой и указательный.

Что потом? Окончил строительный институт… Ну, напористый был – как он сам говорил, прошел все ступени. Трудился укладчиком кирпича, столяром, затем в большие начальники выбился – выбрали первым секретарем. Егор Кузьмич Лигачев ездил в Свердловск изучать, как он работает, и нашел, что этот человек достоин идти на повышение в Москву. Взяли в Политбюро, и тут вдруг выходит Антиалкогольный указ, выпивка под запрет попадает. Помню, на Дальнем Востоке, где я тогда служил, мы пили клюквенный сок, а вообще, надирался Борис Николаевич до такой степени, что ничего не соображал. Оправлялся прямо под шасси, в Берлине отобрал у дирижера палочку и давай дирижировать военным оркестром, в аэропорту «Шеннон» не вышел из самолета, хотя его возле трапа ждал ирландский премьер.

– Ну, словом, русский медведь…

– Причем неотесанный…

– О Путине вы несколько иного мнения?

– Он после Ельцина поправил Россию, добился того, что у людей начали расти доходы. Народ стал получше жить – особенно учителя, медики, военные (при Ельцине они по полгода вообще не получали зарплату, а сейчас платят им регулярно). Разумеется, каждому хотелось бы больше, но пока дают то, что есть. Вот если бы никель, который добывают в Норильске, был государственным,

и ежегодные два миллиарда прибыли шли не собственнику в карман… И не только никель! Газ – общенародная собственность, а командует отраслью кучка капиталистов… Мой внук вот окончил юрфак, устроился в нефтегазовой промышленности работать и получает больше, чем я пенсию.

– Ловлю себя постоянно на мысли, что, глядя на вас, невольно любуюсь вашей красивой формой, огромными звездами на погонах и маршальской звездой на галстуке. В ней, кстати, настоящие бриллианты?

– Самые что ни на есть. Шесть штук – в лучах и в центре.

– Раньше после смерти владельцев маршальские звезды сдавали назад государству, а как сейчас?

– По-моему, теперь оставляют семье навсегда.

– Сколько маршалов Советского Союза еще в живых?

– Четверо: Сергей Леонидович Соколов – ему 97-й год пошел, Василий Иванович Петров – он с 17-го года, Куликов Виктор Георгиевич – с 21-го и я. Больше никого не осталось…

– Вы, знаю, написали множество стихотворений, и, по-моему, было бы здорово, если бы напоследок что-нибудь прочитали…

– Наизусть я «Евгения Онегина» знаю – могу почитать, а эти стихи – собственность моей жены Эммы Евгеньевны. Строки сугубо личные, предназначены ей одной… Давайте я лучше Пушкина процитирую. (Читает).

Предвижу все, вас оскорбит
Печальной тайны объясненья.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит.
Чего хочу, с какою целью,
Открою душу вам свою,
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю…

– Ну что ж, Дмитрий Тимофеевич, благодарю вас за эту беседу. Читателям, не сомневаюсь, интересно узнать, что думает о времени и о себе человек долга, искренний и ответственный, который встал на защиту Родины в 41-м и всю оставшуюся жизнь не расставался с военной формой. Дай Бог вам здоровья и приезжайте в Украину, где у вас до сих пор осталось много

друзей…

– Спасибо, что дали высказаться старику: если не подведет здоровье – приеду к вам непременно…

Киев – Москва – Киев

«С фальсификаторами истории надо бороться…» [5]

Личность маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова известна не только каждому взрослому россиянину, но и многим людям на постсоветском пространстве, а также за его пределами. Он последний военачальник, кто в Советском Союзе удостоился этого высокого воинского звания. И он один из немногих ныне здравствующих фронтовиков в таком звании, чья судьба неразрывно связана с Великой Отечественной войной и судьбой Союза Советских Социалистических Республик.

В свои 87 лет он по-прежнему активен. Уже в 9.00 он каждый день в здании Минобороны на Арбате. Язов сейчас генеральный инспектор Службы генеральных инспекторов Минобороны РФ; председатель Комитета памяти маршала Советского Союза Георгия Жукова. О войне и сегодняшнем дне страны с Дмитрием Язовым беседует обозреватель «ПВО» Владимир Мухин.

– Дмитрий Тимофеевич, вы – фронтовик, участник Великой Отечественной войны. Какое, по вашему мнению, значение имеет наша победа в этой войне?

– За меня это сказали российские, и зарубежные историки и политики. По их единодушному мнению, главное событие XX века – Вторая мировая война. В ней, в Великой Отечественной войне, мы победили.

Это главное. Хотя американцы написали совсем другие итоги. Для них крушение Советского Союза – вот главное событие ушедшего в историю столетия. Могущественного государства больше нет. Мир стал однополярным. И им это выгодно.

– Кому конкретно выгодно?

– Тем, кто ненавидит Россию, наш народ. Тем, кто ненавидел Советский Союз. Сам Геббельс оценивал роль русских полководцев в ВОВ более высоко, чем сейчас это делают некоторые так называемые либералы. И этому им, к сожалению, кое в чем помогают американцы. Скажем, в США опубликовывали список 100 великих полководцев мира. Сталина в этом списке нет. А 14-м по счету стоит Адольф Гитлер. Какой он великий полководец, если проиграл войну? А из наших советских полководцев Конев – на 54-м месте, Жуков – на 60-м. Всех собрали – Наполеон, Александр Македонский, Чингисхан, Юлий Цезарь. А наших нет.

Чем плох Малиновский как полководец, а Рокоссовский? Кутузова нет. Александра Невского нет. Они специально унижают Россию.

– А Колчак великий полководец?

– Он вообще не полководец. Он – флотоводец. Но больше ученый. За освоение Севера Колчаку поставили памятник. А сколько он уничтожил людей в Гражданскую войну? 29 тысяч, но это уже тоже забыли. Маннергейму памятник поставили. А кто такой был Маннергейм? Он же воевал против СССР.

– А вы с фельдмаршалом Паулюсом были знакомы?

– Где я был знаком?

– Писали, что он преподавал нашим командирам.

– Ерунда это все. Мифы. Вот факт. Когда Паулюса на Нюрнбергском процессе спросили, является ли он преподавателем для офицеров в русской военной академии, тот ответил: «Если бы мне доверили готовить даже сержантов, я бы не смог сделать это, как делают русские». А кто спросил об этом, знаете? Геринг. Напишите об этом. Сидел Паулюс, как и все немецкие генералы. Сидел в Суздале. В специальном лагере для немецких пленных.

– Давайте вернемся на войну. Чем вам запомнился первый бой?

– Первого боя как такового не было. В июне 1942 года под Ленинградом заняли мы оборону в траншеях. Мы стреляем, они стреляют. Это бой или нет?

– Сколько метров от немцев траншеи были?

– Метров 200, не более. С одной стороны – болота, с другой – болота. Мы находились на станции Погостье. Это было на Волховском фронте. Туда, нас, сибиряков перебросили после того, как я в июне 1942 года окончил в Новосибирске военное училище. Там, в Погостье, была железнодорожная станция. Дорога до Ленинграда проходила, станция была как бы на возвышенности. А в болотах отдельные огневые позиции, покрытые резиновые мешками. Мы там и зимой находились. Были артиллерийские и минометные обстрелы. Реактивные немецкие минометы работали – «Коровы». По типу наших «Катюш». После таких обстрелов в августе 1942 года меня ранило. В ноябре уже вернулся в батальон. Комбат говорит: «Костю убили». Это был офицер-однокашник. Он уже командовал ротой. Иди, говорит, принимай роту. Принял роту. Всего 13 человек. А когда прибыли

на фронт, у меня только во взводе было 40 человек. А мы находились не на направлении главного удара немцев, а на второстепенном направлении. Я этой ротой командовал до марта 1943 года…

– Скажите, сколько в роте было офицеров?

– В реальности было шесть офицеров. Командир роты, три командира взвода – офицеры, замполит – офицер и замкомандира роты по строю – офицер. У нас рота была специфическая. К ней еще был придан взвод истребителей танков. Им тоже командовал офицер из ветеринаров. Во взводе было шесть собак. Мы их учили. Есть давали, когда двигатель на макете немецкого танка работал. Вот на этот двигатель и ставили еду. И собаки с удовольствием туда бежали.

– Вы говорите, во время войны было в роте шесть офицеров. А сейчас по новому облику ВС РФ – вообще непонятно. Режут офицерский корпус. Замполитов ликвидировали, взводами будут командовать сержанты?

– Да сейчас просто нет армии. Это просто фикция. Но не буду больше говорить про это.

– Но можно вопрос? В годы ВОВ за восемь месяцев готовили командиров взводов. А сейчас Минобороны организует подготовку сержантов в течение двух с половиной лет.

– Пусть хоть десять лет учат этих сержантов, толку не будет.

– Почему?

– Звания придумали не зря. Офицеры – совсем другой статус. Костяк всей армии были – офицеры. И благодаря этому, а также коммунистам и комсомольцам мы победили в ВОВ. Мы потеряли 3 миллиона коммунистов. И именно они и офицеры ковали моральный дух солдат. Ведь было время, никого в атаку не поднимешь. А вот комсомольцы, коммунисты в роты пришли, им на штык флажок и приказ: «В атаку вперед! За Родину! За Сталина!» Матом там еще и пошли.

Один так называемый ветеран недавно выступал, говорит, что ни разу не слышал, чтобы «За Родину! За Сталина!» кричали. Да он ни разу в атаку не ходил. Кричали именно так. Это была уже привычка. А еще раньше, до революции, в атаку шли «за Царя и Отечество».

– А сейчас за что и во имя каких ценностей в атаку поднимать? Мотивация к службе есть сейчас?

– Не хочу отвечать на этот вопрос. Просто не пишите про современную армию.

– Дмитрий Тимофеевич, 19 мая 2009 года президент РФ Дмитрий Медведев подписал Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Вы как фронтовик, историк, военачальник, скажите, сейчас в преддверии дня Великой Победы, насколько она выполнила свои функции? Наше общество, особенно молодежь, знает правду о Великой Отечественной войне?

– К сожалению, удовлетворения особого здесь нет. Понятие «ревизия истории», ее искажение, к сожалению, имеет место быть и в нашем российском обществе, и в мире. К России предъявляются необоснованные территориальные претензии, звучат обвинения в неправомерных действиях в прошлом, переоценивается роль некоторых исторических личностей. Последствия этого могут быть необратимыми: разжигание расовой и национальной нетерпимости, вражда между народами. По-моему, борьба с фальсификацией военной истории перестала быть задачей только историков или государства и превратилась в общую задачу всего гражданского общества.

Свои «нехорошую» лепту здесь вносят и наше телевидение, кинофильмы, СМИ. К примеру, телесериал «Штрафбат». Там все неправда. Допоказывались до того, что якобы направляли солдат без оружия в бой. Какой дурак пошлет без оружия в бой? Это же явная смерть.

– Но почему в нашем обществе, культуре это имеет место быть? Что вас особенно здесь беспокоит?

– То, что о нашей истории очень мало знает молодежь. К большому сожалению, историю сегодня преподают по учебникам, в которых, к примеру, Сталинградской битве отведено 10 строк, а блокаде Ленинграда в лучшем случае – полстраницы. Меня беспокоит то, что в школах предлагаются учебники по истории, изданные в зарубежных издательствах, искажающие историческую правду. Скажем, учебник профессора Кредера по истории для школьников, изданный на деньги американского миллиардера Сороса. Что американцы могут хорошего нашей молодежи рассказать про нашу же историю? Но заметим, что учебник раздается в школах бесплатно. А там сплошь фальсификация итогов войны. И идет явная провокация нашего общественного сознания. Скажем, в учебнике задается вопрос: «Что явилось основой победы Красной армии в ВОВ?» И

предлагаются ответы. Один из них звучит так: «Победили, так как расстреляли всех военнопленных немцев». Даже дебил в России так не ответит. А вот навязывают.

Или вот Гавриил Попов пишет, что наша «Красная армия, пока она выгоняла немцев с территории СССР, была освободительницей, как только границу перешла – стала оккупационной армией». Попов зло не любит русский народ. Он написал книгу «Я вызываю дух Власова». И что этот Власов у него делает? Сам Гавриил Попов говорит: «Если бы он сумел создать русскую освободительную армию, он захватил бы Кронштадт. В Кронштадте создал бы правительство, захватил бы Ленинград, а потом уже совершил бы революцию типа Октябрьской, захватил бы всю Россию». Зачем пишет такие глупости?

Или правозащитник Лукин. Он говорит, что в ВОВ победил народ. Никто этого не опровергает. Но народом кто-то руководил. Если отрицать роль Сталина, Жукова, то получается, что народ сам одержал победу под Москвой и взял Берлин. Значит, и французский народ, а не Наполеон, два столетия назад захватил 20 государств Европы?!

Новодворская говорит: «Если на нас нападет Китай или Вьетнам – я за то, чтобы против них воевать. А если нападет Запад, я их буду встречать с цветами. Они нам принесут культуру. Я буду их пятой колонной». Гитлер ее первую сжег бы в крематории.

– По телевидению демонстрируется много современных фильмов о ВОВ. Насколько они правдивы? Много критики идет в адрес НКВД. Штрафбаты показаны, будто благодаря им мы одержали победу.

– Фильмы ладно. Один из высоких военачальников недавно сказал, что победили мы потому, что за разведотрядами штрафные батальоны шли на острие главных ударов наших войск. Но это же чистая ложь. Всего через штрафные батальоны за всю войну прошло 450.000 человек. Немного, если сравнить, что наша армия насчитывала в годы ВОВ 7.000.000 солдат, младших командиров и офицеров. Поэтому говорить о том, что Красная армия победила за счет штрафбатов, это неправильно. Победил наш тогдашний общественный строй, наш государственный строй, победил народ. Армия пользовалась тем, что народ выполнил свой долг перед всем человечеством.

– Много разговоров идет о приказе Сталина «Ни шагу назад!». Что здесь выдумки и что реальность?

– Вспомним хронику войны. После битвы под Москвой, в 1942

году, мы терпели поражение за поражением, наши войска отступали, где-то отступали под напором немцев, а где-то просто бежали. Даже уступили часть территории на Дону. Тогда Сталин издал приказ № 227. Заградотрядам в нем посвящен лишь один абзац: «Военным советам армий и прежде всего командующим армиями б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной»

Как видим, формирование отрядов возлагалось на военные советы и командиров, то есть на армейские органы управления, а НКВД, представленный в прифронтовой полосе начальником войск по охране тыла, здесь вовсе не упоминается. Далее, расстреливать требовалось только «в случае паники и беспорядочного отхода», да и то лишь «паникеров и трусов». Там не было указаний производить массовые расстрелы.

Кстати, Сталин, когда издавал этот приказ, вспомнил, что немцы, отступая от Москвы, когда они были разбиты под Москвой, именно они создали специальные заградительные отряды и штрафные батальоны. Это не Сталин придумал, а Гитлер. Но Сталин делал то, чтобы навести порядок, организованность и дисциплину, приказал каждому фронту создать по одному, два, а, может быть, и три заградительных отряда, для того чтобы те, кто скомпрометировал себя, направлялись в штрафной батальон.

На фронтах штрафные батальоны были созданы только для офицерского состава, командовали этими батальонами кадровые офицеры, а не штрафники. В армиях созданы были штрафные роты, командовали также кадровые офицеры, а не штрафники. По мере успехов Красной армии, когда под Сталинградом наши войска окружили более 400-тысячную армию, перешли в наступление. Дальше практически отпала необходимость иметь во всех фронтах заградительные отряды и штрафные батальоны. К концу войны у нас был только один штрафной батальон и один заградительный отряд. После Курской битвы оставалось восемь заградительных отрядов, а потом они тоже исчезли в связи с успешным наступлением Красной армии.

А что же Гитлер? Когда советские войска зашли в Восточную Пруссию, в Польшу, Гитлер издал такой приказ, что не просто этого солдата, который струсил или хотел убежать, расстреливали, но и подвергали наказанию всю семью. Семью отправляли на каторгу или в лагеря. Вот вам два сравнения. А,

между прочим, Сталин в приказе написал: «Не оскорблять человеческое достоинство русского солдата». Провинился – расстреляй, но не называй его не по его имени.

90-летний ветеран Шаймухан Муханов и Дмитрий Язов (Астана)

– Почему у нас к могилам фронтовиков не совсем хорошее отношение? Много безымянных могил. Государство почему-то об этом не заботится.

– Не знаю, вопрос не ко мне. Надо вспомнить о погибших фронтовиках, увековечить их. Я считаю, что за границей в некоторых странах ухаживают за нашими могилами и памятниками фронтовиков лучше, чем у нас, в России. Я в свое время командовал войсками в тогдашней Чехословакии, в Центральной группе войск в Миловице. Могилы там наших солдат остались еще с Первой мировой войны. Ни одного столбика не нарушили, и они ухаживают…

– Опыт ВОВ можно ли использовать в нынешних условиях?

– Будущая война не будет повторением ВОВ. Нужно готовиться и к электронной, и к информационной войне. Сейчас никто не хочет воевать, но иметь хочет каждый. А поскольку иметь им неоткуда остаются наши Сибирь и Дальний Восток где два человека приходится на 1 кв. км. Вот они и добиваются, чтобы мы «делились». Они добились падения СССР. Теперь добиваются падения РФ…

Мы – русские, мы все выдюжим… [6]

Он родился в Сибири, в Омской области. В деревне, которую основали жители по фамилии Язовы. И деревня называется Язово. Тимофей Яковлевич умер рано, в 1934-м, когда Диме не исполнилось и десяти. На руках у матери – Марии Федосеевны – осталось четверо детей. А вскоре судьба безжалостно распорядилась жизнью и сестры матери. В семье вдовца Федора Никитича Язова осталось тоже четверо ребятишек. И родилась в Язове новая многодетная семья. Было в ней восемь детских ртов. К началу войны прибавилось еще два…

Первым из семьи ушел на войну отчим Федор Никитич. Вторым – он, Дмитрий.

– Сразу на войну не попал, хотя очень торопился успеть на нее. Все мы, окончившие в июне кто девять, кто десять классов, бросились обивать пороги военкоматов. В Москве, Ленинграде, других городах Европейской части страны можно было записаться в народное ополчение. В Сибири до ополчения дело не дошло. В военкомате заявили: «Хотим на фронт. Отправляйте, иначе не успеем, война без нас кончится». В военкомате люди были не столь наивные. «Без вас не кончится, хватит и на вас фронта», – отвечали военные. – «Растите да учитесь, фронту нужны бойцы, а не пушечное мясо».

Ему не было и семнадцати, о каком фронте могла идти речь. Но когда 8 ноября сорок первого стукнуло семнадцать, он, прибавив себе год жизни, явился в военкомат и не попросил – потребовал отправить в Московское пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. Оно тогда было эвакуировано в Новосибирск.

– Паспортов в сельской местности тогда не было. Метрику никто не спросил. Справку из сельсовета предъявил, такой документ достать было проще пареной репы. Так что 28 ноября сорок первого я уже был кремлевским курсантом, принял военную присягу. А после разгрома немцев под Москвой училище возвратилось в столицу, в свои казармы. Фашисты все еще бомбили Москву, и курсантам пришлось немало потрудиться при ликвидации последствий бомбежек. Учились, работали, готовились к первомайскому параду на Красной площади и к выпускным экзаменам. Парада в 42-м не было. А марш-бросков, стрельб, тактических занятий – и дневных и ночных – было вдосталь. Готовили, из нас не «пушечное мясо»… командиров. По

шоссе Энтузиастов, за село Ивановское – теперь-то это городской район – еще километров двадцать с оружием, с полной выкладкой на стрельбище то ускоренным шагом, то бегом. Худенький был, силенок маловато, однако тянулся, от других не отставал. Учебу закончил успешно, в числе отличников.

– И отправился лейтенант Дмитрий Язов на фронт… Запомнился первый фронтовой день?

– Случилось так, что прибыли мы, лейтенанты на Северо-Западный фронт, в 54-ю армию, 27 июля 1942 года. А в этот день был объявлен знаменитый приказ № 227 Верховного главнокомандующего, известный под названием «ни шагу назад».

В дивизии, куда меня назначили, – построение. Перед строем был объявлен приговор военного трибунала о расстреле за трусость командира артиллерийского взвода. В разгар боя, когда фашистские танки пошли на позиции взвода, командир струсил и бежал в тыл, бросив своих артиллеристов. К чести их, они не дрогнули, отбили и эту атаку фашистов. А младший лейтенант Степанов по приговору трибунала был расстрелян перед строем своих бывших однополчан. Такой была первая встреча с фронтом.

– Северо-Западному фронту была посвящена известная и поныне песня композитора Матвея Блантера на стихи Михаила Матусовского «Наша военная молодость – Северо-Западный фронт».

– Как же, мои однополчане знают и любят эту песню, называют ее фронтовым гимном. Позже, как известно, было образовано два фронта – Ленинградский и Волховский. Я воевал на Волховском. Активной обороной войска фронта изматывали врага. Когда пал Севастополь, из Крыма под Ленинград была переброшена армия Манштейна. Бои у нас были жестокие, кровопролитные.

28 августа Дмитрий был ранен. Вернулся в свой полк, в свою роту. Вскоре был убит ротный, и Дмитрий похоронил его на сельском кладбище, рядом с могилой, где уже, как оказалось, лежал его погибший в бою отчим.

– Сейчас иные «умники» говорят, что зря наши два фронта провели операцию «Искра». Положили, мол, много бойцов. Но о том, что в результате этой операции буквально растворилась фашистская армия, «умники» помалкивают. Не взяли фашисты Ленинград, не уничтожили войска наших двух фронтов, ни других задач хваленые гитлеровские генералы решить не сумели. А значит, если они не решили, то мы свои задачи решили. Да, не

сумели еще прорвать блокаду, но измолотить армию Манштейна, другие соединения врага смогли. А главное – Гитлер не снял из-под Ленинграда, как планировалось в Берлине, ни одной части, не бросил ее под Москву.

– Нынче «умников», о которых вы говорили, развелось невидимое множество. Сейчас те, кто воевал, больше помалкивают, да им и слова не дают. Говорят о войне другие, кто, выполняя чужой заказ, все ставит с ног на голову. Клевещет на нашу армию, ее полководцев, на страну, на великую победу.

– Некоторые договорились до того, что не Гитлер, а мы, Советский Союз, Сталин развязали войну. И что если мы и победили, то только потому, что завалили немцев трупами своих солдат. И ведь эти клеветнические мыслишки лезут на страницы школьных учебников, молодежных изданий. Делается все для того, чтобы извратить наше героическое прошлое, воспитать к нему у подрастающего поколения неприязнь, отвращение.

– Сейчас почти нигде не говорится, как Гитлер готовился к войне с Советским Союзом. До войны каждый школьник знал, кто наш враг, кто готовился уничтожить страну социализма. Впрочем, фашисты этого и не скрывали. И хотя Гитлер считал войну с Россией легкой прогулкой на Восток, фашисты к ней готовились основательно.

Ну, конечно, промышленность почти всей Европы, оккупированной фашистами, работала на войну. Не один Гитлер был у руля планирования и развязывания войны. Весь цвет немецкой военщины – Браухич, Гальдер, Гудериан, Клюге и другие генералы – были причастны к военной авантюре.

Вот сейчас говорят: Сталин, мол, не знал о планах фашистов, проспал нападение врага. Глупость! Он хотел – и это правда истории – любыми способами, любыми средствами оттянуть начало войны. И договор о ненападении был заключен для этой цели.

Сейчас многие критики нашей советской истории, прислужники нынешнего режима утверждают, что индустриализация, коллективизация сельского хозяйства были грубыми ошибками тогдашнего руководства партии и страны.

Без индустриализации и коллективизации мы бы не победили в войне. Помню сорок четвертый год. Освободили Украину, Белоруссию. Там начали работать колхозы и совхозы. Из российской глубинки, из Сибири на освобожденные земли братских республик потянулись гурты скота. Мой двоюродный брательник из Омской области в Киевскую пригнал стадо коров. И сам остался там, живет и сейчас в Киеве. Да не будь у нас

коллективного хозяйства, разве подняли бы из руин братьев – украинцев и белорусов!

– Теперь против коллективного владения землей ополчились многие политиканы. Подавай им частную собственность, свободную продажу нашего главного богатства – земли. Частная собственность в Америке, говорят, творит чудеса. Там она, утверждают, обеспечила людям райскую жизнь… Каким людям? Но почему-то забывают, что Америка ограбила и продолжает грабить весь мир.

– Действительно, апологеты частной собственности взяли за эталон США. Но в мире многие страны живут при капиталистическом строе, при рынке. Но что-то не так много среди них Америк, Англии, Японии. Большинство – нищих, ограбленных стран. Россия не будет Америкой, да США и не позволят ей быть такой.

Добившись расчленения СССР, США делают все, чтобы расчленить и Россию. Они не позволят ей быть сильной. Снова хочу вернуться к войне. Перед ее началом Советский Союз произвел Т-34) «Катюшу», ИЛ-2. Помню, когда пленного немецкого солдата спросили, почему в войне побеждает не Германия, а Советский Союз тот ответил: «У вас есть советский зольдат, «Катюша», «Летающая крепость ильюшин-цвай, танк Т-34 и Жюков». Из пяти факторов немец назвал два человеческих и три технических.

Так вот, технические факторы родились перед самым началом войны.

– Все эти и другие факторы были в центре внимания руководства страной и в предвоенные, и в военные годы.

– Несомненно. Хочется особо подчеркнуть, что в первые же месяцы войны пришлось почти всю промышленность из западных районов перемещать на восток. 80 процентов оборонного потенциала было в западных районах, в Москве, в Ленинграде. Какая тяжелая выпала работа на плечи народа. На плечи руководителей страны.

Как военный человек я отдаю предпочтение военному гению, полководческому искусству. Жуков, Конев, Рокоссовский, Василевский, Малиновский… Они планировали военные операции. Но разве можно было их осуществить без той мощи, которую поставляла фронту страна? Без танков, самолетов, боеприпасов… Молотову было поручено отвечать за производство танков, Маленкову – самолетов и т. д. Но главным отвечающим был Сталин. Однажды он спрашивает у Молотова: «Вячеслав,

через сколько минут выходит один танк из заводского корпуса в Нижнем Тагиле?» «Через 20 минут, Коба». «Очень хорошо, Вячеслав. Но нельзя ли, чтобы танк выходил через 15 минут?» Оказалось можно и через 15. Каждый час – четыре танка. Каждые два часа – танковая рота. За сутки – танковая бригада!

– Трудовой подвиг народа в годы войны невозможно переоценить. Не зря наш классик оставил такие строки: «Из одного металла льют – медаль за бой, медаль за труд».

– Жуков и Василевский – великие полководцы. Умы, таланты, гении. Но за ними же стояли танки, техника, надо было поставить к станции Калач под Сталинград 5 танковых корпусов – их поставили. Тяжело было в городе: фашисты перерезали железную дорогу. Построили в кратчайшие сроки двухсоткилометровую магистраль вдоль Волги. Рельсы привезли с БАМа! Вот уж поистине мы – русские, мы все выдюжим… Как можно умалять подвиг народа в войне! Как можно искажать историю! Бесстыдство это. «Совки». «Совковая интеллигенция». Только враги нации, готовые прислужничать зарубежным хозяевам, способны лгать, предавать и продавать Отечество, его интересы.

– А как вы, Дмитрий Тимофеевич, оцениваете нынешнюю обстановку в стране, когда ни шахтерам, ни ученым, ни военным не платят своевременно за труд? Когда промышленность и сельское хозяйство никак не могут выйти из разрухи…

– Денег нет? А куда они уходят? Туда, откуда привозят в Россию тампаксы и колбасу, кроссовки и телевизоры… Пока не поднимем свою промышленность, свое сельхозпроизводство, будем жить взаймы. Неужто наша оборонка, способная создать ракету «Тополь-М», самолеты Су, Миги, Илы, не в состоянии сделать кофемолку или соковыжималку? Но наши рынки захватили чужеземцы, и они из этой удавки постараются нас не выпустить. Индия недавно заключила с нами сделку о покупке самолетов-истребителей. Эвон, какой вселенский шум подняли американцы!

– Вспоминаю, товарищ Маршал Советского Союза, как вместе с вами был на приемке авианосца «Адмирал флота Советского Союза Николай Кузнецов». Все до последней заклепки сделано нашими корабелами. Какой чудо-корабль сотворили!

– И «Варяг» был бы не хуже. Но Союз развалили, оборонку положили на бок, не сумели построить корабль. Продали. Под гостиницу продали. Боевой, на 90 процентов построенный суперавианосец. Украине одной было не поднять. Как, впрочем, и

одной России многое нынче не под силу. В Союзе же была кооперация производства. Все пошло прахом.

– Вы-то, Дмитрий Тимофеевич, Союз знали не понаслышке. Весь его исколесили…

– Жить и служить посчастливилось в трех десятках гарнизонов. В Сибирском, Московском, Ленинградском, Одесском, Закавказском, Среднеазиатском. Забайкальском, Дальневосточном военных округах прошел службу от взводного командира и до командующего войсками округа.

– Не могу не спросить – не собираетесь ли сесть за письменный стол, чтобы поделиться с читателем мыслями о прошлом и пережитом?

– Написал книгу. Обещают в ближайшее время издать. Но где взять деньги на издание? В августовском номере «Нашего современника», кажется, начнут печатать главы из книги. О чем книга? Начинаю ее с августа девяносто первого. Меня и моих товарищей арестовали. Первый допрос ночью в Солнечногорске. Там я когда-то вместе с товарищами-курсантами штурмовал на полигоне основы тактического мастерства. Из Солнечногорска на трое суток в тюрьму в Кашин…

Сидели там в монастырской келье. Точнее сказать, в камере… В одиночке не сидел. И там, и потом в Матросской Тишине всегда были сокамерники. Один или два. Относились ко мне в местах заключения, грех жаловаться, хорошо.

– Не виделись потом с сокамерниками? Писем, звонков от них не было?

– Не было. Понимаю, заключенными они не были. Обычная подсадка. В тюрьме много читал. Писал стихи.

– Может, что-нибудь опубликуем в «Правде».

– Нет. Стихи – собственность Эммы Евгеньевны, моей супруги. Строки, сугубо личные, предназначались ей одной. Любовь к стихам у меня от матери. Неграмотная женщина, никогда не читавшая Пушкина, она, тем не менее, знала много его стихотворений. Часто любила повторять: «Культура, сынок, не образование, а слиток знания и поведения». Мудрая была женщина.

– Когда-то, будучи министром обороны Союза, вы подарили «Правде» глобус. Точно такой, какой был в кабинете генералиссимуса.

– Как же, Хрущев, увидев глобус в кабинете Сталина, выражаясь словами Маяковского, своим «умишком хилым» ничего лучшего не придумал, как оповестить, что Верховный руководил фронтами по глобусу. Он хотел унизить Сталина. Многие старались это сделать. Черчилль вопреки Сталину носился в свое время с планом открытия второго фронта в Европе на юге континента. Чтобы через Грецию, через Балканы, через Италию двигаться на Берлин. Зачем? Знал, старый лис, что, если на Балканы придет Красная Армия, там будут иные, чем задумывал Черчилль, порядки.

– Вышло не по Черчиллю. Вышло по Сталину…

– Но спустя десятилетия пришел в Кремль Горбачев, и все, что было завоевано, что было сделано, полетело вверх тормашками, и Запад добился своего очень быстро, без использования силы… Горбачева быстро приметили и отметили высокими денежными премиями. Мирового звучания. За то, что сдавал партию, сдавал социалистическое государство этот лучший немец года…

Он ведь и Афанасьева от «Правды» отстранил. Подкинул вам своего верного оруженосца Фролова Ивана…

– Он вам не звонит, Горбачев?

– Да Боже избавь!

«Нельзя отрывать Сталина от нашей общей победы»[7]

А союзники все тянули…

Нахожусь под глубочайшим впечатлением от беседы с последним Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза фронтовиком Дмитрием Тимофеевичем Язовым. 88 лет, а какая светлая голова! Так и сыплет именами военачальников, датами, цифрами, названиями фронтов…

– Дмитрий Тимофеевич, чем дальше от нас День Победы, тем больше осознаешь его величие. Но мы – дети послевоенного времени. А каким этот день сегодня видится вам – фронтовику, который своим ратным трудом приближал эту Победу?

– Пройдут многие десятки лет и даже столетия, но день Победы никогда не изгладится из памяти нашего народа. И не только нашего, но и народов всего мира. Ведь не было в XX-м веке более сильного противостояния, чем противостояние гитлеровской Германии с СССР и странами, которые не хотели этой войны. Как не было более сильного милитаризованного государства, чем фашистская Германия, на которую работала вся порабощенная Европа.

А всю тяжесть борьбы с фашизмом во Второй мировой войне взяли на себя Советский Союз и весь советский народ.

Мы не забываем и о вкладе союзников. Но, говоря о создании коалиции антигитлеровских государств, надо всегда иметь в виду, что США и Англия тянули с ее созданием до последнего. При этом важно, что в 1941 году тогда еще сенатор, а потом американский президент Гарри Трумэн говорил: «Мы так должны смотреть на войну. Если будут побеждать немцы – стоит помогать русским. Если будут побеждать русские – помогать немцам. И пусть они убивают друг друга как можно больше, а потом мы продиктуем им свои условия».

Так что до битвы под Москвой практически никакой помощи от этих стран мы не получали – одни заверения в дружбе. И только после битвы под Москвой, когда группа армии «Центр» была разгромлена, они поняли, что дело идет к победе Красной Армии, и ей надо помогать.

Еще осенью 1941 года в Москву поступило предложение собрать конференцию трех государств для обсуждения планов

общей борьбы с Германией – чего мы хотим добиться? Но Сталин не согласился и не случайно…

А вот когда состоялась Сталинградская битва, и всему миру стало ясно, что немцы теперь будут только отступать, и когда они были разгромлены на Курской дуге и произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне – вот тогда товарищ Сталин согласился на проведение такой конференции. И она состоялась в Тегеране в 1943 году.

Почему Сталин раньше не пошел на проведение такой конференции? Потому что сразу понял: задача будущих «союзников» не в том, чтобы победить фашизм, потому что мы бы и без них его разбили, а в том, чтобы заранее продиктовать Советскому Союзу свою волю и свое видение послевоенного устройства в Европе.

Когда с нашей стороны ставился вопрос об открытии «второго фронта», то американцы и англичане все время тянули. Обещали открыть в 42-м году – не открыли, обещали в 43-м – опять обманули. А открыли только – знаете, когда? 6 июня 1944 года.

Так кто же поделил Германию?

– Это уже когда немцев вовсю гнали с территории Советского Союза и начинали освобождение Европы… А в чем было значение Тегеранской конференции?

– Американцев и англичан тогда волновало два вопроса: сколько мы еще без их помощи можем бороться с фашизмом? И второе – сможем ли мы помочь разгромить Японию, которая находилась в состоянии войны с Соединенным Штатами? Что касается «второго фронта», то Черчилль предлагать открыть его на южном театре военных действий – в Африке, Италии и так далее. То есть захватить как можно больше стран Европы, чтобы поставить их под свой контроль.

Но Сталин сказал: так не пойдет. Такое открытие «второго фронта» никак не может повлиять на ход борьбы с Германией. И с помощью Рузвельта настоял, в конце концов, на открытии «второго фронта» в Европе. Хотя и не возражал против высадки союзнических войск в Италии, Испании и других странах. Но главное – уничтожить фашизм.

Принципы совместной борьбы с фашизмом и послевоенного устройства в Европе были закреплены потом на Ялтинской конференции. Здесь, кроме возврата Советскому Союзу Южно-Курильских островов, был поставлен вопрос о будущем Германии. Мы настаивали на том, что она должна быть единым,

демократическим государством, а союзники выступали за ее раздел на части. Предполагалось, что и Берлин будет разделен и станет управляться четырьмя государствами…

– А смысл этого раздела в чем?

– Чтобы не допустить освобождения Красной Армией всей Германии, зацепиться на ее землях и противостоять СССР. Тогда же было обусловлено, что нашей стране отойдет Кенигсберг, нынешний Калининград, чтобы никогда больше Германия со своей территории напрямую не угрожала нашей стране. Но окончательно «раздел мира» был определен уже после войны на Потсдамской Конференции.

К этому времени Рузвельт умер, и его место занял Трумэн. Здесь было подтверждено, что СССР вступает в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции Германии.

Сейчас некоторые «историки» говорят: мол, когда Трумэн сказал, что у США есть атомная бомба, Сталин никак не прореагировал, потому что еще не понял, какое это страшное оружие. Да он сделал вид, что не придал значения, а на самом деле тут же дал задание министру иностранных дел Молотову поручить Курчатову ускорить работы по созданию своей атомной бомбы.

А сам спокойно ответил: что одной бомбой вопросы мирового уровня не решаются и атомное оружие, скорее всего, или будет запрещено или человечество погибнет.

Подводя итог, можно сказать, что Сталин был выдающимся дипломатом и жестким переговорщиком. Это признавали все. И в Тегеране, и в Ялте, и в Потсдаме на 1-м месте был он. Черчилль говорил: «Когда входил Сталин, мы все вставали и держали руки по швам. Даже Рузвельт, прикованный к креслу подагрой, и тот вставал».

Отповедь клеветникам

– Дмитрий Тимофеевич, как сказал один читатель, величие фигуры Сталина таково, что он в нашей защите не нуждается. И все же чтобы вы могли сказать тем «историкам» и даже политикам, которые выдают перлы вроде «Наш народ победил не благодаря, а вопреки Сталину»?

– Знаем мы таких «правдолюбцев», которые накануне Дня Победы вылезают из всех щелей. За последние годы я не раз уже высказывался на эту тему. Могу лишь напомнить: как руководитель Советского государства, председатель Совнаркома,

нарком обороны, Генеральный секретарь Коммунистической партии и Верховный главнокомандующий, Сталин держал в голове все и отвечал за все. За выпуск военной техники и поставку ее на фронт, за подготовку военных и гражданских специалистов, за организацию работы тыла – в общем, руководил всей военной, политической и хозяйственной деятельностью Советского Союза. Отрывать Сталина от нашей Великой Победы – это значит просто злобствовать на нее.

Иногда искусственно противопоставляют генералиссимуса Сталина и маршала Жукова. Мол, тот в военном искусстве превосходил самого Верховного главнокомандующего. Чепуха это все. Командующий армией или фронтом получал приказ Ставки Верховного главнокомандующего, руководил операцией, боем, и для этого получал необходимое количество войск, техники, боеприпасов и других средств. Все это давали труженики тыла, давала страна, а в ней единоначальником был Сталин.

Тост за русский народ

– За 68 с лишним лет немало написано об истоках победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Давайте напомним об этом.

– Ответ на этот вопрос прозвучал 24 июня 1945 года на торжественном приеме в Москве, посвященном окончанию Великой Отечественной войны. Здесь, говоря о причинах победы Советского Союза, Иосиф Виссарионович Сталин сказал так: «Это наш государственный, наш общественный строй и наша Красная Армия». Государственный строй обеспечил всем народам СССР равные права и возможности, а главное – право защищать свою Родину.

Советский общественный строй показал свое превосходство над фашистской Германией, на которую работала вся оккупированная Европа. В 1943–44 годах на военную машину Гитлера работало 32 миллиона человек. В СССР в тылу было занято почти вдвое меньше – 18 миллионов.

В первые месяцы фашистского нашествия советский строй позволил поставить под ружье 34 миллиона человек, быстро перевел экономику страны на военный лад, сумел накормить и воюющую армию, и мирное население. Несмотря на колоссальные трудности, хлеб в войну, хоть и выдавался по карточкам, но цены на него не поднимали. Почему же у нас во время экономического подъема и «нефтяного изобилия» дорожают продукты? За нынешним ростом цен и жилищных тарифов людям просто не

угнаться.

А кто тогда стоял в тылу у станков? В основном старики, женщины и дети. И, тем не менее, мы выпустили танков и самолетов больше, чем вся захваченная немцами Европа, работавшая на гитлеровскую Германию. Вот вам советский общественный строй. Ну, и конечно, непобедимый дух советского народа. У русских давние счеты с немцами. Александр Невский бил псов-рыцарей Тевтонского ордена, великий русский полководец Суворов дошел до Берлина, а в Первую мировую наши солдаты отбивали нашествие германского кайзера.

Приведу цифры, которые сегодня не афишируются. За годы войны при численности РСФСР чуть более 110 миллионов человек на службу в Вооруженные силы и восполнение потерь призвали почти 22 миллиона, то есть почти 20 % населения. На долю России пришлось и наибольшее число мобилизованных солдат и офицеров, молодых призывников, невоеннообязанных женщин и граждан свыше 50 лет. То есть 63,2 % от общего числа призванных во всех союзных республиках.

О чем это говорит? Да только том, что именно русский народ вынес на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны. Не случайно на том торжественном приеме 24 июня генералиссимус Сталин произнес тост за русский народ.

– Дмитрий Тимофеевич, что бы вы хотели пожелать фронтовикам, всем нам в светлый День Победы?

– Нас, участников той великой и горькой войны, осталось примерно полмиллиона. И число их тает с каждым днем. Прежде всего, хотел бы пожелать всем фронтовикам и труженикам тыла здоровья, благополучия, мужественного отношения к выпадающим на их долю трудностям. Что касается молодежи, хотел бы посоветовать ей лучше знать свою страну, ее героическую историю.

Не должно быть так, чтобы 70 с лишним лет Советской власти навсегда были вытравлены из сознания нашего народа. Только зная прошлое, можно осознанно выбирать свое будущее.

«Не нам краснеть за попранные флаги» [8]

Биография этого человека – офицера, генерала, маршала – наполнена таким рядом остросюжетных и драматических сцен, что их с лихвой хватило бы на целую серию захватывающих произведений, достойных пера самых именитых мастеров литературного цеха. За спиной последнего министра обороны СССР маршала Дмитрия Тимофеевича Язова – суровые испытания войной, славой, властью и предательством. Он один из тех немногих наших современников, кому еще при жизни суждено было стать историей.

– Дмитрий Тимофеевич, не так давно вы отметили свой очередной юбилей. Возраст и опыт позволяют вам окинуть взглядом пройденный путь, задуматься над свершенным, оценить достигнутое. Ни о чем не жалеете?

– Вы задали очень непростой вопрос. Мы, представители старшего поколения, все прошедшие годы, десятилетия жили не вслепую, как многие сейчас хотят представить. У нас были руководящие идеи, вера в социалистическую справедливость и завтрашний день. Вместе с миллионами других советских людей я оставался верным этой линии до конца. Моя вера окрепла после победы над фашистской Германией, когда наш народ смог выстоять и разгромить столь серьезного противника. Пора посмотреть правде в глаза: Советский Союз воевал практически со всей Европой, и именно социалистическая система, существовавший на тот момент государственный строй позволили в кратчайшие сроки сконцентрировать все силы и средства для этой победы. О чем я могу жалеть, оглядываясь назад? Только о том, что в одночасье разрушенным оказалось все, во что верили десятки поколений наших соотечественников, ради чего мы трудились и сражались, жили и умирали.

– Насколько мне известно, министром обороны СССР в мае 1987 г. вас назначили при довольно необычных обстоятельствах.

– Один уважаемый человек сказал как-то в интервью, что своим министерским креслом я будто бы обязан Раисе Максимовне Горбачевой. Дескать, больно уж ей мои стихи нравились. А если говорить серьезно, то политическая подоплека моего назначения, скорее всего, состояла в том, что до этого я не работал в центральном аппарате и был абсолютно не искушен в

дворцовых интригах. За годы службы я успел побывать фактически во всех уголках Союза, а вот в высоких московских кабинетах оказался только после назначения на должность заместителя министра обороны по кадрам – начальника Главного управления кадров ВС СССР. В этом статусе успел прослужить всего три месяца.

А потом разразился знаменитый скандал: гражданин ФРГ Матиас Руст, беспрепятственно преодолев всем системы ПВО, посадил свой легкий самолет на Красную площадь. Сейчас, анализируя события почти двадцатилетней давности, прихожу к неутешительному выводу, что весь этот спектакль был заранее срежиссирован. Преследовалась, скорее всего, вполне конкретная цель: сместить с занимаемых постов верхушку военного ведомства страны, перетасовать старую, по мнению дорвавшихся до власти псевдореформаторов, генеральско-маршальскую колоду.

На созванном по следам чрезвычайного происшествия расширенном заседании Политбюро я присутствовал. Вышедшего докладывать заместителя министра обороны Лушева Михаил Горбачев прервал в свойственной ему грубой манере: «Хватит болтать…». Он не дал буквально раскрыть рта ни главнокомандующему войсками ПВО Колдунову, ни командующему Московским округом ПВО Константинову. Затем Горбачев посмотрел в сторону министра обороны СССР Маршала Советского Союза Соколова: «Сергей Леонидович, вам тоже нужно определиться». Кстати, в те часы, когда самолет Руста приземлился на Васильевском спуске, Соколов вместе с Горбачевым и Рыжковым находились на консультативном совещании в Берлине.

После этого члены Политбюро удалились на закрытое заседание в Ореховую комнату. Минут через 20 меня попросили зайти. Горбачев обратился ко мне: «Мы решили назначить вас министром обороны. Как вы на это смотрите?» Я пытался возразить, что в центральном аппарате работаю всего-навсего три месяца, и многого еще просто не знаю: к примеру, систему заказа вооружений, систему финансирования, многие другие специфические вопросы, касающиеся военного ведомства. Генсек сострил: «Мы тебе целые сутки дадим на вхождение в должность». Все засмеялись, а я мельком взглянул на присутствовавшего здесь же Маршала Соколова. Тот кивнул головой: мол, соглашайся. Не дожидаясь моего ответа, Горбачев тут же поручил Зайкову и Лукьянову в 16 часов представить меня коллегии министерства обороны. «Давай, рули», – сказал он, уже обращаясь ко мне. На этом наш разговор был окончен. 1 июня 1987 г. я вступил в

должность министра обороны СССР.

– «Не дай Бог жить в эпоху перемен» – гласит китайская мудрость. Вы возглавили военное ведомство величайшей державы мира именно в такое, зыбкое и невнятное время. Когда лично вы это почувствовали?

– Генеральный секретарь, а потом и Президент Горбачев без устали твердил о «социализме с человеческим лицом», об «ускорении социально-экономического развития». Мне, как, наверное, и миллионам советских граждан, казалось тогда, что за этой красивой риторикой кроется мечта о лучшей жизни для простого народа. Но время показало обратное. Еще в декабре 1985 г., Александр Яковлев тезисно изложил задачи предстоящей перестройки: среди прочего там фигурировали «частная собственность как субъект свободы», «рыночная экономика» и т. п. Все эти шаги сводились к демонтажу общественно-политического строя.

С программой, положенной в основу предстоящих преобразований, был ознакомлен Горбачев и близкие друзья. Никто больше о ее существовании не догадывался. Руководство страны на том этапе допустило великое множество ошибок, граничащих с преступлениями. Сам Яковлев в своей книге «Горькая чаша» пишет, что говорить вслух об истинной цели перестройки было бы просто наказуемой глупостью, поэтому приходилось притворяться и разыгрывать из себя дурачка. На выходе же мы получили разрушенное хозяйство, безоглядную и непродуманную передачу народного достояния в частные руки, за бесценок ушедшие с молотка промышленные гиганты.

К 1991 г. обстановка в государстве накалилась до такой степени, что Горбачеву на Съезде народных депутатов прямо заявляли: Михаил Сергеевич, уходите, вы разваливаете страну. На всесоюзном референдуме, проведенном 17 марта 1991 г., более 76 % населения СССР проголосовали за сохранение единого советского государства. Но Президент Горбачев, не обращая внимания на волеизъявление народа, собрал сепаратистов из числа первых секретарей, сформировал по национальному признаку Политбюро, и начал разрабатывать так называемый союзный договор, провозглашающий Союз суверенных государств.

Именно тогда я окончательно понял, что дело идет к развалу страны, и вместо сильной державы нам предлагают хиленькую конфедерацию республик во главе с самостийными президентами. На заседаниях Политбюро постоянно задавал вопрос: что же будет с вооруженными силами? «Мы знаем, что делаем. Армия будет одна на всех», – отвечали мне авторы

договора. Единая армия будет защищать интересы суверенных государств? Но это же нонсенс, откровенная чепуха.

– Михаила Горбачева вы знали достаточно близко. Что можете сказать о нем как о человеке, политике?

– Действительно, Горбачева, как мне казалось, я знал неплохо. Первое время после избрания Генеральным секретарем он вел себя вполне адекватно. Но уже начиная с 1988 г., когда был подписан советско-американский Договор о сокращении ракет меньшей и средней дальности, стало очевидно: Горбачев идет на колоссальные уступки Западу. Неприемлемым было даже не то, что мы сокращали больше ракет, чем американцы, а абсолютно неравнозначное количество наблюдателей. Посудите сами: американцы имели право вести наблюдение за каждой позицией наших ракет, и таких точек насчитывалось более ста, тогда как советские наблюдатели были допущены лишь на два американских объекта. Затем на смену разговорам о развитии отечественной экономики, повышении уровня жизни пришли частые и весьма продолжительные поезди генсека по миру. Сегодня Великобритания, завтра – Франция и Германия, послезавтра Италия… Горбачев очень много времени проводил за границей. Нужно ли это было на тот момент государству, народу? Лично я считаю, что нет.

– По вашему мнению, достаточно ли ясно первый и последний президент Советского Союза понимал, что происходит со страной?

– Мое глубокое убеждение: Горбачев полностью отдавал себе отчет в происходящем, просто на момент прихода к руководству партией, государством он был незрелой личностью. Ситуация в Политбюро складывалась таким образом, что все его члены старели примерно одновременно. И когда умер Черненко, Горбачев оказался самым молодым в обойме. За спиной у Политбюро они с Громыко заключили своеобразную обоюдовыгодную сделку: Громыко предлагал его кандидатуру на пост Генерального секретаря, а Горбачев, в случае успеха, обещал Громыко должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Именно об этом эпизоде рассказывает в своей книге «Омут памяти» Александр Яковлев. Как это называть? На мой взгляд, то был самый настоящий заговор. К мнению Андрея Андреевича Громыко, лидера «старой гвардии», коллеги по партии, как известно, прислушались.

– Необратимые процессы конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века в союзных республиках напоминали стихийное

бедствие. И представители национальных политических элит во всех этих кровавых событиях играли далеко не последние роли.

– Естественно. Эдуард Шеварднадзе вообще был одним из наиболее активных участников развала СССР. Ему, вместе с Яковлевым и Горбачевым, суждено было стать не только прорабами перестройки, но и могильщиками великой державы. Вскоре после 8 декабря 1991 г., когда с флагштока Кремля спустили советский флаг и подняли флаг Российской Федерации, Шеварднадзе откровенно заявил: «В этом историческом подъеме флага России над Кремлем есть и моя доля участия. Все прогнило. Надо менять. Я действительно сказал эти слова Горбачеву зимним пицундским вечером 1984 г. и не отрекусь от этих слов и сегодня».

Под грохот канонады незатухавшего межнационального конфликта рвался к власти в соседнем Азербайджане и покойный сегодня Гейдар Алиев. Обида в его душе поселилась с того момента, когда Горбачев одним из первых своих указов на посту Генерального секретаря вывел будущего президента Азербайджана из состава Политбюро. А по словам одного из тогдашних лидеров Народного фронта Рагима Казиева, еще будучи членом Политбюро, Алиев поддерживал контакты с руководством НФА, фактически став теневым идеологом националистов. Потом, как известно, был так называемый бакинский «черный январь», когда для захоронения «жертв» военного произвола в парке имени Кирова вырыли гораздо больше могил, чем требовалось. Кому нужна была вся эта ложь? Вопрос риторический…

– Дмитрий Тимофеевич, насколько вообще, по-вашему, было уместно втравливать вооруженные силы во внутренние межнациональные конфликты? Ведь армия абсолютно не предназначена для того, чтобы разделять противоборствующие стороны в кровавых междоусобицах.

– Безусловно. Каждый военнослужащий, принимая присягу, обязуется, в первую очередь, защищать с оружием в руках интересы своего народа и государства. А для усмирения беспорядков внутри страны существовал достаточно большой, специально подготовленный для действий в подобных ситуациях штат внутренних войск МВД СССР. А президент Горбачев, вместо того, чтобы принимать необходимые меры, затыкал дыры вооруженными силами. Я, как министр обороны, неоднократно говорил ему, что это не есть функция армии. На что он мне отвечал: «А кто кроме вас сделает?» Непонятно, где были в те годы все наши хваленые спецназы, которых сегодня пруд пруди.

То, что военных методично и целенаправленно втаптывали в грязь, стремились опорочить, скомпрометировать, сегодня лично у меня не вызывает никакого сомнения. Но, даже находясь меж двух огней, между молотом и наковальней, советские солдаты и офицеры выполняли свой долг с честью и до конца. Так было и в Нагорном Карабахе, и в той же Фергане, где десантники на территории учебного центра укрывали турок-месхетинцев от страшной резни.

– Власти предержащие в дискредитацию людей в погонах тоже внесли свою лепту?

– Одной из первых фраз Горбачева, когда он занял пост Генерального секретаря ЦК КПСС, было: «Все генералы – дармоеды!». О чем шла речь, о каких благах, я до сих пор ума ни приложу. У меня, например, была государственная дача, полагавшаяся действующему министру обороны, причем далеко не самая лучшая. А сейчас ничего нет. Тот участок в подмосковной Баковке давно поделен на куски и распродан, и там таких дворцов понастроили, просто уму непостижимо!

– О так называемом путче 1991 г. сказано и написано много. Тема ГКЧП даже успела набить оскомину, тем более что правда о событиях тех августовских дней, как водится, у каждого своя.

– Парадокс в том, что истина как раз лежит на поверхности. Текст пресловутого союзного договора, состряпанного Горбачевым и его ближним кругом, был опубликован на страницах пятничных газет. Рассчитывали, что большинство наших сограждан его не увидит: лето, конец рабочей недели, все пребывают в предвкушении отдыха на дачах, за городом. Так оно собственно и получилось. Обнародование важнейшего, судьбоносного документа, подписание которого было назначено на понедельник, никакого резонанса в обществе не вызвало. Причем подписывать договор должны были всего пять республик, в число которых входили среднеазиатские республики и РСФСР. Прибалтика, Закавказье и Украина отказалась заранее, да и Ельцин в последнюю минуту почти передумал, собирался даже звонить Горбачеву в Форос.

Пять человек – Бакланов, Шенин, Варенников, Болдин и Плеханов – 18 августа вылетели к президенту, пытались доказать Михаилу Сергеевичу необходимость введения в стране чрезвычайного положения и отмены подписания договора, предрекая развал Союза. Но стало понятно, что Горбачев хочет поставить правительство и народ перед свершившимся фактом – подписанием договора и катастрофой СССР.

Можно ли называть все, что случилось, государственным переворотом? На законодательную власть Союза и республик никто не покушался. Даже Горбачев, когда на суде по делу ГКЧП его спросили, чувствовал ли он, что у него отобрали власть, ответил отрицательно. Никакого заговора не было, иначе бы «заговорщики» подготовились более тщательно. Инициатива скорее была в руках поповых, афанасьевых и других ярых ельцинистов. Подписание преступного по отношению к народу Новоогаревского договора все же удалось сорвать. Но Президент Горбачев, что называется, закусил удила. СССР на бешеной скорости приближался к краю пропасти.

– Почему приказ о штурме Белого дома и разгоне его защитников так и не был отдан, хотя сил и средств хватало?

– У здания Верховного Совета РСФСР собралось около 70 тыс. человек, поэтому вопрос о разгоне толпы на совещании ГКЧП даже не обсуждался. Это означало развязать самую настоящую гражданскую войну, на что я, как офицер, маршал, присягавший на верность государству и народу, естественно пойти не мог. Ведь многие из тех, кто тогда протестовал против наших указов, просто не ориентировались в сложившейся обстановке. Люди были доведены до отчаяния летящей в бездну экономикой, галопирующей инфляцией, талонной системой буквально на все, начиная от масла и заканчивая спиртным. Они были готовы обеими руками голосовать хоть за черта лысого!

Город патрулировали боевые машины пехоты и бронетранспортеры. Применять оружие было строго запрещено, ведь ситуация напоминала попытки зажечь спичку перед пороховой бочкой. Кто мог предположить, что Попов и Лужков организуют возведение баррикад? К тому же при проходе техники под мостом в районе проспекта Калинина несколько БМП подверглись провокационному нападению, их забросали бутылками с зажигательной смесью.

Решение о выводе войск было принято вечером 20 августа. Если объективно проанализировать события этих трех дней, то напрашивается вывод: армия не участвовала в каком-то подавлении демократии. Широко разрекламированные «баррикады» не смогли бы остановить танки, будь у них соответствующий приказ. Позже даже Яковлев признался: «У меня было такое ощущение, что мы вышли в поле, а противник так и не явился».

– А что вам инкриминировало следствие?

– Само по себе следствие по делу ГКЧП велось с

обвинительным уклоном, есть в юриспруденции такое понятие. Нам сразу пытались инкриминировать 64-ю «расстрельную» статью – ни много, ни мало измена Родине. Позже, так и не найдя в моих действиях признаков этого тяжкого преступления, формулировку изменили на не менее абсурдную: заговор с целью захвата власти. Дело вели одновременно девять прокуроров. Судьи, хотя сам процесс напоминал фарс, оказались людьми с чистой совестью. Они не стали по огульным, сделанным в угоду конъюнктуре выводам следственной комиссии, принимать нужное власти решение. В 1993 г. нас амнистировали. Один Валентин Иванович Варенников с таким решением не согласился, добился пересмотра дела и полного оправдания.

Думаю, что многим из тех, кто в августе 91-го «защищал» демократию, сегодня действительно стыдно. Стыдно признавать, что они оказались обманутыми, одурманенными пустопорожней болтовней и откровенной ложью.

Последний маршал Империи [9]

От сумы и от тюрьмы не зарекайся… Это расхожее присловье в полной мере применимо к судьбе последнего маршала Советского Союза Дмитрия ЯЗОВА. Фронтовик, пробившийся в военную элиту из самых низов, под занавес карьеры оказался в «Матросской Тишине» с формулировкой «за измену Родине», а на свободу вышел уже совсем в другой стране.

О своей жизни, о людях и встречах Дмитрий Тимофеевич рассказал в книге «Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала». Она появится в продаже в день годовщины ГКЧП, 19 августа. «Одиозный», по версии либеральных СМИ, «персонаж 90-х» оказался интеллигентным и ироничным собеседником, да еще и с превосходной памятью. Несмотря на то, что 8 ноября нынешнего года ему исполнится 90 лет.

Культура: – *Факт Вашей биографии: когда началась война, Вы прибавили себе год, чтобы взяли на фронт. А что – никто не проверял, верили на слово?*

Язов: – 8 ноября 1941 года мне исполнилось семнадцать лет, я еще школу не окончил. Обратился в военкомат с просьбой направить на фронт. Чтобы не отказали, действительно пришлось пойти на маленькую хитрость – приписать себе год. В деревне тогда паспортов не было, проверять не стали.

Культура: – *Вы попали под призыв 1923 года, из которого мало кто выжил. Одна из наиболее жестких книг о судьбе того поколения – «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева…*

Язов: – Я ее читал. Астафьев служил связистом, многого о настоящей войне, о подготовке резерва мог не знать. Он пишет об учебной части – голодно, холодно и прочее… Да, голодно, но вся страна недоедала. Да, было холодно. В декабре минус 40 – даже нам, сибирякам, было неуютно. Но постепенно втянулись, и за полтора месяца вчерашние школьники превратились в молодых воинов. Занятия шли в основном в поле, одеты мы были более чем скромно: бушлаты, ботинки с обмотками, хлопчатобумажные гимнастерки и брюки – и тем не менее терпели. Нагрузка была такая, что пот прошибал в самые морозные дни. Командирами отделений служили фронтовики, выписавшиеся из госпиталей. Они были для нас олицетворением дисциплинированности и справедливости. 14 января 1942 года нас погрузили в теплушки и повезли в Москву – доучиваться в пехотном училище. Ехали месяц. Горячим кормили на больших станциях. В июле 1942-го

нам присвоили звание лейтенантов и тут же отправили на фронт, на волховское направление. Повоевать мне пришлось всего два года, пока не попал в госпиталь с тяжелым ранением. Войну закончил старшим лейтенантом. Так что не связист Астафьев мне близок, а артиллерист Юрий Бондарев, прошедший, как и я, от поражений до Победы. Он описывал войну более достоверно.

Культура: – *Дмитрий Тимофеевич, после войны Вы продвигались по служебной лестнице, а школу-то так и не окончили…*

Язов: – Да, аттестат зрелости я получил весной 1953 года, будучи уже майором. И в том же году успешно сдал экзамены в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Скажу откровенно: учиться было нетрудно, больше донимали поиски жилья. Сначала мы жили в Кусково, потом в Гиреево, затем опять в Кусково – с условием отапливать дом и платить 300 рублей за комнатушку. И лишь в конце 1955 года удалось найти квартиру на Тверском бульваре, дом 27, его недавно снесли.

Культура: – *А до министра как дойти? Вообще, как происходят такие назначения?*

Язов: – Чтобы стать министром обороны, нужно пройти все ступени воинской службы от взводного, через академию, а то и две, до командующего военным округом. Поработать штабистом, заместителем министра. А я министром стал так… Ночью, это было 29 мая 1987 года, меня разбудил зять и сказал, что звонил Соколов (Сергей Соколов, министр обороны СССР с 1984 по 1987 год. – *«Культура»).* И попросил, чтобы я связался с Ахромеевым (Сергей Ахромеев, первый замминистра обороны. – *«Культура»).* Оказалось, что меня вызывают к десяти утра на Политбюро. Накануне в Берлине прошло совещание консультативного комитета первых лиц и министров обороны стран Варшавского договора. И в тот же день – это был День пограничника – пилот-любитель из ФРГ Матиас Руст посадил свою «Сессну» на Красной площади. По этому поводу Политбюро готовили всю ночь. В 10.00 я явился. Заслушали доклад главного маршала авиации, главнокомандующего ПВО Колдунова. Затем всех военных попросили пройти в соседнюю комнату. Через полчаса нас позвали. И Горбачев сообщил, что решили назначить министром меня – вместо Соколова. Я отказываюсь. Горбачев спрашивает: «Ты сколько служишь?» «50 лет», – отвечаю. Округлил немного. «Ну, так иди и принимай дела». Я и пошел. Соколов отдал мне ключи от сейфа, пригласил в кабинет девять полковников, приставленных к ядерному чемоданчику. Показал, как с ним

обращаться. А потом я пошел по кабинетам своих заместителей. Интересовался, будут ли они со мной работать или нет. Вдруг я кого-то ненароком обидел. Но никто не отказался.

Культура: – *Вы с Горбачевым раньше были знакомы?*

Язов: – Он, как только стал генсеком, приехал на Дальний Восток. Я тогда командовал Дальневосточным военным округом. Встретил, войска показал, хозяйство. Он обратил внимание на то, что в солдатских столовых хлеб лежал на тарелках нарезанный, как на «гражданке». Поинтересовался, почему хлеб не выдают в пайках. Я объяснил, что солдаты пайку не съедают, кидаются хлебом. А если его подавать резаным, то и солдат сыт, и экономия большая получается – около девяти тысяч тонн. Горбачев посмотрел бумаги, похвалил. А еще там у меня аж четыре совхоза было. Наверное, когда решали, кого назначить министром обороны, он об этом вспомнил.

Культура: – *Горбачев со всеми был на «ты»?*

Язов: – Да, такая манера. Потом к нам Ельцин приезжал знакомиться. Этот уже на «вы». Дело было в мае, вода еще холодная была, но они с Коржаковым полезли купаться.

Культура: – *Выпили?*

Язов: – При мне – сок. Но не это главное. Как я понял, ни Ельцин, ни Горбачев свою страну совсем не знали…

Культура: – *А потом был 1991 год, ГКЧП, Вас обвинили в государственном перевороте…*

Язов: – Как можно называть это государственным переворотом? На законодательную власть Союза и республик никто не покушался. К президенту в Форос выехала группа товарищей, чтобы предостеречь от ошибки. Но Горбачеву очень хотелось подписать антинародный документ о развале Союза.

Культура: – *И тогда Вы решили ввести в Москву войска?*

Язов: – Если объективно проанализировать события тех трех дней, то напрашивается вывод: армия не участвовала в каком-то подавлении демократии. Широко разрекламированные «баррикады» не смогли бы остановить танки и БМП. Позже «прораб перестройки» Александр Яковлев признается: «У меня было такое ощущение, что мы вышли в поле, а противник так и не явился».

Культура: – *Как происходил Ваш арест?*

Язов: – Это случилось в 2 часа 15 минут 22 августа 1991 года.

Ил-62, в котором находились Лукьянов, Бакланов, Тизяков и я, вылетел из Крыма через 15–20 минут после президентского лайнера. При посадке во Внуково-2 я обратил внимание на большое количество солдат. А когда подали трап – на крепышей из спецслужб, принявших устрашающую стойку. К трапу направился Баранников, назначенный Горбачевым министром внутренних дел СССР. Я говорю сопровождающему меня полковнику Акимову: «Мы подоспели к аресту». Спустились, направились к зданию аэропорта. Баранников с нами. При входе в зал говорит Акимову: «Вы свободны». Затем мне: «А вас прошу пройти в следующий зал». Там нас встретил генпрокурор Степанков, спросил, нет ли у меня оружия, и объявил, что я арестован по подозрению в измене Родине. Меня подвели к «Волге», толкнули на заднее сиденье между вооруженными автоматами Калашникова охранниками. Я, конечно, знал старинную русскую поговорку «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», и вот ощутил ее гнетущий смысл.

Потом следователь Леканов обыскал меня с понятыми и предъявил официальное обвинение по статье 64 – измена Родине… Это мне, фронтовику… Измена президенту – пожалуй, да, имела место. Но Родину свою я не предавал и до сих пор считаю, что новоогаревский договор был неконституционным. В присяге нет ни слова о президенте – я народу давал клятву.

Культура: – *Следователь корректно с Вами обращался?*

Язов: – Да, вежливо, то по фамилии, то по имени-отчеству. Грубостей не было.

Культура: – *Правда ли, что Вас еще допрашивали украинцы?*

Язов: – Да. Заместитель генерального прокурора незалежной и самостийной Украины Даниленко. Очень интересовался, что мы собирались сделать с Украиной. По совету моего адвоката, иностранному прокурору я отвечать отказался.

Культура: – *Что сильнее всего врезалось в память из времени, проведенного за решеткой?*

Язов: – 498 дней и ночей в «Матросской Тишине». Целый день в камере горел свет, ночью зажигалась красная лампа. Я пытался прикрыть ее газетой, но тут же входил майор и срывал: не положено. Пришло сравнение на ум, я его в одной из книг приводил: в войну майоры полками командовали, а этот возле «глазка» стоит. Квартиру мою на улице Косыгина Горбачев отдал Шапошникову. Мелочный человек оказался. Знал ведь, что пока обвиняемый находится под следствием, жилье за ним

сохраняется.

Культура: – *С сокамерниками общались? Что за люди были?*

Язов: – Директор ресторана на Белорусском вокзале. Был еще житель Нижнего Тагила, который несколько лет ждал очной ставки с директором магазина из Орехово-Зуево. Одного интересовала моя служба, другого – отношение к Горбачеву. Оба часто путались в своих рассказах. Думаю, у каждого из них была своя «специализация» по Язову. Так что в таких местах молчание – золото…

Культура: – *Помните день освобождения?*

Язов: – Конечно! 25 января 1993 года меня отправили в госпиталь МВД. В палату завезли в коляске и сразу под капельницу. Сказали, что я серьезно болен. В тот же день мне объявили, что мера пресечения заменена подпиской о невыезде. 14 апреля начался суд, а в феврале 1994-го, еще до окончания суда, Госдума нас амнистировала.

Культура: – *А почему Вы амнистию приняли? Валентин Варенников, Ваш заместитель, отказался и был оправдан судом за отсутствием состава преступления.*

Язов: – Варенников все правильно сделал. А меня все равно бы за танки в Москве осудили. За то, что асфальт ими порушил, денег много насчитали.

Культура: – *У Вас не было потом желания встретиться с людьми, которые Вас арестовывали, допрашивали? Посмотреть им в глаза? Может, дать пощечину?*

Язов: – Нет, эти люди меня не интересуют. А насчет пощечин – я выше этого. Никогда хулиганом не был. Могу только сказать, что я еще не был арестован, следствия и суда еще не было, а нас, членов ГКЧП, какой-то Нуйкин (публицист Андрей Нуйкин. – *«Культура»)* уже обозвал хунтой.

Культура: – *А что же «хунта» до конца дело не довела?*

Язов: – Да никто ничего доводить и не собирался. Единственное, что мы четко знали, что нельзя страну расчленять. Все надеялись на Горбачева. Поэтому к нему в Форос поехали. То, что он говорил, что у него связи не было, вранье. Ядерный чемоданчик-то при нем был. Стало быть, и связь была.

Культура: – *Кстати, о Форосе. Вы довольны, что Крым вернули?*

Язов: Конечно.

Культура: – *С чего, по Вашему, развал СССР начался?*

Язов: – С законов, которые Ельцин стал принимать и которые ставил выше законов Советского Союза.

Культура: – *С товарищами по ГКЧП встречаетесь?*

Язов: – Да уже почти никого не осталось. Лукьянов жив, Бакланов, Тизяков…

Культура: – *Как думаете, Советский Союз можно было сохранить?*

Язов: – Решающую роль в его развале, конечно, сыграли вдохновители беловежского сговора. Личная вражда Ельцина и Горбачева, в конце концов, предопределила судьбу Советского Союза. Хотя страна могла остаться в рамках конфедерации или даже новой федерации. Но не случилось.

Культура: – *Можете рассказать о преемниках? Тех, кто после Вас Министерство обороны возглавлял.*

Язов: – Меня, когда я уже был арестован, сменил мой заместитель, начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев. Пробыл он и.о. министра всего сутки. За это время решили, что он «мой» человек, и высказали ему недоверие. Горбачев и Ельцин вызвали еще одного моего заместителя – Главкома ВВС Шапошникова. Горбачев говорит: «С этого дня вы министр обороны». Шапошников отвечает, что он летчик и ничего не знает. Министром быть не может. Тут Ельцин подтолкнул Горбачева: давай, мол, подписывай. Когда СССР развалили, должность министра занял командующий ВДВ Павел Грачев. К Грачеву я хорошо относился. Но он не был стратегом. Как готовилась операция в Чечне? Грачев должен был знать: десантные войска никогда не штурмовали города. Это была непростительная ошибка. А по тому, какие потери понесла армия, – и преступление. Но уж очень рвался президенту угодить. Он в Чечне оружия на три дивизии оставил, с техникой… Помню, Игорь Родионов, когда стал министром, все к Ельцину приставал, что армию кормить надо, а не представительские машины для чиновников за границей покупать. Потом по очереди – ракетчик Игорь Сергеев, Сергей Иванов. И «лучший» министр обороны Анатолий Сердюков, который привел за собой целый гарем и чуть не угробил армию. За ним сейчас Шойгу убирает. Вот он мне нравится.

Культура: – *Вы встречались со многими политиками, главами государств. Можете сказать, к кому из них относитесь с наибольшим уважением?*

Язов: – Это Цзян Цзэминь. Он у нас в Москве на заводе Лихачева работал. Очень любил петь русские песни. Ким Ир Сен – он обеспечил по указанию Сталина мир на Дальнем Востоке. В политическом смысле сильнее всех, конечно, был Буш-старший. Воевал во Вторую мировую летчиком, был сбит и спасен подводной лодкой, разведчик – являлся резидентом США в Китае. Ну и, конечно, Маргарет Тэтчер. Очень сильная женщина. Приехала ко мне в Министерство обороны запросто. Вместе с женой академика Сахарова Еленой Боннэр в роли переводчицы. Боннэр попросила пепельницу. А я же не курю. И на фронте не курил.

Культура: – *Недавно умер Войцех Ярузельский…*

Язов: – Я был с ним хорошо знаком. Он был очень порядочным человеком. Фактически спас Польшу, введя в стране военное положение. Когда Брежневу доложили, что вокруг Варшавы стоят восемь польских дивизий, ему пришлось отказаться от ввода советских войск.

Культура: – *А у Вас хватило бы воли, как Ярузельскому, ввести в 1991-м военное положение?*

Язов: – На каком основании? Ярузельский тогда был уже главой государства. У него на это были полномочия. А у меня не было.

Культура: – *Бывает, военные берут власть на себя. Могло ли такое случиться в СССР? Например, говорят, что существовал заговор военных под руководством Тухачевского против Сталина, Вы верите в это?*

Язов: – Я знаю, что Тухачевский через полчаса после ареста дал признательные письменные показания об этом. Причем его не били. А вообще, он мне неприятен. Сбежал из плена, его поручителя после этого расстреляли. Применил отравляющие газы против тамбовских мужиков…

Культура: – *В своих воспоминаниях Вы рассказываете о легендарной операции «Анадырь» – Куба, 1962 год… Почему выбрали именно Вас?*

Язов: – В нашу часть приехал маршал Василий Иванович Чуйков. Вызвал меня, заговорил о предстоящем ответственном задании. Вспомнил прошедшие учения, когда мой полк за сутки

совершил 500-километровый марш-бросок, отметил слаженность действий. Сказал, что на новом месте придется действовать самостоятельно, возможно, воевать. Правда, куда надо ехать, не сказал. Спросил, не напугал ли меня. Я ответил, что доверие оправдаю. Мы вернулись в штаб дивизии. Я остался в приемной, а он вместе со свитой прошел в кабинет командира дивизии. Через несколько минут пригласили меня. И Василий Иванович объявил, что на должность командира 400-го отдельного мотострелкового полка предлагает полковника Язова. Спросил, есть ли у присутствующих вопросы. Вопросов не было.

Культура: – *Говорят, будто офицеры, узнав название операции, захватили с собой шапки-ушанки…*

Язов: – Действительно, подумали, на Север отправляют. Что идем на Кубу, мы поняли, только вскрыв пакет в скандинавских проливах.

Культура: – *Это правда, что с вами был послан полковой оркестр?*

Язов: – Да – в бой же идут под музыку.

Культура: – *Про службу на острове Свободы Вы подробно рассказали в своей книге. И как ракеты размещали, и как кубинцы обижались, когда Вы не разрешали им сбивать американские самолеты. А каким было возвращение?*

Язов: – Встретил нас дурак – начштаба 11-й армии. На Кубе мы сильно поизносились, шинели съели мыши, а он сказал: «Пока не оденетесь по форме, на берег не пущу». И вот сотни человек одевались, кто во что смог. Через сутки нас всех рассчитали. Солдат демобилизовали, офицеры разъехались к местам прежней службы…

Культура: – *Как произошло Ваше возвращение в Минобороны?*

Язов: – После отставки мне звонили бывшие подчиненные, просили проконсультировать, помочь. В Кремле, узнав об этом, отдали соответствующее распоряжение. И я начал работать официально – в должности генерального инспектора Минобороны России. Кабинет в Генштабе на Знаменке дали.

Культура: – *Да, кабинет хорош, метров сто. Карты, правительственные «вертушки». Что, и с президентом связь есть?*

Язов: – Могу и с ним поговорить. Меня ни в чем не ограничивают.

Культура: – *А что у Вас в сейфе? Не секрет?*

Язов: – Какой секрет… Кто в наше время документы в сейфе хранит? Книги там лежат.

Культура: – *Велика ли пенсия?*

Язов: – Около 100 тысяч рублей. Еще 15 тысяч Минобороны доплачивает. Машина «Тойота» за мной закреплена и два штатских водителя. Все.

Культура: – *Вы свой партбилет так и не сдали?*

Язов: – Нет.

Культура: – *А взносы платите?*

Язов: – Вот взносы платить некому.

Под конец беседы Дмитрий Тимофеевич показал книгу немецкого историка Игнаца Лозо «Августовский путч 1991 года. Как это было» с дарственной надписью и с закладками, которые маршал сделал на страницах с упоминанием своей фамилии. Видно, что Язов проштудировал ее от корки до корки. И не во всем с автором согласился: «Мы не были заговорщиками. И крови на нас нет».

«Мы наше 9 мая никому не отдадим!»

***Предпраздничное интервью фронтовика, командовавшего взводом, в 17 лет*[10]**

– …Здравия желаем, товарищ маршал Советского Союза! На проводе – «Комсомолка»!

– Так я же в госпитале числюсь пока. Ну, заехал домой только помыться… А не интервью давать. Мне же скоро 90 лет. Думаете, я всё помню про войну?

– А в госпитале что – нельзя помыться?

– Можно. Но надоело просто лежать… А в интервью сейчас любой может соврать. И могут меня тоже причислить к тем, кто вспоминает и врет.

– Да мы, товарищ маршал, не интервью, а одну деталь уточнить… Когда вы в ноябре 1941-го уходили добровольцем в 17 лет, вы себе тогда год приписали.

– Да. Мне еще 18 лет не было, а я уже был командиром взвода, и был уже ранен. Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах…

– Тот год так и остался у вас приписанный? Вы с добавленным годом осенью собираетесь 90-летие встречать?

– В тюрьме, когда меня посадили (Язов как член ГКЧП находился в заключении с августа 1991-го по январь 1993-го. – А. Г.) я говорю: я с 1924-го года. Они: как с 24-го? У вас же написано, что с 23-го. Я говорю: я приписал. Они начали проверять.

– И что?

– В тюрьме проверили и год у меня убавили… Я стал опять с 1924-го.

– 9 мая для Восточной Украины – это праздник, а для Западной – день траура. Как так могло случиться?

– Если там, на Западе, есть хоть один здравомыслящий человек, то тоже будут праздновать День Победы. А почему так

случилось? Если они считают, что Бендера мог сделать что-то хорошее, – им просто не всё рассказывали про бендеровцев. Ведь они до 1954-го года воевали. Хатынь в Белоруссии они сожгли… Была тогда дивизия «Галичина». Вот от той дивизии остались недобитые негодяи. И вот потихоньку они, используя деньги американцев, дошли до Киева. Практически территории превратили в свою вотчину. Когда это было, чтобы приезжал вице-президент США Байден и давал указания, как вести себя?

Ну что это такое? Самый рабочий народ где? В Кузбассе. Харьков, Кузбасс, Ворошиловград. Раньше Крым мы отдали. Вернее, не мы, а этот негодяй Хрущев отдал Крым. Хотел свои грехи перед ними замолить.

– Вы довольны, что Крым теперь российский?

– Доволен.

– А как оцениваете то, что без единого выстрела Крым вошел в состав России?

– Это искусство.

– Искусство вежливых военных?

– Политическая, так сказать, работа. И военная работа. Ну, всё сделано было, как положено. Путин проявил себя как большой-большой государственный деятель.

– А как с востоком Украины сейчас быть?

– Я ничего не могу сказать. Дело все в том, что они без оружия. Все оружие – там, на Западе. Мы в таком положении. И помогать-то мы сейчас не можем. Этот негодяй, исполняющий обязанности президента, он выполняет волю Запада: разоружить восток решили. Разоружают не Киев. Не там баррикады убирают, которые больше по времени, чем в других местах существуют.

– Вот Карибский же кризис развивался на ваших глазах.

– Ну а как же? Я командиром полка был на Кубе…

– С сентября 1962-го по октябрь 1963-го. Как пишут в энциклопедиях, «для отражения вторжения войск США на остров».

– Так точно!

– По сути, там тоже чуть было война не разразилась. А сейчас может что-то подобное быть?

– На Украине?

– Из-за Украины по крайней мере. Видите, как Запад на нас окрысился.

– Я не думаю, что что-то случится.

– Почему? Потому что Россия сильная?

– Нет. Оружие грозное. Быстро конфликт превратится в ядерный.

Командир роты 19-го гвардейского стрелкового полка старший лейтенант Язов. 1945 г.

– Сейчас пытаются нашу победу в Великой Отечественной принизить, девальвировать. Что бы вы этим горячим головам посоветовали?

– Посоветовал прежде всего… своим головам: блюсти авторитет своего государства. Позволять начали всяким этим… что мы не воевали, а трупами заваливали противника и прочее. Англия, Америка, они же потеряли по 300 тысяч. Ну а мы где-то около 30 миллионов. Да…

Победа-то – в основном мы. Они когда открыли второй фронт? 6 июня 1944 года. Мы уже операцию «Багратион» начали 10-го, и вышли уже на Вислу. Когда Рузвельт шел на линкоре «Айова» по Средиземному морю, услышал передачу, что мы форсировали Южный Буг. И он своему сыну говорит: если дальше так пойдет, может быть, второй фронт никому не нужен будет. У меня первая медаль и первый орден в 45-м.

– Орден Красной Звезды?

– Да.

– И медаль «За боевые заслуги».

– Да.

– Как встретите День Победы? Выпьете рюмочку?

– Знаешь, я очень плохо чувствую себя, ноги отказали. Но фронтовые 100 грамм обязательно выпью! Я же ведь последний советский маршал остался…

Анекдот от маршала Язова: «Ехал как-то Штирлиц по Кутузовскому…»

– Вообще-то это мне Муслим Магомаев рассказывал. Они с Вячеславом Тихоновым ехали на «Волге» после какого-то грандиозного концерта. Тихонов сам был за рулем. А в машину набилось несколько женщин: впереди, рядом с Тихоновым, двое, и на заднем сиденье, рядом с Магомаевым, трое. Магомаев говорит Тихонову: «Сейчас тебя первый же гаишник остановит». А тот: «Ничего, меня сейчас каждый в лицо знает». А как раз вышел тогда фильм «Семнадцать мгновений весны». Ну, выезжают они на Кутузовский проспект, их останавливает гаишник. Тихонов подает права, а гаишник ему: «Товарищ Штирлиц, а почему у вас документы чужие – на Тихонова?» «Я актер Тихонов, – говорит нарушитель. – А Штирлиц – это мой герой из фильма». «Ничего не знаю, – говорит гаишник, – проедем в отделение». Тут Магомаев открывает заднюю дверцу: «Отпустите нас, пожалуйста, меня же вы наверняка знаете». А гаишник – так радостно: «А, товарищ Кобзон, проезжайте!».

«Разрушали Союз сознательно – извне и изнутри» [11]

Маршал Дмитрий Язов – один из немногих ныне здравствующих бывших руководителей Советского Союза. Один из последних министров обороны СССР, участник так называемого заговора ГКЧП, после чего начался распад одного из самых больших государств мира. Историки до сих пор спорят, насколько был закономерен распад СССР. Тем ценнее было обозревателю «ИГ» Владимиру Мухину об этом услышать от непосредственного свидетеля тех событий.

– Дмитрий Тимофеевич, американцы считают крушение СССР главным событием минувшего века. Ваше мнение на этот счет?

– Нет, это не главное событие минувшего столетия. Главное событие для всего мира – это Великая Победа нашего народа над фашизмом. И так считают не только российские историки, эксперты, но и европейская научная общественность.

– И все же почему такой крепкий общественный строй спустя несколько десятилетий все-таки потерпел поражение? Распад СССР был закономерным?

– Конечно, нет. Здесь значительную роль сыграл так называемый субъективный фактор. Враги СССР в нашей стране и за рубежом сознательно сделали все, чтобы Советский Союз перестал существовать. В стране, если помните, в 1989–1991 годах все сделали так, что не было элементарных вещей: мыла, стиральных порошков, табака, дефицит спиртного. Провоцировали так называемую революционную ситуацию – люди перекрывали дороги и т. п. СССР разрушали извне и изнутри.

– Кто, по-вашему, это смог организовать?

– Недавний президент США Билл Клинтон сказал: «Мы израсходовали несколько триллионов для того, чтобы добиться распада Советского Союза». Но я не считаю, что одни только американцы в этом замешаны. Была создана так называемая пятая колонна из тех, кто подкармливался за счет американцев. Их было немного, но они будоражили Советский Союз…

– Горбачев, говорят, некоторое время учился в США, нет ли здесь связки с западными спецслужбами?

– Нет, в США он не учился. В США учился Александр Яковлев. С ним учился бывший генерал КГБ СССР Олег Калугин, который живет сейчас в США, за свое предательство он заочно на 15 лет осужден в России. По моим сведениям, Яковлев и Калугин там и были завербованы – это идеологи пятой колонны. Когда в свое время в КГБ стали разрабатывать Яковлева, то, я знаю точно, Горбачев сказал: «Яковлева не трогать!» Почему? Потому что Горбачева самого уже обработали. Полагаю, что определяющей в этом смысле была его знаменитая встреча с Маргарет Тэтчер, когда они разговаривали тет-а-тет. После Лондона он полетел к Александру Яковлеву, который тогда был нашим послом в Канаде. Горбачев после этой поездки сильно переменился.

Министр сельского хозяйства СССР Валентин Карпович Месяц – он тоже был в той делегации – потом рассказывал мне, что Яковлев и с ним заводил беседу о том, как, дескать, хорошо живут в Канаде, а мы тут с этим социалистическим строем, с этими колхозами… Насколько мне известно, подобной обработке подверглись и другие участники этого зарубежного турне. Уже тогда он в порядке живой очереди всех обрабатывал. Мол, в Канаде колхозов нет, совхозов нет, а они живут очень хорошо. Нам бы так жить, говорил он. Яковлев был прирожденный враг. Короче говоря, просмотрели мы и его, и Горбачева…

– Молва утверждает, что сначала и вы были другом Горбачева.

– Нет, конечно, другом его я не был. Вы бы слышали, как Громыко как-то сказал про этого человека: «Да, я сделал ошибку, предложил Горбачева на пост руководителя КПСС. Он оказался предателем». Здесь ничего нельзя добавить про эту личность.

– Какие, как вам кажется, первый президент СССР сделал ошибки? Он занялся политикой, заигрыванием с республиками, а надо было прежде всего поднимать экономику?

– Он этим, конечно, тоже занимался. Но своеобразно… Когда меня назначили министром, Горбачев вызывает меня и говорит: надо сокращать армию. Пять армейских управлений сократили. Сократили два управления военных округов – Приволжского и Среднеазиатского. Сократили несколько дивизий. И вместо всего этого создали военно-строительные соединения и объединения. Горбачев предложил: давайте создадим корпус для строительства в Нечерноземье. Создали корпус. Плюс к этому четыре железнодорожных корпуса работали тогда на народное хозяйство. Два корпуса БАМ строили, а еще два корпуса в Тюменской области к нефтяным вышкам железные дороги проводили. Одна

железнодорожная бригада в Монголии трудилась, еще одна – в Азербайджане. Но этого ему показалось мало. Предлагает: давайте создадим рисовые бригады. Создали рисовые бригады, дивизии на Дальнем Востоке. Мы специально организовали два военных совхоза, которые для космонавтов, жителей Ленинска (Байконура) выращивали рис. А 500 военных отрядов работали на заводах промышленности. Особенно на химических предприятиях.

– Может, для тех времен это было правильно?

– Нет, я так не считаю. Организовывать военно-трудовые формирования заставляли потому, что никто на гражданке не хотел работать на трудных вредных объектах, вдали от цивилизации, от дома, семьи – у людей не было заинтересованности. Там работали только зэки и военные. Они не социализм строили, а феодальный строй реанимировали. За счет принудиловки. За счет военных строительных отрядов хотели возрождать страну. Но так не бывает. Это вызывало недовольство народа. Кто захочет жить в таком государстве? Вот и пошел народ за так называемыми демократами, поверил в них.

И что в итоге? Десятки лет страну строили миллионы людей, и вот плодами их созидательного труда пользуются сейчас единицы. Выкачиваются богатства нашей страны и продаются за рубеж. Вот на это и живем. А страна наша хиреет. Число жителей уменьшается. Раньше мы переживали, что в пределах Дальневосточного военного округа живет всего 6,5 миллиона человек. Солдат туда для службы привозили из Центральной России. Сейчас же вместе с Якутией там и 4 миллионов не набирается. И это вблизи китайских провинций, где проживают сотни миллионов китайцев.

– При таком состоянии Россия способна отстоять свою независимость?

– Вы сейчас видите сами. Наемный пролетариат, по Марксу, и этого никто не опровергал, не имеет своего Отечества. Создается капитализм на фоне государственной собственности, на том базисе, что строил весь советский народ. В США создавался капитал постепенно. Сами люди трудились, находились таланты. Богатыми люди становились, к примеру, как Форд, благодаря умениям, творчеству. Именно они создавали и приумножали материальные блага в США. А у нас что? Какое Отечество для простых россиян, если нефть, лес, недра в руках олигархов? Продолжать здесь нет смысла…

– Какова роль военного фактора после развала СССР? Чечня, другие горячие точки Северного Кавказа – это закономерность?

– Не хочу делать никаких выводов. Но давайте вспомним, как только Ельцин пришел к власти, шесть месяцев офицерам вообще не платили. Это любой из нашей армии подтвердит. Не только в РФ, но и в других республиках СНГ. Павел Сергеевич Грачев тогда командовал в Министерстве обороны. Почему и бои развязались в Чечне. По глупости.

– Считается, что именно он передал Дудаеву вооружение учебной дивизии, которая там дислоцировалась. Этими вооружениями можно было вооружить целую армию…

– Совершенно верно. Когда в 1989 году в Баку вводили ЧП и было землетрясение в Армении, все оружие из этих республик было передислоцировано в Чечню. Там оказалось 4 дивизионных комплекта. Это не только на армию хватит, на целый фронт! Вот это все и захватил Дудаев.

– Но, поговаривают, что и вы тоже приложили руку к его приходу во власть в ЧР?

– Как вам угодно, судите… А было это так. Старики из Чечни зимой 1991 года приехали ко мне, достучались и начали просить назначить генерал-майора Джохара Дудаева военкомом Чечни. Я сказал: «Нет!» Дудаев командовал тогда авиадивизией в Тарту (Эстония). Он был хороший командир, грамотный. В дивизии всегда был порядок. А дивизия была вооружена, как американцы говорят, «Бекфаэрами», Ту-22М3 – оперативно-стратегическими бомбардировщиками. Они были оснащены торпедами и предназначались для поддержки боевых действий Балтийского и Северного флотов.

– А Дудаев хотел в Чечню?

– Не знаю. Но давление со стороны чеченских тейпов на него было колоссальное. Старейшины из Чечни после меня обратились к Горбачеву. Тот мне позвонил и начал убеждать откликнуться на их просьбу. Я ему отвечаю: Дудаева нельзя направлять туда, он хороший командир дивизии. Он нужен в войсках. Горбачев опять давит: ты что, хорошего командира дивизии не найдешь? В общем, такой разговор состоялся, ни то ни се. В конце концов согласились отдать Дудаева. Надо было ему присвоить звание генерал-лейтенанта, и ничего, никаких выступлений он делать бы не стал. Надо было сделать как в Ингушетии, когда Руслану Аушеву присвоили звание генерал-лейтенанта…

– Но Грачев был у власти в Минобороны РФ. Разве он не знал, что в ЧР столько оружия?

– Парадокс! В Чечне было сосредоточено достаточно вооружений. Но Грачев этого не знал. Он не был допущен к мобилизационной работе. Этим занимаются командующие армиями, военными округами. Он же, когда мы передавали в Грозный дивизионные комплекты, командовал только 103-й воздушно-десантной дивизией (ВДД), которую вывели из Афганистана. Потом был командующим ВДВ, а затем сразу министром…

Начиналось это весной 91-го. Когда Ельцин поехал выступать в 106-ю Тульскую ВДД, приходит ко мне Грачев (тогда командующий ВДВ. – «НГ») с Владиславом Ачаловым (был до Грачева командующим ВДВ, потом заместителем министра обороны СССР) и говорят: «Мы ему покажем учения, которые вообще никогда не показывали. Напоим его, и он не выступит». Это была их инициатива, конкретно Грачева. Так и получилось. Девушки высадились на парашютах, преподнесли Ельцину цветы. Грачев и предложил Ельцину, мол, за это надо выпить. Спирта ему налил. Тот хлобыстнул фужер. Потом стол накрыли. До такой степени напоили, что (май, холодина), пошли купаться в озеро. Выкупались, потом еще выпили. Грачев это делал вроде как во благо, чтобы Ельцин нигде не выступил. А тому такая пьянка действительно понравилась. И с тех пор он понял, что Грачев его друг.

А когда началось так называемое ГКЧП, звонит мне Грачев и докладывает о том, что Борис Ельцин просит его направить охрану к Белому дому. Я отвечаю: «Пожалуйста, направьте туда батальон 106-й воздушно-десантной дивизии, которая шла из Тулы». Дивизией командовал Лебедь, хотя он был уже зам по боевой у Грачева как командующего ВДВ. Батальон прибыл. Но там было полно пьяных. Подпоили военных. Лебедь зашел к Ельцину и доложил, что «прибыл для охраны». В общем, получилось так, что Ельцин их (Грачева и Лебедя) перевербовал. Да бог с ними… Не буду об этом больше.

«Наша армия готова защищать Родину» [12]

8 ноября 2014 г. исполнилось 90 лет Дмитрию Тимофеевичу Язову, единственному живому маршалу Советского Союза. К тому же он последний, кому это звание было присвоено.

Язов был и предпоследним министром обороны СССР с 1987 по 1991 годы.

В 1991 году он вошел в состав ГКЧП, в котором представлял военное руководство страны. И именно он не стал отдавать приказ на штурм Белого дома. Он был «тем, который не стрелял».

Он прошел всю войну. А начал ее 17-летним лейтенантом в 1942 году на Волховском фронте.

За время войны Язов успел поучаствовать в обороне Ленинграда, наступательных операциях в Прибалтике и блокаде окруженной Курляндской группировки немецко-фашистских войск. Известие о победе в войне он встретил в Митаве под Ригой.

В 1953 году Дмитрий Язов поступил в Военную академию имени Фрунзе и окончил ее с золотой медалью. После этого он командовал полком в своей 63-й гвардейской Красносельской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии.

Его полк с сентября 1962 года по октябрь 1963 года располагался на Кубе. Перед возвращением в СССР Дмитрий Язов получил почетную грамоту от министра Революционных Вооруженных Сил Республики Куба. Поблагодарил его и лично Фидель Кастро.

Затем было еще много назначений и переездов по всей стране.

На фронте молодой офицер часто читал бойцам стихи: свои и классику, чтобы поддержать их в трудную минуту. А стихи он не просто знает.

Может наизусть прочитать весь роман Пушкина «Евгений Онегин, «Маскарад» Лермонтова, стихи Маяковского, Есенина или «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова.

Да и когда корреспондент «ВМ» встречался с маршалом накануне юбилея, Дмитрий Тимофеевич сходу прочитал наизусть два своих стихотворения фронтовых лет. Недавно закончил новую книгу воспоминаний. Язов снова на посту. Он – аналитик и главный инспектор Министерства обороны России.

И гостей принимает в своем кабинете в Генштабе.

Мы публикуем отрывок из беседы с маршалом и желаем Д. Т. Язову еще долгих лет, здоровья и сил.

– Дмитрий Тимофеевич, за последние время наша армия явно совершила качественный скачок, показав, что умеет действовать в любых условиях. Хотя еще недавно ее состояние желало лучшего. А в одном из интервью Вы прямо заявили: «Просто сказать, что при Сердюкове было плохо – мало. Он, не будучи осведомленным о том, что из себя представляют вооруженные силы, не думая сокращал и урезал все, что попало. У него был один вопрос: сколько это стоит? И ни одного серьезного учения он не мог провести, только разгонял Генштаб, увольнял одного за другим». Как оке удалось все быстро привести в порядок?

– Я не анализировал специально деятельность Сердюкова. И знаю в основном то, что пишут в газетах, в том числе, и в «Вечерней Москве». Но это было плохо. Развалить все проще всего. Это не ставить на ноги. А удалось все вернуть потому, что оказалась здоровой сама среда армии, офицерский состав. Генеральный штаб, командующие армии. Сам Сердюков и его тридцать женщин – это еще не вся армия.

Президент России Владимир Путин и министр обороны Сергей Шойгу поздравляют Д. Т. Язова с 90-летием. (8 ноября 2014 года)

– Как Вы оцениваете состояние нашей армии в сравнении с армиями других стран?

– Я считаю, что наша армия готова защищать Родину. Что касается других стран, то каждая выделяет для защиты столько людских резервов, сколько требуется на данном этапе или сколько может, и как позволяют финансы. Большую армию

сегодня содержать нет необходимости. Но надо готовить людей к тому, чтобы они в любой момент могли пополнить ряды Вооруженных сил. Главное, чтобы меньше «косили» от армии.

– Вы написали новую книгу, что она для Вас значит?

– Всего я написал восемь книг, включая книгу о маршале Соколове, о панфиловцах, о своем военном пути. И это еще одна книга мемуаров, где я постарался рассказать обо всем честно.

– А что ждать в следующей?

– Я больше не собираюсь писать. Глаза уже не позволяют, хотя мысли и задумки, конечно, есть.

– Маршал Соколов прожил 101 год. Желаем Вам, как минимум прожить не меньше.

– Буду стараться. Хотя у меня не такое здоровье, как у него *(смеется)*.

Помнят Язово, Даурия, Куба... [13]

8 ноября 2009 года исполняется 85 лет Маршалу Советского Союза Д. Т. Язову, которого в связи с этим Президент РФ Д. А. Медведев наградил орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Человек неординарной судьбы, Дмитрий Тимофеевич по праву занимает видное место в истории Вооруженных Сил Отечества. Поскольку жизненный и служебный путь маршала достаточно полно отражен в его книгах, в многочисленных публикациях периодической печати, мы решили отступить от общепринятых стандартов и предложить читателям заметки журналиста, который в разные годы имел возможность встречаться с Дмитрием Тимофеевичем.

Впервые о Д. Т. Язове я услышал осенью 1967 года. Служил тогда в Чите – «столице» Забайкальского военного округа, работал в редакции окружной газеты «На боевом посту». Помню, приехал из командировки в Даурию один наш корреспондент и рассказывает: «Новый комдив назначен – полковник Язов, после академии Генерального штаба. За дело взялся горячо: ни себе, ни другим покоя не дает».

В Даурии я бывал не раз, в том числе и в середине 1967 года, незадолго до назначения туда Д. Т. Язова. Это был обычный забайкальский гарнизон, ничем не отличающийся от других. Но вскоре о нем, что называется, заговорили. За три года пребывания там Дмитрия Тимофеевича он буквально преобразился. Выросли новые многоэтажные жилые дома, казармы, зазеленели газоны со множеством тонкоствольных тополей.

Что касается главного – боеготовности, нравственной атмосферы в коллективе, то дивизия за эти годы дважды получала хорошую оценку по итогам проверок Главной военной инспекцией. За освоение новой техники и высокие результаты в боевой и политической подготовке, показанные во время службы в Даурии, Дмитрий Тимофеевич был награжден орденом Ленина. Представление к ордену подписал командующий войсками Забайкальского военного округа Герой Советского Союза генерал-полковник П. А. Велик (в дальнейшем генерал армии), который был известен как исключительно требовательный, мудрый военачальник. Уже тогда в стиле работы Д. Т. Язова совершенно отчетливо просматривались такие получившие в дальнейшем подтверждение и развитие черты, как компетентность, самоотверженность, требовательность к себе и другим, отзывчивость, душевность.

Позднее, уже в 1981–1987 годах, мне, в ту пору корреспонденту «Красной звезды», довелось видеть Д. Т. Язова в роли командующего войсками Среднеазиатского и Дальневосточного военных округов, слышать от многих о его службе после Даурии командиром корпуса, командующим армией. И в главном, о чем уже шла речь, оценки всегда совпадали. Это и подтолкнуло к тому, чтобы написать о нем очерк. Главный редактор «Красной звезды» генерал-лейтенант Н. И. Макеев поддержал эту идею.

Одним из этапов подготовки очерка стало знакомство в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР с личным делом Дмитрия Тимофеевича Язова, в то время командующего войсками Дальневосточного военного округа.

Уже своим внешним видом это личное дело вызывало уважение. Выцветшая ткань на обложках, потертости по краям… Чувствуется – и стаж службы солидный, и немало пришлось делу попутешествовать, не залеживаясь надолго в одном шкафу.

Боевая характеристика. Трудно придумать более выразительное название для документа, занимающего полстраницы на машинке: «Лейтенант Язов в 483-м стр. полку работает в должности заместителя командира роты. С работой справляется… Смелый, отважный и инициативный командир, участник боев с немецкими оккупантами.

К-р полка м-р Колчин. НШ капитан Титов».

Нет, не случайно, наверное, в боевой характеристике дважды употреблено слово «работа».

– А что такое в сущности для человека война? – делился потом мыслями Дмитрий Тимофеевич. – Это каждодневный напряженный труд. Тот, кто именно так понимал свои обязанности, воевал отважно, умел бить врагов.

Оборонительные рубежи на Волховском фронте, у которых были остановлены гитлеровские дивизии, рвавшиеся к Ленинграду с юго-запада, 483-й стрелковый полк занимал у станции Погостье. Леса, болота, кустарники. Передний край обороны пролегал по ручью Дубок. Минувшие без малого шестьдесят с лишним лет не выветрили из памяти фронтовика эти названия.

Не забылась и работа – как рыли траншеи, по колено в воде, отчерпывая из них воду, закрепляя их борта тем, что удавалось раздобыть, как строили блиндажи и землянки, служившие солдату домом долгие летние и зимние месяцы. Как учились воевать, ведя бои местного значения. Учились и на ошибках, и на горьких уроках. Хорошо запомнилась одна бесплодная атака. Выбили врага из первой траншеи, но закрепиться в ней не

удалось: перед наступлением слабо поработала разведка, система огня врага не была подавлена. Понесли потери, отошли назад.

Сколько раз потом восемнадцатилетний лейтенант Язов, прибывший на фронт летом 1942 года после окончания ускоренного курса пехотного училища (в последующем Московское высшее общевойсковое командное училище), водил бойцов своего взвода в учебные атаки. В тылу, в двух-трех километрах от передовой, выбирал участок, похожий на местность в полосе ожидаемого наступления полка. И там работали до седьмого пота, учились метко стрелять, надежно окапываться, точно бросать гранаты, быстро резать колючую проволоку.

Служили во взводе бойцы за 40, даже за 50 лет. Ударяло по самолюбию молодого офицера словечко «сынок» при обращении к нему некоторых подчиненных. Но уже вскоре музыкой для его слуха зазвучало всеобщее подчеркнуто уважительное «товарищ лейтенант». Уважение – за то, что трудился больше всех, что поверили воины в его командирское умение. И еще… Всегда находил лейтенант Язов время, чтобы помочь тому или иному солдату письмо домой написать, прочитать бойцам сводку Совинформбюро.

Словно с родными встретился с ними, вернувшись из эвакогоспиталя, где пролежал два месяца после ранения и контузии. В полку узнал горестную весть: погиб его земляк и однокашник по училищу Костя Соловьев. Лейтенант Язов принял 9-ю роту 483-го стрелкового полка – роту своего друга.

К концу 1942 года в полк поступил новый Боевой устав пехоты (БУП-42), вобравший в себя опыт первых месяцев войны. Многие статьи устава, особенно те, что касались обязанностей командира роты, Д. Т. Язов и сейчас цитирует наизусть. Не потому ли они так запомнились, что схвачены не на лету, а выстраданы, усвоены в окопах в то пропахшее порохом лихолетье, когда выполнение или невыполнение устава означало победу или поражение, жизнь или смерть.

О фронтовых делах Д. Т. Язова, о его службе в последующие годы рассказывалось в очерке «Родом из Язово», который был опубликован в «Красной звезде» в апреле 1985 года.

Село Язово Оканешниковского района Омской области – родина Дмитрия Тимофеевича. Все, кто знает его, могут подтвердить, с какими добрыми чувствами он воспринимает все, что связано с его родными краями, с земляками. Хорошо известна также его добропорядочность как сына. На посту министра обороны СССР Дмитрий Тимофеевич фактически ни разу не пользовался отпуском длиннее двух недель, работая ежедневно

не менее двенадцати часов. И вот при такой загруженности он хоть раз в год находил возможность навестить маму Марию Федосеевну, жившую в Омске.

Мне не раз доводилось быть участником встреч Д. Т. Язова как с людьми военными, так и гражданскими – с творческой интеллигенцией, представителями движения солдатских матерей, в том числе и в бытность его министром обороны СССР (1987–1991 гг.). Не было случая, чтобы он не сумел установить контакта с аудиторией. С исчерпывающей, подкупающей откровенностью, аргументированностью министр отвечал на самые острые вопросы. Покоряла его эрудиция буквально во всех сферах человеческой деятельности, особенно в области отечественной истории, литературы. Нередко аудитория по нескольку раз выражала Дмитрию Тимофеевичу признательность аплодисментами – за меткий афоризм, естественно вписывающийся в разговор, за яркий литературный образ.

А вот что написала в редакцию «Красной звезды» после публикации в ней очерка о Д. Т. Язове Анна Ивановна Махова из Новочеркасска:

«Я была председателем женсовета одной из частей в Даурии. Помню, 9 Мая собрались мы семьями в Доме офицеров. Об этом, очевидно, узнал Дмитрий Тимофеевич. Приехал, входит – высокий, подтянутый. Поздравил с праздником, сказал проникновенные слова о нашей Великой Победе, прочитал стихи А. Твардовского о войне. Светлые воспоминания оставила та встреча, как и вся наша служба вместе с генералом Язовым. Наш генерал и видом, и строгостью, и человечностью был на все 100 процентов».

Кому-то, возможно, эти свидетельства покажутся не самыми убедительными, пристрастными: мол, вместе служили…

Но вот еще одно мнение: «И я, и моя жена находимся под глубоким впечатлением от общения с этим человеком. Министр Язов – это человек с большим военным, профессиональным опытом и знаниями, человек, который предан своему народу и государству. Он участник Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, как вы называете ее, а мы, представители моего поколения, можем многому поучиться у людей того поколения, которое представляет министр Язов…

Моя жена поражена его начитанностью, знанием литературы, не только русской, но и английской, американской…»

Эти строки из интервью бывшего министра обороны США, в последующем вице-президента Р. Чейни, во время его визита в СССР в октябре 1990 года.

Армейская биография Д. Т. Язова богата событиями, в ходе

которых ему приходилось держать суровые экзамены на мужество и прочность. В 1962–1963 гг. весь период Карибского кризиса со своим мотострелковым полком он на Кубе. Можно сказать, что находился на самом острие сложнейшего политического конфликта.

Будучи командующим войсками Среднеазиатского военного округа, неоднократно бывал в Афганистане, где в составе 40-й армии сражались части и соединения округа.

Вместе с главой правительства страны Николаем Ивановичем Рыжковым министр обороны СССР Д. Т. Язов в декабре 1988 – январе 1989 года полтора месяца безвыездно провел в Армении, занимаясь ликвидацией последствий сильнейшего землетрясения. Можно не сомневаться: то, что сделала там под его непосредственным руководством армия, навеки останется в памяти армянского народа. По существу военные взяли на себя все заботы о населении. Огромный опыт, сила воли, организаторские способности, высокие человеческие качества позволили Дмитрию Тимофеевичу в тех невероятно сложных условиях справиться с ситуацией и сделать все возможное для помощи пострадавшему населению.

Трудно переоценить результаты общественной работы, в которой все последние годы активно участвует Д. Т. Язов, в том числе в Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил «Мегапир». Дмитрий Тимофеевич – член совета директоров ассоциации, возглавляет действующее в ее рамках Офицерское собрание, призвание которого – сохранение и популяризация лучших офицерских традиций, накопленных за многие годы существования Вооруженных Сил Российского государства.

Маршал по-прежнему частый гость в войсках. Только за последние несколько лет он не один раз побывал в Северо-Кавказском, Приволжско-Уральском, Московском, Ленинградском, Сибирском и Дальневосточном военных округах, где встречался с руководителями регионов, ветеранами армии и флота, личным составом частей, членами семей военнослужащих.

Активность жизненной позиции Д. Т. Язова убедительно подтверждается и тем фактом, что из-под его пера вышли замечательные книги, в том числе «Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала», выдержавшая уже четыре издания, и «Карибский кризис. 40 лет спустя». А совсем недавно в издательстве «Молодая гвардия» увидела свет книга «Маршал Соколов» – о патриархе военной службы, предшественнике Дмитрия Тимофеевича на посту министра обороны СССР С. Л. Соколове, отметившего 1 июля текущего года 98-летие.

Доподлинно известно, что все книги, от строчки до строчки, автор написал сам, не прибегая к помощи «литзаписчиков». Мне приходилось слышать добрые отзывы о книге «Удары судьбы», в частности, от известного писателя Героя Советского Союза Владимира Карпова, легендарного конструктора-оружейника М. Т. Калашникова. В письме автору Михаил Тимофеевич написал: «Ничуть не сомневаюсь в том, что ваша книга… займет достойное место в ряду многих других произведений, пропагандирующих идеалы патриотизма и верного служения своему Отечеству».

А вчера в Общественной палате РФ прошла встреча ветеранов Великой Отечественной войны с молодежью и представителями средств массовой информации, в рамках которой состоялась презентация только что выпущенной книги «Выдающийся полководец Второй мировой», посвященной Георгию Константиновичу Жукову. Книгу, где рассказывается в том числе и о малоизвестных страницах биографии великого полководца, представил участникам встречи председатель Совета Офицерского собрания Национальной ассоциации объединений офицеров запаса «Мегапир» Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов, под редакцией которого данное издание и увидело свет.

«ГКЧП клеймят, будто мы виноваты, что Россия стала страной миллиардеров и нищих» [14]

Дмитрий Тимофеевич Язов 20 лет назад был среди тех, на кого позже поставили штамп: «гэкачписты».

По его приказу в Москву в августе 1991-го ввели войска. 86-летний маршал не дает интервью, но для «КП» сделал исключение. Дмитрий Язов и военный обозреватель «Комсомолки» Виктор Баранец в телестудии «КП» вспомнили дни путча.

Заточили в монастырь

Виктор Баранец (В. Б.): – *Дмитрий Тимофеевич, когда вы поняли, что вас арестуют?*

Дмитрий ЯЗОВ (Д. Я.): – Когда мы прилетели, чтобы вернуть Горбачева из Фороса, за нами с той же целью прилетела делегация от Ельцина. И под видом якобы поговорить Силаев, премьер РСФСР, и Бакатин, этот «великий кагэбэшник», разъединили нас с Крючковым, усадили его в свой самолет. Я знал, что во «Внуково» что-то будет. Подъезжаю, смотрю. Много людей. Бегают и суетятся. Я говорю охраннику – полковнику Акимову: вот и подоспели к аресту. Он удивился, ему передали, что меня Горбачев принимает завтра в 10 часов в Кремле. Я ему: это для отвода глаз. Подходят два крепыша. И идет Баранников – глава МВД РСФСР. Я сразу понял.

В. Б.: – *Он и арестовал?*

Д. Я.: – Он пригласил в зал, а там сидит Степанков, прокурор РСФСР: «Оружие есть?» Я говорю: «У меня нет, у охранника есть». Он: «Вы арестованы». Пригласили в машину, по бокам охранники. И поехали.

В. Б.: – *В «Матросскую Тишину»?*

Д. Я.: – Нет, повернули к озеру Сенеж. Я там оканчивал училище в 1942 году и оттуда на фронт уходил. Там были финские домики. Ведомство Баранникова. Завели каждого в отдельный домик. Меня, Крючкова… Дома неухоженные. Все скрипело.

Начинают допрос. Я говорю: а по какой статье вы меня

обвиняете? «По 64-й – «измена Родине». Как вы можете мне предъявлять такую статью, если я с 17 лет в армии? Всю войну прошел. Где изменил-то? «Это мы докажем». Не доказали. Измену Родине потом заменили на захват власти. И это не доказали.

Ну еще измерили расстояние, которое танки прошли по Москве, посчитали, какой вред дорожному покрытию – около 70 миллионов рублей.

В. Б.: – *А из домиков уже в «Матросскую Тишину»?*

Д. Я.: – В ту же ночь положил на тумбочку яблоко один майор из МВД: берите яблоко, сейчас выезжаем. Поехали. Уже светлеет. А я в кителе. Предложили плащ-накидку – закрыть погоны. Я: а зачем? Пусть увидят, что министр арестованный.

В итоге мы оказались в Кашине. Это в Тверской области городок. Там в старинном монастыре сделали тюрьму и нас туда спрятали. Взяли отпечатки пальцев.

Командир 32-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант на занятиях в танковом полку. Крым. 1972 год.

В. Б.: – *И там допрашивали?*

Д. Я.: – Выпытывали, кто «паровоз»? Кто какую роль играл. Я говорю: вы обратите внимание, Янаев – зам Горбачева, Павлов – председатель правительства. Все министры, секретари ЦК. Кого вы собираетесь обвинить в измене Родине? Все изменники, что ли? А через две ночи уже привезли в «Матросскую Тишину».

В монастыре меня одели уже в тюремную робу серого цвета. И дали такие штаны, что надо держать руками. Я говорю: вы дайте тогда мне что-то для поддержки штанов. Дали бинт,

подвязал я бинтом. Все так издевательски было. Вот с тобой что угодно, то и сделаем, мы – хозяева.

«Горбачев сказал, ему жалко только меня и Ахромеева, а я ему, что мне жалко Родину»

В. Б.: – *Дмитрий Тимофеевич, а зачем это все вообще было?*

Д. Я.: – Многие, наверное, уже забыли, что накануне ГКЧП был опубликован проект договора о Союзе суверенных государств. Опубликовали его в пятницу, когда все уехали на дачу. Ясно, что в эти дни никто его не будет читать. А в понедельник предстояло подписание договора. Что означало конец единого СССР. Группа политиков и офицеров поехала в Форос просить Горбачева ввести чрезвычайное положение, чтобы не подписывать договор. Но Горбачев покрыл всех матом. И махнул рукой – что хотите, то и делайте. Вот мы и сделали ГКЧП…

В. Б.: – *А танки зачем ввели? Для устрашения?*

Д. Я.: – Ни в коем случае! Никакого подавления. Только для охраны стратегических объектов. И против провокаций.

В. Б.: – *С чьей стороны?*

Д. Я.: – Ельцина и его сторонников. Они распускали слухи, например, что его самолет на вылете из Москвы мы якобы задержали, хотя он после тенниса был в бане и вылетел на 4 часа позже. И якобы хотели сбить его самолет. Никто и не думал об этом!

Никто не думал и «Белый дом» захватывать. Но они начали баррикады строить… Мне от Ельцина звонят – надо охрану к «Белому дому». Я говорю, что пошлю Лебедя, замкомандующего ВДВ, с одним батальоном. Лебедь по моему приказу зашел, доложил Ельцину, что дом охраняется. А распространили информацию, что батальон перешел на сторону Ельцина…

В. Б.: – *А почему армия за Ельциным пошла?*

Д. Я.: – К этому времени уже все зависели от элементарного – от денег. У Горбачева денег не было. Армию стал содержать Ельцин. И фигурой он был. По сравнению с Горбачевым. А Горбачев, когда пришел к власти, по-моему… уже не верил себе.

В. Б.: – *Членов ГКЧП обвиняют: они задумали путч, потому что при подписании Союзного договора теряли свои места.*

Д. Я.: – Чушь. Я не держался за должность – за год до этого я к Горбачеву пошел: Михаил Сергеевич, мне скоро 70 лет, 8 ноября 1991-го. Надо молодого назначить на министра обороны. Чтобы он хотя бы год поработал со мной, поездил бы. Ввели должность свободного зам. министра, назначили Ачалова. Я хотел осенью 1991 года сдать ему должность.

В. Б.: – *Считаете себя путчистом?*

Д. Я.: – Путча не было! Была попытка сохранить страну, которой присягали! Про нас много врут. Что разрабатывали планы полгода. Плана у нас тоже никакого не было. Была надежда, что Горбачев одумается.

В. Б.: – *А зачем врут?*

Д. Я.: – Чтобы не показать действительную жизнь народа. Мы-де виноваты, что сейчас кругом в России миллиардеры. И во сто крат больше нищих.

В. Б.: – *Вы с Горбачевым виделись после ГКЧП?*

Д. Я.: – Единственный раз, когда был суд над Варенниковым. Он сказал: мне тебя жаль и Ахромеева. А остальные – черт с ними! А я ему: а мне жаль Родину. Что ее потеряли. Он махнул рукой и ушел.

«Говорить, что войны не будет – это чепуха» [15]

А ведь их действительно почти не осталось, живых свидетелей Великой отечественной войны. Они умирают от ран, возраста, болезней, а, может, еще от того, что им трудно жить под флагом, который они в 45-м презрительно кидали вместе с немецкими штандартами к подножию мавзолея. Что делать, наш российский триколор – точная копия флага власовской армии. Горькая ирония судьбы – победители доживают свой век под развевающимися знаменами побежденных… Да разве им в страшном сне могло привидеться, что на обломках страны, которую они защитили собственной кровью, будут маршировать ветераны СС, как это сегодня происходит в Прибалтике, или на их такие редкие уже колонны в праздничные дни будут нападать последователи Степана Бандеры, как это происходит на Украине. Или какой-нибудь дебил из своих будет отпускать шутки вроде – сдались бы Гитлеру, пили бы сегодня немецкое пиво. И ведь не объяснишь ублюдку, что его-то в лучшем случае ждала участь материала для растопки… О чем думал, умирая, ветеран, которого веерные отключения тепла и электричества по-Чубайсу приморозили к стулу в одном из российских городов? Может быть, о том, что не повезло, не сложил свою голову где-нибудь под Москвой, Прагой или Берлином? И вот приходится умирать страшной смертью, забытым в спасенной им стране? Но даже если все плохо, одно, несомненно, хорошо – нашу Победу у нас уже никто и никогда не отнимет, и 9 Мая на Руси навсегда останется самым главным праздником важнее всех прочих религиозных и светских. Объяснение этому простое – другие праздники и празднователи существуют благодаря тому, что этот день, 9 Мая, в нашей истории был.

Дмитрий Тимофеевич Язов, последний министр обороны СССР, маршал, ветеран Великой войны, участник ГКЧП, человек, искренне пытавшийся спасти Красную империю, наш земляк, в свои 88 лет не утративший ясности ума, ироничности и точности оценок в эксклюзивном интервью «СуперОмску».

Вопрос: – *Как Вы оцениваете состояние современной российской армии?*

Дмитрий Язов: – Однозначно одним словом – хорошее или плохое, оценить состояние вооруженных сил России нельзя. Я

сошлюсь на Ленина, который в 1905 году по поводу потери Россией Порт-Артура писал, что войны, которые велись просто оружием, канули в вечность, сегодня войны ведутся народами. Правоту этого тезиса продемонстрировали мировые войны двадцатого века, в них участвовали целые народы. А новейшие события, например в Ливии, показали, что для начала войны в третьем тысячелетии агрессору даже не надо искать легитимный повод, жертве достаточно быть слабой. Так что говорить, что войны не будет – это чепуха. Война – это продолжение современной политики иными насильственными средствами. Вот у кого этих насильственных средств больше, тот и превалирует в мире. Цель проста – материальные блага. Так что войны нужно ожидать всегда. Как следствие необходима армия. Что касается России, то могут ли шестьдесят тысяч километров государственной границы защитить какое-то весьма небольшое количество армейских бригад? Современные войны ведутся высокотехнологичным оружием, можно ли его освоить солдату, который служит всего один год? Знаете, когда полк под моим командованием перебрасывали на Кубу, во время Карибского кризиса, то укомплектовывали исключительно солдатами второго и третьего года службы. Нужны были опытные солдаты.

Дмитрий Тимофеевич Язов

Вопрос: – *Сегодня много говорят о том, что необходимо заботиться о ветеранах? По-вашему мы, потомки, в полной мере проявляем эту заботу о людях, которые сделали возможным само существование нашей страны и нас?*

Дмитрий Язов: – Вы опоздали с этим разговором о

ветеранах. На весь бывший Советский союз ветеранов осталось меньше миллиона человек. Да и сейчас даже с учетом того, что их и не осталось практически, о них, в основном, только говорят, а надо заботиться. Вот я пошел в армию, на войну в семнадцать лет. И даже таких, как я, остались единицы, остальные вымерли. А ветераны сегодня – это в основном те, кто практически и не воевали. Ветеранов труда у нас много, а вот фронтовиков – нет. Пересмотреть бы надо эту систему обслуживания ветеранов.

Вопрос: – *Так, может быть, эту помощь ветеранам усилить местным властям, губернаторам, мэрам?*

Дмитрий Язов: – Знаете, каждый регион имеет свои особенности. Огромное число регионов в России дотируются из федерального центра. Ну, чего они могут сделать, чтобы по-настоящему помочь ветеранам? Ведь и богатые регионы тоже зачастую дают ветеранам в основном грамоты. Ветеран и говорит, я знаю, что с этой грамотой делать…

Вопрос: – *Сегодня слово патриотизм перестало быть ругательным, что необходимо сделать, чтобы не только слово, но и само это понятие вернулось в нашу жизнь?*

Дмитрий Язов: – Воспитывать детей нужно. Готовить их нужно к защите Родины. Но как это будут делать люди, которые в основном читают Чейза? Чего можно почерпнуть-то из этой литературы? Шолохова нужно читать. Вот где истинные герои. Плохо только, что интерес к деньгам не уживается как-то с интересом к героям.

Вопрос: – *Чтобы Вы могли пожелать ветеранам и всем нам в День Победы?*

Дмитрий Язов: – Ветеранам я бы пожелал гордости за нашу Победу! Здоровья, счастья, благоденствия! А тем ветеранам, которых уже нет с нами, и всем остальным гражданам России я бы пожелал памяти!

Сталин о роли русского народа в победе [16]

Как высказался на портале один умный человек, величие фигуры Сталина таково, что он вовсе не нуждается в защите от «историков» типа Млечина, Сванидзе или Познера.

И все же в преддверие великой Победы нужно снова и снова говорить слова правды.

Особенно, когда телевидение занимает враждебную позицию по отношению к советской истории, Советскому Союзу, его героической Красной Армии, стремясь всячески принизить нашу роль в разгроме фашизма и преувеличить роль США. А «отмодернизированная» школа растит из подрастающего поколения иванов, не помнящих родства.

Об этом, в частности, я разговаривал на днях с последним министром обороны СССР Маршалом Советского Союза фронтовиком Дмитрием Тимофеевичем Язовым.

Коснулись и темы, затрагивать которую всячески избегают официальные СМИ – о роли русского народа в общей Победе над врагом. Этот фрагмент интервью я и хочу сегодня привести.

– Каждый раз накануне очередной годовщины нашей Победы из щелей вылезают разного рода «историки», которые пытаются принизить роль Советского Союза и товарища Сталина в организации отпора гитлеровской Германии и Победы советского народа в Великой Отечественной войне, – усмехнулся Дмитрий Тимофеевич. – Но отрывать Сталина от Великой Победы – это значит просто злобствовать на нее.

Приведу цифры, которые сегодня не афишируются. За годы войны при численности РСФСР чуть более 100 миллионов человек на службу в Вооруженные силы и восполнение потерь было призвано почти 22 миллиона, то есть около 20 % населения республики. На долю России пришлось и наибольшее число мобилизованных солдат и офицеров, молодых призывников, невоеннообязанных женщин и граждан свыше 50 лет. Это 63,2 % от общего числа призванных из всех союзных республик.

О чем это говорит? Да том, что именно русский народ вынес на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны. Не случайно на торжественном приеме 24 июня 1945 года грузин Сталин произнес тост за русский народ.

Дмитрий Тимофеевич, который по-отечески называет меня на «ты», достал из стола книгу мемуаров, прочел текст тоста и

сказал: «Опубликуй где-нибудь». Вот эта сталинская здравица:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода.

Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое Правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.

Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!».

Интересно все же, скажет ли об этом в победные майские дни наше замечательное телевидение, которое так любит правду?

Последний маршал СССР Язов оценил реформы Горбачева, Сердюкова И Шойгу [17]

Почему экс-министр обороны отложил на год 90-летний юбилей?

Бывший министр обороны и политзаключенный, последний маршал Советского Союза Дмитрий Язов 8 ноября мог бы отметить 90-летний юбилей. Но отпразднует всего-навсего 89-летие – скромно, на работе. И всему виной «Матросская тишина», которая отняла у него год жизни. О загадках своей биографии и причудах военной реформы Дмитрий Тимофеевич рассказал «МК». Причем встречу он назначил у себя на работе – в Генштабе!

– Я, когда пошел в армию, приписал себе год. Сказал, что родился в 1923 году. Шел 1941-й), я думал, что немцев разобьют очень быстро и боялся не успеть повоевать. Со мной на фронт пошли еще двое одноклассников, мы решили не заканчивать 10 класс… Если бы не было ГКЧП, то, наверное, справлял бы 90-летний юбилей в этом году. Но в 1991 году меня арестовали, посадили в «Матросскую тишину», стали обвинять в измене Родине. Говорю: это я изменник? Я с 17 лет на фронте! Они отвечают: «Как с семнадцати? Вам 18 было».

Они пытались унизить, доказать, что я не только изменник, а еще и врун. Предлагаю следователю проверить. Я же крещеный, а значит кто-то это записал, есть какая-то поповская грамота. Посылают запрос в Омск, потом говорят: «Что же вы нас обманываете, в Омске никаких материалов нет». Вот уровень знания географии у органов! Объясняю, что когда я родился – не было Омской области. Был Западно-Сибирский край со столицей в Новосибирске. Послали запрос туда и месяца через два возвращают ксерокс с этой грамоты, где указаны отец, мать и я, рожденный 8 ноября 1924 года. Метрику мне поменяли. В «Матросской тишине» меня продержали полтора года, и там я помолодел на год.

– Когда создавался ГКЧП, вы предполагали, что дело может закончиться вашим арестом?

– Не думал об этом. Все было немножко не так, как все сейчас себе представляют.

Мне кажется, первым все просчитал Горбачев. 3 августа 1991

года он собрал всех и сказал: «Я уезжаю в отпуск, но вы смотрите, обстановка довольно серьезная. Если что – придется вводить чрезвычайное положение». В этот период Ельцин объявил, что законы и указы президента России выше союзных законов. Из этого следует, что сколько Ельцин захочет перечислить денег в союзный бюджет – столько он и перечислит. Или вообще ничего не даст. Его примеру следуют другие лидеры республик. Председатель правительства Павлов был финансистом и прекрасно понял, что августовскую зарплату бюджетникам платить будет нечем. Янаев, который остался за Горбачева, Павлов, почти все министры пытались дозвониться Горбачеву в Форос. Он не отвечал. Потом говорили, что у него нет связи. Все было! Приняли решение лететь к нему и просить ввести чрезвычайное положение, чтобы поставить Ельцина и других региональных лидеров на свое место. Я не ездил потому, что кто-то должен сторожить в Москве ядерный чемоданчик. Горбачев возмутился, что к нему приехали без приглашения, долго никого не принимал. Потом встретил, сказал, что болен: радикулит. Никаких распоряжений не дал и отправил делегацию восвояси. Но добавил: «Вы, заговорщики, все равно без меня все делаете. Ну и делайте, что хотите».

Когда они вернулись в Москву, мы собрались и решили ввести чрезвычайное положение, но чтобы один человек не отвечал за все – создать госкомитет – ГКЧП. Мне было поручено ввести в Москву войска для охраны Кремля, водоканала, телевидения и т. д. Телецентр-то я под охрану взял, но никто из тех, кто должен был выступить по телевидению, туда не пришел. Никто не объяснил, что в марте был референдум, на котором народ подавляющим большинством (76,6 %) решил сохранить СССР. Основным законом для любого начальника является воля народа и мы просто выполняем его волю! Ельцин в это время был в Алма-Ате, играл в теннис с Назарбаевым. Потом он говорил, что специально тянул время, не двигался в Москву и ждал ночи, чтобы его самолет не сбили. Он, наверно, не знает, что ночью самолет сбить проще, чем днем. Никто не собирался его ни сбивать, ни встречать в аэропорту.

Я не знал, что дальше делать. Решил лететь к Горбачеву сам, Бог с ним, с чемоданчиком. Мы отправились на его самолете, чтобы в случае удачного разговора везти его в Москву, но параллельно с нами на другом борту вылетели Руцкой и другие люди из команды Ельцина. По телефону Михаил Сергеевич узнал, что к нему летят 2 самолета. Он нас не принял, а их принял. Тогда я понял, что по возвращении в Москву буду арестован. В Москве, в Кремле мой охранник, полковник КГБ, говорит: «Завтра

утром вас снимут». Отвечаю: «Нет, сегодня меня арестуют». И действительно, подходит Баранников (председатель КГБ РСФСР), просит пройти с ним к Степанкову (генпрокурору РСФСР), тот предлагает сдать оружие. Я говорю: «Оружия нет, арестовывайте». «А откуда вы знаете, что арестую»? «Предвидел».

– Как прошло заключение, чем занимались после освобождения?

– В тюрьме я стал писать книгу, когда вышел – пошел к Проханову, показал. Он сказал: «Хорошая книга», дописывай. Дописал, нашел деньги на издание, потом покупателей на тираж. Книга называлась «Удары судьбы». У меня их много было. В 9 лет умер отец, потом война, в 47 году родилась дочка, а в 49-ом упала в кипяток, сварилась. Умерла жена, сын умер, внук погиб… Да еще и эта тюрьма.

После издания книги я пошел в Минобороны, Леонид Ивашов был начальником управления международных отношений, а начальником Генштаба – Квашнин. Мы были хорошо знакомы, они предложили мне работу. Потом сменился начальник управления, новый боялся работать с ГКЧПистом, ну ничего страшного: я перешел в другое управление. Много ездил по стране, выступал перед ветеранами. О Ельцине ничего плохого не говорил, считал: в интересах России не нужно говорить, что все плохо. Потом пошла информационная волна о том, что Жуков был плохим полководцем, неумелым, побеждающим только за счет большой крови, людей клал, не считая. Самая настоящая клевета. Мы создали комитет памяти Жукова, я стал его председателем. В общем, все эти годы чем-то помогал армии, связи с ней не терял, и теперь не теряю.

– Как вы оцениваете плоды современной военной реформы?

– Просто сказать, что при Сердюкове было плохо – мало. Он, не будучи осведомленным о том, что из себя представляют вооруженные силы, не думая сокращал и урезал все, что попало. У него был один вопрос: сколько это стоит? Превратил все мотострелковые дивизии в бригады, а десантные дивизии оставил дивизиями, когда нет самолетов даже на то, чтобы хоть один полк перебросить. На Дальнем Востоке было 30 дивизий, сейчас – 27 батальонов на 4 тысячи километров. Ходит шутка: китайцы создали разведывательную бригаду специально, чтобы искать: где там русские войска? Омскому училищу было 200 лет, еще во времена похода Александра на Париж создано – закрыли! И ни одного серьезного учения он не мог провести, только разгонял Генштаб, увольнял одного за другим.

Шойгу стал проводить учения, внезапные проверки.

Действительно внезапные: никто не ожидал на днях, что когда министр обороны находится в Японии, будет дан старт ракетам. Становится хотя бы понятно, на что способны ракетные войска и артиллерия. Уровень боевой готовности за год хорошо подкрутили.

– Наш разговор проходит в вашем кабинете в Генштабе. Каков круг ваших обязанностей?

– Я являюсь аналитиком и главным инспектором Министерства обороны. Мне ставят задачи – решаю их. У меня хороший опыт, я ни одной военной ступеньки не пропустил: командовал взводом, ротой в войну, батальоном, полком, с которым ходил на Кубу, дивизией, корпусом, армией, военным округом, потом был министром.

– Министром хорошим были?

– Я был назначен в период, когда шло бездумное уничтожение ракет, сокращение, а все стратегические решения были уже приняты до меня. Вы же понимаете, что немецкий летчик Руст не просто так сел на Красную площадь. Он нигде не работал, отец ему ни копейки не давал, но откуда-то нашлись средства на переоборудование самолета под дальний перелет и топливо, почему-то ему дали сделать посадку в Финляндии.

А наша ПВО его вела до Москвы, потому что после истории со сбитым южно-корейским лайнером получила распоряжение гражданские самолеты не сбивать. Все это было приурочено к тому, чтобы освободить от должности министра обороны Сергея Соколова. Соколов и Ахромеев начали досаждать Горбачеву тем, что говорили: не нужно уничтожать ракеты такими темпами и в таком широком ассортименте. Когда Руст сел, я был руководителем Главного управления кадров. Соколов сразу понял, что его во всем обвинят, вызвал меня, дал указание на следующее утро быть в политбюро с документами на командующих ПВО и округов, над которыми пролетел немец, и на него самого.

Горбачев никого не слушал, говорил с генералами и маршалами, героями Советского союза на «ты», сыпал упреками: «Позор, унижение, надо разобраться». Соколов принял удар на себя, сказав, что уже больше 50 лет в армии и готов к любым решениям. Горбачев попросил всех военных выйти, а минут через 30 вызвал меня и сообщил: «Мы решили назначить вас министром обороны».

А я только 4 месяца назад в Москву с Дальнего Востока перевелся, ничего не еще не знаю, в центральном аппарате не

начал как следует ориентироваться, мне не знакома система оборонных заказов… Поэтому без всякой хитрости говорю: «Михаил Сергеевич, это невозможно, я не готов». Отвечает: «Сутки тебе на подготовку, утром будет опубликован указ». И уже на другой день генсек взял быка за рога: стал требовать от меня предложений по сокращению армии. Она тогда насчитывала 5,2 миллиона человек.

Я приказал собрать командующих округов, флотов, ПВО, поговорил со всеми вместе и с каждым по отдельности. И оказалось, что почти 1,5 миллиона военнослужащих выполняют не военные функции, а работают на гражданку: строят, обслуживают химическую промышленность, на которую не идут гражданские, прокладывают железные дороги, растят рис. Пришел докладывать к Горбачеву. Сообщаю, что «рисовые дивизии», с точки зрения обороноспособности, вполне можно сократить. «Нет, – говорит. – Их трогать нельзя: экономика пострадает. Вы думайте, думайте, кого сокращать»… Мы стали объединять округа, армии делать корпусами, 500 тысяч человек сократили. Он стал требовать сократить ракетчиков. Но ликвидация ракет – дело хлопотное, оно требует увеличения штатов, а не сокращения, требует строительства специализированных вагонов для транспортировки к месту утилизации. То есть ухудшение обороноспособности стоило огромных денег…

Он держал в руках ядерный чемоданчик

Дмитрий Язов о Сталине, Ельцине и Горбачеве[18]

Дмитрий Язов – последний маршал Советского Союза. Его жизнь вобрала в себя все земные грани и срезы. Атаки в полный рост, резкие взлеты и отвесные падения. Он держал в руках пресловутый советский ядерный чемоданчик, сидел в тюрьме, прошел суд земной и исторический. Он по-прежнему ровно держит спину и смотрит жизни не просто в глаза – в зрачки.

Первый расстрел

Детство мое было очень недолгим, отец умер в 1934 году, когда мне было девять лет, беззаботное время сразу и кончилось, нас у матери осталась лесенка из четверых детей.

Как сейчас помню, мать говорит: ты стал главный в семье мужик, надо сделать так, чтобы у нас на зиму были дрова. Я на бычке ездил, собирал ветки, хворост, и к зиме у нас почти полная погрёбка оказалась хвороста.

Я учился вообще хорошо. Но по доброй воле год просидел в 4-м классе, надо было ехать учиться в другой поселок, у нас-то школа четырехлетка, а у меня даже рубахи нормальной не было.

1941 год, я перешел в 10-й класс, а тут война. Про себя думаю: как же так? У нас такая Красная Армия мощная, сильная, разобьет фашистов, мы даже повоевать не успеем, пострелять. Пошли в военкомат. Раз пришли, нас выпроводили, второй раз. А потом более-менее начали относиться, – тебе сколько лет? Я в шутку говорю – 18 уже. О, хорошо. И нас набрали 6 человек и направили в воинскую часть. Таким образом, я оказался в училище Верховного Совета в Новосибирске, оно там было в эвакуации. 28 ноября 1941 года принял присягу.

А 17 июля 1942 года вышел приказ о присвоении нам лейтенантского звания, и вперед, на фронт.

А мне не было еще и 18, я родился 8 ноября 1924 года. Было 17,5 лет. Наш батальон отправили на Волховский фронт. Помню, что по настилу бревенчатому, по болотам шли километров 50. Приходим на поляну в лесу, стоит человек 400 офицеров. Нас с левого фланга пристроили, понятия не имею, зачем, что.

Смотрим, ведут младшего лейтенанта без ремня, без пилотки, зачуханного. Идет командир дивизии, начальник политотдела, председатель трибунала, прокурор. Зачитывает решение: за трусость расстрелять. На наших глазах расстреляли. В болоте, в жиже в этой, вырыли что-то вроде могилы, и в затылок ему, он упал.

Ощущение было жуткое, между собой переглянулись, все поняли. Это уже было когда вышел приказ Сталина о дезертирах и трусах. И, видимо, используя ситуацию, нам продемонстрировали этот приказ в действии. Тот младший лейтенант командовал взводом, немцы перешли в наступление. Он убежал. А взвод отразил эту атаку, его поймали в тылу, где он болтался. За трусость расстреляли.

Тогда мне казалось, что это жестоко, сейчас думаю, что это было необходимо. Какой же ты командир, когда взвод бросил?

Вся беда в том, что очень многие считают: у нас земли много, можно и поотступать. Пока так считали, немцы стали подходить к самому Сталинграду. Или мы поймем необходимость строжайшего соблюдения выполнения приказа, или загубим нашу страну и государство. Так серьезно был поставлен вопрос. Помните «Они сражались за Родину» Шолохова? Туда-сюда, сходим к бабам и прочее. Чтобы была строжайшая дисциплина, были созданы штрафные батальоны и штрафные роты. Некоторые говорят: вот штрафники победили. Ничего они не победили, ни в кого они не стреляли. Но каждый, кто подумает отступать, знали, что туда попасть могут. Штрафные роты в армии действовали. Штрафники на самом ответственном участке или оборонялись, или наступали. Туда призывали уголовников из тюрем. Кто добился выполнения первого приказа – все, снимали судимость, и жизнь можно было начать с чистого листа.

Линзы глубинные

Мне война никогда не снилась. Обычно во сне видишь то, о чем недавно говорили, что-то такое недалекое свершилось.

Я в армии с 17 лет, а матом ругаться так и не научился. Считаю, мат хорош в колхозе.

Ко мне во сне только мать иногда приходит, с матерью у человека самая прочная пуповина. У меня не было такого, чтобы я во сне видел фронт. Наяву, сейчас с вами говоря, я очень многие моменты помню.

Помню, как расстреляли младшего лейтенанта. Как снаряд попал прямо в солдата. Стоял солдат, и его нет. Грудная клетка, а

оттуда пар идет. Ни рук, ни ног. Просто грудная клетка. И пар… Голова в стороне. Пошли, собрали все останки и там же похоронили.

Хорошо Юлия Друнина сказала: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Когда на тебя наведен пистолет, вроде страшно, вроде не страшно. Создается впечатление, что будь что будет. Когда ты идешь в атаку, когда огневые точки не подавлены и ты чувствуешь – будь что будет. Страшно, пока ты думаешь, что вот надо подняться в полный рост и повести за собой в атаку. Очень страшно. А как вскочил, то тут уже ни до чего.

Нам, молодым пацанам, было легче, а 50-летних солдат поднимали матом.

Я-то не мог ругаться. Веришь, с 17 лет в армии, а матом ругаться так и не научился, считаю, что мат хорош в колхозе, когда быки не слушаются. А с людьми нельзя.

Я был пацан по сравнению с теми солдатами, которые пришли по Ладожскому озеру из осажденного Ленинграда, с опухшими от голода лицами. Интересная деталь: эти пожилые солдаты никогда не бросали свои вещмешки. Я как-то попытался посмотреть, а что там в этом мешке. Какие-то голенища от сапог, подметки, какая-то тряпка. Зачем тебе это? А он говорит: а вдруг меня ранят. И я поеду домой, а это все пригодится. Человек и в том аду о доме думал.

Вот писатель Виктор Астафьев очень черно писал о войне, надрывно я бы сказал. Знаете, Астафьев в полный рост в атаку не ходил. Он всего-навсего был связистом.

Виктор Петрович был талантливейший человек. Он мог так описать, как из зернышка растет какой-то колосок, какая травка пробивается. Сильный литературный талант. Но в то же время там, где что-то касается главного, у него все плохо: плохой командир, плохие руководители, плохая идеология. Все дело в человеческом восприятии мира, у каждого оно свое. Причины в наших внутренних линзах глубинных…

Хрущев

Хрущев… У меня до сих пор хранится его доклад на XX съезде партии. Там солирует обиженный скворец Хрущева.

Сталин плохо руководил армией, Сталин по глобусу разрабатывал операции. Как можно в это поверить? Но не историк поверит, миллионы и верили. У Хрущева была глубокая личная обида на Сталина из-за погибшего на фронте старшего сына

Леонида.

Где погиб, как погиб? Нам никто не говорил об этом. Но некоторые товарищи официально написали, что он погиб в партизанском отряде, расстреляли его за то, что перелетел к немцам. Сколько бы ни искали, где мог упасть самолет, который пилотировал Леонид Хрущев, не нашли нигде ничего. Но куда делся этот самолет? Не могли же не знать, куда он полетел, с какой задачей. Где упал, ничего не нашли, и до сих пор никто ничего не знает.

Хрущев обратился к Сталину: спасите сына. А он его спрашивает: «Вы как отец ко мне обращаетесь или как член Политбюро?»

– Как отец, товарищ Сталин.

– А что я другим отцам скажу?

Эта информация достоверная, будучи министром обороны, я читал интересные документы.

Ельцин

Почему Ельцин, секретарь Свердловского областного комитета партии, вдруг стал лидером? Главной его движущей силой была обида. Горбачеву надо было это понять. Секретарь Московского городского комитета партии, руководитель самой большой партийной организации, ходит в кандидатах политбюро, а Александр Яковлев ходит в членах политбюро. Обидно было ему, это было заметно. Я с ним на всех приемах сидел рядом.

Вот он тогда, когда Горбачев начал говорить о том, что мы делаем то-то и то-то – он выступил: ничего вы не делаете! Плохо отозвался обо всем, что делается. Вся буза и началась с этого.

Все начинается с личных обид, с амбиций каких-то внутренних, в душе у каждого из нас есть скворечник, и как скворцы напоют, так и выходит.

Спецсвязь с чемоданчиком

Говорите, стул у меня деревянный, неудобный, с низкой спинкой. Нормальный стул. Я сибиряк, привык довольствоваться малым. У меня в детстве самая парадная рубаха была сшита из вафельного полотенца.

Как Маяковский говорил: нравлюсь я своей жене, и то довольный донельзя. Что это дает, богатство?

Люди, которые ни с того ни сего разбогатели за счет

присвоенного чужого имущества, государственного имущества, государственной земли – они же пустые внутри. Вот он ходит – пуп земли. Кто он? Завтра сменись власть, как в «Свадьбе в Малиновке», эти присвоенцы будут менять буденовку на что-то другое. Как может человек заработать миллиард? Для меня это космос.

Он должен что-то присвоить. Или чужие богатства, или чужой труд. Вы говорите, коммунизм не авторитетен. А что-нибудь изменилось? Как капиталисты присваивали чужой труд, так и присваивают. Как Маркс это назвал? Прибавочная стоимость.

Я когда был министром обороны СССР, то не хотел, чтобы у меня была охрана, машина «ЗИЛ» мне тоже не нужна была. Но без нее нельзя, только «ЗИЛ» был оборудован спецсвязью, по грибы поеду, а за мной ходит офицер спецсвязи с чемоданчиком. По-человечески мне это было тягостно, но должность обязывала.

У меня на кителе висит 11 орденов наших, штук 20 медалей, с десяток иностранных орденов. Их физически носить тяжело, я нигде с орденами не хожу, только на парадах, когда ездил, был в орденах. А так я даже китель никогда не вытаскиваю из шкафа. Звезду маршальскую только надеваю, и все.

Какая пенсия у маршала Советского Союза? – 60 тысяч. Мы живем вдвоем с женой, нам хватает.

Руконеподаваемое время

Есть ли у меня люди, которым не подам руки? Есть. Те, кто стране изменил. Паше Грачеву не подавал. У него многое было на цинизме замешано. Сегодня время какое-то руконеподаваемое.

Поймите, ГКЧП вводил войска не для какой-то победы над каким-то народом, а ввели просто для охраны университета, водоканала, Гохрана. Ситуация в стране была аховая – армии нечем было платить. Все, кто на госбюджете, должны были лапки поднять. Вот к чему все шло. И мы поехали к Горбачеву, чтобы он ввел чрезвычайное положение для того, чтобы привести все в норму. Но он нас не принял, думал, что Америка деньги даст. В поддавки он играл с Америкой, в поддавки. Им надо добиться, чтобы у нас не было ракет. Чего боятся американцы? Что мы пустим на них ракеты. Всё. А больше им ничего не страшно.

Знаете, почему ГКЧП проиграл? Честно скажу, потому что надо с народом было работать. А думали, что вот танки ввели и все.

Моя совесть чиста, я не заартачился перед своим народом, хотя я имел, так сказать, возможность. Силы-то были у нас. Мне

предлагали занять все аэродромы воздушно-десантными войсками. Ничего не стоило отдать команду, и всё. Но к чему бы это привело? Только к крови. Во имя чего? Ради того, что мне свою шкуру жалко?

Я ею никогда не дорожил. Надо быть выше своих амбиций. Это порой непросто, но можно. Уж поверьте.

Что я чувствовал после ареста? Вчера был в руках ядерный чемоданчик самой большой страны мира, а сегодня тюремная камера. Не хочу говорить. Все пережито уже. Отболело. Больше всего переживал за мать-старуху, ей тогда было 88 лет. Остальные мои близкие все были моложе, а значит, сильней.

О пенсии и тряпках

Какая пенсия у маршала Советского Союза?

Примерно 60 тысяч. Мы вдвоем живем с женой, хватает.

Когда-то у меня была роскошная квартира, я жил под Горбачевым, он на 4-м этаже, я на 3-м. Квартира большая, красивая, один обеденный зал 80 кв. метров, 5 комнат. В 1991 году, как только меня посадили, пришли к моей жене и попросили освободить квартиру, а Горбачев свою квартиру разделил на две части – дочке и внучкам устроил квартиры.

Когда я сидел в тюрьме, Лужков дал супруге моей 3-комнатную квартиру, вот в ней и живем. Всем довольны.

Моя жизнь подходит к 90 годам, но я так и не понял, зачем человеку все эти тряпки, камушки драгоценные. Мы же рабами всего этого становимся.

«Настанет миг, умчимся без следов»

Откуда у меня любовь к поэзии? Я всегда тянулся к знаниям, к образованности. Видно, оттого, что в детстве всего этого недополучил. Зачитывался Пушкиным, Лермонтовым, Маяковским.

Отмечали как-то одному человеку день рождения, на котором Вася Лановой читал Пушкина, блестяще читал. Потом говорит, ох, дальше не могу, забыл. А я продолжил читать без разбора, от Руссо до Мандзони.

Еще и сегодня могу лермонтовский «Маскарад» рассказывать.

Обожаю поэму «Кому на Руси жить хорошо» – там просто музыка народная «О, тени, тени черные, кого вы ни догоните, кого ни перегоните, но только тени черные нельзя поймать-

обнять». Это же душа нашего народа.

Дмитрий Тимофеевич Язов

Счастье? Это – миг, мгновение. Нет розы без шипов, что сердце жаждало… настанет час, умчимся без следов.

Я и в Бога верить так и не научился. Моя мать была верующая, все время молилась Богу. Первый муж умер – тут умирает ее сестра. Нас четверо, и там четверо. Она всем стала матерью, все на себе тащила. На нее все время несчастья сыпались, а она все время молилась, потом перестала молиться и сказала мне, что никакого Бога нет.

Друг?

Настоящим другом моим была моя первая жена. Я с ней мог поделиться всем без исключения. Вот так сошлось, что стала и женой, и другом. А друг в полном смысле этого слова случается в жизни раз или не случается вообще.

Давно уже ни о чем не мечтаю. Как и все, здоровья хочу, чтобы не быть никому обузой. На тот год мне 90 исполнится. На тот, а не на этот, как журналисты писали. Видно, хотели звонко сказать, а то вдруг старик не доживет.

Слезы?

Я плачу только от радости. Могу увидеть что-то красивое и заплакать. И не стесняюсь этого. Ведь плакать от радости – куда лучше, чем от слабости.

notes

Примечания

1

Галина Кускова. «Русская народная линия», 18.04.2015.

2

Игорь Елков, Юрий Гаврилов, Михаил Фалалеев. Российская газета. Федеральный выпуск № 6527 (255) от 10 ноября 2014.

3

Лев Сирин. «Фонтанка. ру», 11.05.2010.

4

Дмитрий Гордон. «Бульвар Гордона», № 32 (172), № 33 (173).

5

Владимир Мухин. «Независимая газета» – Военное обозрение, 30.04.2010.

Василий Изгаршев. Правда.ру.

7

Александр Головенко. Всероссийская социалистическая народная партия «Отчизна», 08.05.2013.

8

Роман Шкурлатов. Информационный портал «Офицеры России».

Сергей Серафимович. Культура, 13.08.2014.

10

Александр Гамов. «Комсомольская правда», 8.05.2014.

11

Владимир Мухин. «Независимая газета» от 20.04.2010.

12

Олег Фочкин. «Вечерняя Москва», 7 ноября 2014.

13

Геннадий Кашуба, генерал-майор в отставке. «Красная звезда», 7 ноября 2009 г.

14

Виктор Баранец. «Комсомольская правда», 20 августа 2011.

15

Сергей Прудников. «СуперОмск», 3 мая 2012 г.

16

Александр Головенко, newsland.ru, 17.04.2013.

17

Михаил Зубов. «Московский комсомолец», 8 ноября 2013.

18

Александр Ярошенко. «Российская газета» – Неделя № 6251 (275).